

Неттлау Макс.

Публицистика

- Власть и свобода и их вековечная борьба
- Анархизм и большевизм
- «От платформы» до «тесного контакта» с «пролетарским государством СССР»
- Несколько замечаний об экономике анархизма
- Что должны делать анархисты в случае войны?
- Жизнь и деятельность Михаила Бакунина
- Анархизм и национализм
- Анархизм и религия
- Федерализм и централизм
- Взаимная ответственность и солидарность в борьбе рабочего класса
- На переломе: уходящий авторитарный и восходящий либертарный век
- Против утопий «переходного периода»
- Крушение авторитарного социализма и пути к новой прогрессивной деятельности
- Нужды анархической пропаганды в наши дни
- П. Аршинов и «пробуждение»
- Надо изучать либертарные идеи
- Россия и социализм
- «Исповедь» Бакунина царю Николаю I (1851 г.)

Власть и свобода и их вековечная борьба

1929, источник: [здесь](#).

Многие из анархистов приходят в уныние от сознания незначительности влияния, оказываемого на общественную жизнь и мысль анархическим учением. В самом деле, бросается в глаза малочисленность людей, затронутых всегда усердной нашей пропагандой в сравнении с миллионами людей на земном шаре, испытывающих влияние чрезвычайно развитой и энергичной пропаганды, ведущейся посредством печати, с амвона, трибуны и другими способами в интересах капиталистов, милитаристов, священников, большевиков, социал-демократов; или просто увлекающей публику подражанию кричащей моде, кружащей ей голову сногшибательными галстуками, шляпами, какой-нибудь модной религией, или поисками тайн бытия.

Начиная с огромных Северо-Американских Соединенных Штатов, в которых обоготворяются богатства и успех их накопления, и вплоть до безграничного СССР, очевидно зачарованного благодеяниями, которые сулит спасительная марксистская диктатура возбужденным и помраченным умам, не считая нескольких нейтральных уголков и мест, - ни один из народов не восстановил умственного равновесия, нарушенного со времени 1914 года: все они находятся под властью правительств, маскирующихся или цинично обнаженных, подобно диктатуре Муссолини; словом, - везде господствует власть.

Более того, социалистические лейбористские партии, в настоящее время увеличившие свои ряды миллионами номинальных членов, являются активными участниками оргий власти: из рядов этих партий вышли не только большевистские узурпаторы, но и политики, возглавляющие правительства больших европейских стран: Бриан, Макдональд, Сноуден, Герман Мюллер, Гильфердинг, а также властители, являющиеся олицетворением высшей степени реакции - Муссолини и Пилсудский.

Можно ли в таком случае предполагать, что современное человечество бесповоротно встало на сторону власти и что современный пролетариат мыслит социализм в той или иной властнической форме, искусно или грубо навязываемой ему? И неужели не осталось никакой надежд на осуществление идеала свободы, получающего выражение в анархизме?

По моему глубокому убеждению, нельзя представлять дело в таком неприглядном свете. Происходящие события только ускоряют темп эволюции, вводящей нас вначале в период бесплодных конвульсий, в сфере которых (и кто знает в какой стадии?) мы очутились перед тем, как благодетельная революция снесет сор и расчистит путь для создания свободного общества. Этот конвульсивный кризис сорвет маски, откроет многим глаза, и они станут

видеть более ясно, нежели прежде. А это уже само по себе большое достижение, и может иметь еще большее значение, если мы внимательно проанализируем совершающиеся события, сделаем правильные выводы и станем действовать в соответствии с ними.

Но для того, чтобы уяснить смысл сказанного и обосновать мои тезисы, мне придется коснуться прошлого и углубиться до самого корня некоторых вещей.

Молодая анархическая мысль, поскольку речь касается проблем практического применения свободы, воплощения анархизма в жизни, еще не сказала своего последнего слова. И это вполне естественно, ибо в данном случае приходится иметь дело с живым организмом. Кажущаяся устойчивость - путь к разложению и гибели.

Согласимся с тем, что власть первоначально находила себе оправдание в опыте и защите блага слабых; допустим, что свобода для слабого, например, новорожденного ребенка, при известных обстоятельствах, может быть равносильна оставлению его на произвол судьбы и смерти; представим себе, что благоразумное сотрудничество власти и свободы может иметь благотворные последствия, подобно заботливому уходу матери за беспомощным ребенком, или помощи ученику, оказываемой интеллигентным учителем; но из всего этого еще не следует делать заключения о том, что все эти исключительные случаи содружества власти и свободы можно сделать общими и распространить на многочисленные отношения между людьми, которые, по условиям жизни, развиваясь из простых и примитивных в более сложные формы, постоянно изменяются и принимают другой вид.

А посему власть и свобода, выполнявшие естественные функции в пределах своих сфер, распространялись, соперничали, боролись, смешивались и вступали в странные комбинации, образуя грубые и жестокие ткани первоначальных форм организованного общества, в котором власть и свобода почти никогда не находились на надлежащем месте, и лишь в редких случаях выполняли свое назначение.

Покровительство тогда превратилось в господство; воспитание приняло характер жестокости и принуждения; свобода была обращена в привилегию и тиранию; общественное пользование вещами было заменено частной собственностью; последняя привела к бесконечному накоплению богатств и монополии с соответственным ограблением слабого, лишенного собственности и превращенного в раба.

В этой первой великой борьбе, как можно предполагать, обладавшие властью, благодаря опыту, силе и таланту, превосходили, как воины, отстаивавших свою свободу, но оказавшихся еще недостаточно развитыми, сильными и опытными, и поэтому авторитарии победили, и с доисторических дней до настоящего времени являются господами положения. Этот хотя и долгий промежуток времени является все еще только начальной ступенью развития на пути создания более гуманной, достойной людей, жизни, о которой всегда говорили лучшие мыслители и пророки.

Поэтому буржуазные защитники современной "прекрасной" системы ничем особенным не могут гордиться, кроме разве чрезмерной разорительности и дряхлости капиталистического строя. Они все еще являются достойными прямыми наследниками пещерных жителей.

Подобно дикарям, они бьют своих противников по голове, как это делали дикари; они усовершенствовали инструменты взаимного истребления и способы удержания в рабстве и покорности (именуют своих рабов гражданами и даже товарищами) путем устрашения, чтобы принудить их к повиновению.

К таким результатам приводит эволюция, когда свобода систематически подавляется и власть порождает уродливые явления. Пройден ли уже крайний предел и что нас еще может ожидать впереди, - трудно предсказать.

Отвратив взор от этого неутешительного зрелища, остановимся на истории свободы, оттесняемой на задний план, преследуемой жестокой властью, но никогда до конца неискоренимой, никогда не признающей себя побежденной, всегда храбро пробирающейся вперед.

Изгнанная из общественной жизни и лишенная доступа к богатствам земли, захваченных монополистами, свобода жила в индивидуумах, в частной жизни, в чувствах, а временами в действиях анонимных коллективов; ее сфера - интеллект и чувства, мысль и действие. Ее результаты - общественность и взаимопомощь, прогресс просвещения, опыт, изыскания и наука, этика и человеческое достоинство в поведении, иногда восстание против власти и ощутимый подрыв ее авторитета.

Жизнь, которая была бы невыносимой в адском водовороте власти, каковой она становится в странах слишком деспотических, лишенных свободного дыхания, подобно фашистской Италии, или большевистской России, - всем обязана свободе. Идет ли речь об облегчении давящего бремени, ограничении власти и монополии, смягчении жестокостей власти, гуманизации властителей и управляемых, всякий прогресс науки и применения ее в практической жизни, словом, - всем в жизни мы обязаны свободе.

Поскольку работа интеллекта, являющегося существенным фактором опыта, изыскания и положительных успешных результатов зависит от условий свободы, и поскольку широкое применение этих результатов тоже находится в зависимости от степени условий, от наиболее благоприятных условий, сводящихся к уменьшению препятствий, т. е. наибольшей свободы, - то становится очевидным, что свобода - самый существенный фактор в развитии человечества, и что власть, терпимая в условиях примитивного состояния людей, должна отойти в область предания, а в случае сопротивления, чего естественно можно ожидать, она должна быть свергнута. Ибо власть по своей природе - консервативный, непроизводительный, нетворческий фактор. Она может передавать приобретенный опыт, но не может сама увеличивать его. Это просто исполнительный орган, но не мыслящий. Она только способна повиноваться приказам или извращать их в неправильном направлении, ухудшая положение. Она подобна часовому, поставленному для охраны кучи дров и оставленному на этом месте в течение ста лет, не смененному новым часовым. Точно таким же образом столетние и более старые законы все еще дают нас.

В результате свободный человеческий интеллект, возникающий обычно при очень затруднительных условиях, всегда должен проявлять себя в еще более несовершенной и трудной обстановке, вследствие чего человечество получает гораздо меньше пользы,

нежели оно могло бы иметь при отсутствии ограничений и при наличии свободы.

Таким образом, власть является самым антиобщественным фактором, в то время как свобода - самым общественным фактором. И когда люди поймут это, то станут действовать соответственно. В этом понимании лежит непоколебимая и твердая надежда на постепенное создание условий, благоприятных для осуществления анархизма.

Антиобщественные элементы со временем исчезнут из жизни подобно тому, как это случилось с доисторическими гигантами - динозаврами. Точно также должен исчезнуть антиобщественный государственный организм и паразитический капиталистический строй, которые уступят место новому обществу, более уравновешенному, деятельному, гуманному и пригодному для жизни человечества.

Эта великая задача уничтожения грубой, ленивой, насильнической и развратной власти и замены ее подвижной, деятельной свободой составляет важную проблему прогрессивной эволюции человечества, и все люди и объединения их, представлявшие действительную ценность, во все времена стремились к ее разрешению самыми различными путями в каждой области, в то время как все господствующие и паразитствующие элементы, преследующие свои эгоистические, консервативные цели, страстно восставали и противодействовали всякими средствами, в числе которых умственное затемнение необразованных трудящихся масс всегда играло значительную роль.

Они принуждали эти темные массы служить власти, Богу, королям и его начальникам и создавали культ преклонения перед ними, который Этьен де ла Бойль в XIV столетии называл добровольным рабством (*servitude volontaire*), проникнутым духом не только обреченности и фатализма, но самовнушения внутренней правильности, заключающейся в подчинении и послушании, духом, который в английском языке несколько поколений назад породил приобретший права гражданства термин "лучших классов" и им стали обозначать богатых людей, буржуазию в отличие от "каналей", простого народа: как будто бы эти два разряда людей возникли "по воле Бога".

Спротивление и восстание против уродующей властнической системы должно быть поэтому всеобъемлющим, охватывающим интеллектуальную, социальную, политическую, моральную и все другие области жизни, ибо все это было и остается извращенным и искаженным влиянием власти в интересах сохранения привилегий и монополии. Все это требует всеобщей борьбы за освобождение, которая должна быть исчерпывающей, затрагивающей интеллект, быт, политику, пол, мораль, этику, искусство и т.д. Все эти области имеют свои собственные темпы, методы, хронологию и местные условия развития, но вместе с тем являются частью огромного общего усилия, и это общее усилие, призыв к гигантской борьбе суть нынешняя и будущая борьба за полное освобождение, за свободное или, как мы называем его, анархическое общество. Следует уяснить себе, что мы ценим каждое отдельное, частичное усилие, являющееся частью этого общего усилия, но мы понимаем, что только общим усилием можно достигнуть подлинного освобождения, частными же усилиями его невозможно осуществить.

Мы безгранично ценим свободомыслие. Но само по себе оно не спасение: буржуазия и либералы восстают против социального и политического освобождения точно так же, как и клерикалы.

Мы высоко ценим известную степень политической свободы, но мы считаем, что низведение государственного вмешательства до минимума и даже осуществление идей Герберта Спенсера, нисколько не мешает государству, даже с ограниченной властью, защищать собственность, оставаться непримиримым врагом социализма и мешать его осуществлению.

И опять-таки, мы ценим всякую работу на пользу социализма, но вместе с тем мы не можем не видеть, что авторитарные формы социализма, осуществляемые в виде государственных социалистических реформ, или посредством большевистской диктатуры, не приносят свободы народу, превращают всех, кроме самих диктаторов, не только в несчастных людей, но и обрекают еще на большую нужду и страдания, благодаря неизбежной некомпетентности искусственно созданного аппарата диктатуры.

Поэтому, подобные частные социальные завоевания, сами по себе желательные, как всякое освободительное усилие, являются начальными, отрывочными стадиями освободительного движения, и могут быть уничтожены опять, если они останутся изолированными. Либеральные движения, как бы они ни казались симпатичными, остаются неподвижными вследствие того, что либералы расходятся во мнениях, и очень редко выступают коллективно для достижения целей, ведущих на путь свободы. И опять-таки, либералы, радикалы и свободомыслящие могут оставаться яркими противниками социализма, не стремящимися в этом направлении.

Точно также социалисты, слепо приемлющие государство и отвращающиеся от анархизма, в равной мере попали в тупик реформистского сотрудничества и большевистской диктатуры, осуществляемой правящим меньшинством с помощью бюрократии, армии, тайной и явной полиции.

Все это показывает бесплодность подобных частных завоеваний, если сторонники их не считаются, отвергают или разрушают солидарность и другие усилия, направленные к освобождению. Это всегда понимали подлинные анархисты, и бакунинский федерализм, социализм и антиатеологизм, впоследствии получивший выражение в атеизме, анархизме и коллективизме, был принят антигосударственниками в Интернационале, ибо они понимали неразрывность связи интеллектуального, политического и социального освобождения, куда также входят другие области, упомянутые выше. Только подобный, полный социализм заслуживает внимания, в то время как социализм в укороченном виде, хотя и ценный элемент, но не может быть здоровым организмом, подобно тому, как одна рука, одна нога, которой искалеченный человек может обладать, хотя и представляют сами по себе известную ценность, - ибо лучше иметь одну руку или ногу, нежели ни одной, - но, тем не менее, этот бедный человек все-таки остается калекой.

Прийти к пониманию этого, может быть, несколько затруднительно, и поэтому число социалистов свободомыслящих неизбежно значительно меньше, нежели социалистов, не признающих свободы и не ценящих свободомыслия. Но по мере увеличения числа

социалистов со свободными взглядами, анархисты должны усиливать свою активность, должны взять правильный курс и употреблять свою энергию самым благоразумным образом. Для получения же лучших результатов необходимо произвести переоценку ценностей и избавиться от некоторых иллюзий, представляющихся анахронизмом в наши дни.

Со времени французской и американской революций, а также восстаний и революций XVI и XVII столетий (бунты германских крестьян, Нидерланды, Англия и т.д.), обнаружилась возможность массовых движений в пользу коренных перемен. Социализм становится душой этих движений, оказывает влияние на умы, организацию, воодушевляет на борьбу, толкает на заговоры, побуждает к опытам общественного строительства, словом, - играет роль могущественного универсального фактора, победоносного и способного осуществить ту или иную форму благодетельного социализма.

В век Вашингтона и Мирабо, Дантона и Наполеона верили в подобные всепобеждающие возможности в соответствии с личными настроениями и наклонностями. Выдающиеся социалистические мыслители считали упомянутые выше мотивы движения несокрушимыми импульсами, толкающими на штурм капиталистической системы, приводящими к исчезновению капитализма после удачного социалистического опыта (Фурье, Роберт Оуэн), или они создавали планы насильственного свержения капитализма (Маркс). Они верили в сокрушающие революционные силы пробуждающегося народа (Бакунин); в разумность принципов равного обмена и справедливых договоров (Джошиа Уоррен, Прудон) и т. д.

Рабочие, казалось, были склонны к созданию организаций в большом масштабе (тред-юнионы), и в самом деле независимо от социалистического движения, были принуждены к этому, чтобы защитить свое физическое существование, которому угрожала фабричная система в первоначальный свой период накопления, пожиравшая мужчин, женщин и детей на фабриках, подобно тому, как фабричные печи поглощали уголь.

Рабочие, также казалось, были склонны к коллективному политическому и социальному действию (чартизм), и скоро вошло в обычай организовать группы рабочих избирателей в тех случаях, когда они пользовались избирательным правом, посылать своих представителей в избирательные учреждения и т.д.

Все это породило разнообразие социалистической критики, планов, систем, тактик и опытов, а также постоянные столкновения, соревнование, взаимное отрицание и очень серьезную вражду между школами социалистической мысли. К этому времени наука только начала освобождаться от подобного состояния нетерпимости, непрекращающейся войны и ссоры, установила критерий для объективной оценки научной работы, и среди ученых все более популярной становилась идея дружественного сотрудничества.

С другой стороны, века религиозных войн, взаимной ненависти, насаждаемой государством, порождаемой ожесточенными войнами, политическим фанатизмом самых разнообразных оттенков во имя сохранения власти, предшествуют периоду более братских отношений, в которых находят воодушевление более ранние поколения социалистов. Все социалисты были нетерпимы, подобно проповедникам двух сект, подобно воинственным филологам XVII столетия, подобно деятелям Французской Революции, посылавшим своих оппонентов под

нож гильотины, и эта нетерпимость превращалась у них в священную обязанность; терпимость, по их понятиям, равносильна снисходительности, а это в свою очередь - измена.

При подобных условиях, - как это проглядывает из каждой детали при ознакомлении с ранней социалистической литературой и как это с большей яркостью выявляется при тщательном историческом исследовании, - началась столетняя социалистическая война между конкурирующими социалистическими течениями, все еще продолжающаяся и конца которой все еще не видать. К великому сожалению, приходится констатировать, что эта междоусобица, в начале выливавшаяся в форму полемики и словесных сражений, в настоящее время приняла вид далеко не безобидный после того, как борющиеся стороны стали прибегать к способам борьбы, практикуемым в России с осени 1917 года, угрожающим всем другим странам, где власть может очутиться в руках враждующих фракций, каждая из которых претендует на выразителя подлинного вида социализма.

Социализм проникнут до такой степени принципом власти, что не терпит "иного Бога", кроме себя, и что каждая фракция несомненно верит в возможность и необходимость навязывания всем своих мнений. А коль скоро это так, то считается не имеющим особенного значения, - навязываются ли эти мнения посредством убеждения или же насильственно. Возмутительным в данном случае надо признать самую мысль навязать человечеству одну общую систему добровольно или посредством насилия.

Фанатизм (подобно патриотизму), мода (апеллирующая к атавистическим инстинктивным желаниям), реклама (употребление всяких хитрых фокусов) могут вызвать взрыв массового энтузиазма; но социализм, - мы все в этом согласны, - стоит на более высокой ступени и требует сознательного восприятия человеком для того, чтобы иметь подлинную ценность и успех.

В равной степени очевидно, что общественным мнением, большинством и т.д. нельзя разрешить вопроса о достоинствах того или иного дела; что в настоящее время нельзя предвидеть развития будущих событий или старых систем; что изоляция - причина слабости во всякой области, - не может быть признана за силу в какой-нибудь системе, которая могла бы добиться успеха нечистыми средствами, уничтожить все другие системы и затем занять преобладающее, хотя и изолированное, положение диктатора.

Короче говоря, эта нетерпимость парализует и разрушает социализм и всегда приводила к подобным последствиям. Более того, это напоминает сизифов труд: марксизм сделал все возможное для того, чтобы разрушить всякие иные формы социализма, и с начала и до конца рука Маркса поднималась против всех других социалистов и анархистов.

Подобная деятельность порождала раскол за расколом (кроме анархистов, выступивших на самостоятельный путь), обескровила социализм и разогнала социалистов (конечно только на бумаге в те отдаленные времена). Что же последовало? Социализм раздробился на кусочки (Бернштейн и Каутский, Плеханов и Ленин, реформисты, соглашатели, социал-предатели, большевики - правые и левые, троцкисты - чего только нет!?)...

Все это также является предостережением для тех анархистов, которые нуждаются в нем. Мы являемся счастливыми обладателями прекрасных толкований анархизма и представлений о его будущих внутренних построениях, о том, каким образом он сможет преодолеть препятствия и быть осуществлен, которые изложены в произведениях знаменитых, авторов, в большинстве случаев очень воинственных наших товарищей - Годвина, Уоррена, Прудона, Макса Штирнера, Элизе Реклю, Бакунина, Джеймса Гильома, Цезаря де Папа, Малатесты, Кропоткина, Рикардо Мелла, Вольтерины де Клэйр, Густава Лэндауэра, Жан Грва, Себастьяна Фора, Пьетро Гори, Луиджи Галлеани, Луиджи Бертони, Иоганна Моста, Александра Беркмана, Эммы Гольдман, Льва Черного, Карелина и т.д., не считая Льва Толстого и других, симпатизирующих безгосударственности. Этот список мог бы быть продолжен неограниченно путем включения тех, кто занимает независимые позиции во время обсуждения анархических проблем и прибавляет новые ценности своими изысканиями, которых можно было бы окрестить названием интеллектуальных спорщиков об анархизме. Кроме того, каждый независимый товарищ имеет свое собственное суждение по вопросам, хорошо ему известным, или составляющим предмет его особого внимания.

Может ли кто-либо претендовать на то, что все эти последователи анархизма сходятся на какой-нибудь одной доктрине? Очевидно, - нет. Возможно ли представить, чтобы они отвергали друг друга до такой степени, что один из них или родственная группа механически выйдет победителем, как это случается на гонках, когда победа достается тому, кто первым прибежит к столбу.

Не может быть сомнений в том, что чепуха и второстепенные вещи не идут в счет, и я упомянул здесь самые лучшие имена, которые и до сего дня вспоминаются с уважением. Утрачивают ли ценность произведения Прудона потому, что Кропоткин не соглашается с ним? Надо ли считать индивидуализм ошибочным только потому, что некоторые имеют неправильное представление или не любят личность Макса Штирнера? Заблуждаются ли коммунисты только потому, что коллективисты восстают против коммунизма? И было ли когда-либо достигнуто общее мнение путем соглашения относительно всех этих вопросов? Каждое подобное утверждение может быть оспорено, и каждое или большинство из ранних мнений все еще дебатировались товарищами и вырабатываются новые понятия.

И надо почесть за счастье, что мы являемся обладателями этого богатства и разнообразия, и что это одно достаточно для того, чтобы убедить нас в благотворности свободной игры многообразия в будущем анархическом обществе, где все, теперь дремлющие, силы пробудятся и станут творить собственную жизнь не по указке какой-нибудь теории. Что сулит будущее, что может принести нам завтрашний день, - нельзя представить, и эти неожиданности можно лучше всего встретить, подготовившись ко всему возможному в пределах разумного. В противном случае, нам придется оставаться рабами доктрины и плодить интеллектуальных диктаторов.

Еще сорок лет это понимали назад наши товарищи, преимущественно в Испании, предлагавшие тогда анархизм без экономического эпитета (представляющего экономическую гипотезу), анархизм - чистый и простой, но их пример и совет был отвергнут, ибо каждый был убежден в правоте своих возвещаемых убеждений, и придавал исключительную ценность той или иной гипотезе: индивидуализму, коллективизму или

коммунизму.

Подобный вопрос ставился на обсуждение, после его возникновения в Испании, неоднократно и еще до сего времени не получил разрешения. Я усматриваю признак приближения к его разрешению в недавней Декларации принципов Американской Континентальной Ассоциации Рабочих, принятой на континентальном конгрессе, состоявшемся в Буэнос-Айресе в мае месяце, на котором было представлено большинство латинских стран, гласящей:

"...Не определяя специальной формы организации будущих экономических отношений, Американская Континентальная Ассоциация Рабочих рекомендует коммунизм в качестве условия, обещающего наибольшую гарантию социального благополучия и индивидуальной свободы. Что касается уничтожения государства, то в Декларации говорится, что Ассоциация требует свободного и равного общества, т. е. анархического общественного устройства".

Итак, Декларация требует уничтожения признанного зла (государства), она рекомендует экономическую форму, гипотетически, представляющуюся лучшей. Это правильный подход к делу, и я надеюсь, что этот пример - результат серьезной работы мысли, - встретит поддержку. Мы только можем рекомендовать, мы никогда не должны прокламировать, декретировать, диктовать.

Поскольку мы признаем, что не должно и не может быть гегемонии доктрины, исключаящей все другие, в области социализма и анархизма, постольку мы также должны признавать тот факт с вытекающими из него последствиями, а именно, - что в ходе и после революции, в реорганизованном обществе, существующие различные социалистические и анархические мнения не исчезнут и будут стремиться найти соответственное применение, надо считать несбыточной надеждой то, что подобные различия исчезнут подобно утренней росе при восходе солнца. Опыт показывает, что в случае их исчезновения в периоды общего возбуждения они опять наверняка проявляются на следующий день и, что всего вероятнее, - вступят в ожесточенную борьбу с применением насильственных средств. Мы не можем уклониться от этой проблемы, ибо социальные перемены вызываются множеством причин на всех стадиях авторитарного и либертарного развития, и что не избежать самой отчаянной борьбы за право на существование между ними, если своевременно не будет достигнуто соглашение о взаимной помощи. А так как время не поспевает за выдвигаемыми задачами и переменами в настроениях, то трудности разрешения затронутого вопроса представляют огромные размеры. Ибо эта работа пренебрегалась веками. Каждый всегда восхвалял свою собственную доктрину или школу, как единственно правильную. И результаты известны...

Теперь поле деятельности изобилует конкурентами. В 1917 году, когда, казалось, наступило торжество социализма, разразилась катастрофа, поразившая и уничтожившая слабые фракции, которая оказалась более губительной для жизни социалистов, нежели зловещая Ходынка во время коронации последнего царя. И пусть это будет последним большевизмом, коронованным на костях бесчисленных жертв! Но если мы все не возьмемся за работу, то можно ожидать нового повторения этих социалистических катастроф, когда победившая

фракция сокрушит все другие, народ окажется несчастным, и кто может представить себе конец подобной авантюры?

Все это результат социалистических настроений, возвышенных и благородных самих по себе, комбинируемых с авторитарной волей и авторитарным умонастроением. И если в анархических настроениях совместить подобное самосознание, нетерпимость и волю к навязыванию единой системы, - то результат получается тот же самый. Те, кто не могут понять этого, являются поверхностными анархистами и государственниками с головы до ног. Наши пути расходятся, и их дорога ведет назад, во властнический стан.

Если из этих замечаний могут быть сделаны какие-либо практические выводы, то они, по моему мнению, вкратце представляются в следующем виде:

Свобода является отражением высшей и позднейшей стадии развития человечества, нежели власть, подобно тому, как взрослый человек представляет высшую ступень развития и превосходства, нежели беспомощный ребенок. И поэтому, между ними примирение и союз невозможны. Возможно только сожительство, рядом друг с другом, на принципе невмешательства, нарушаемое временами переменной борьбой. Это относительное сожительство существует даже в наше время, хотя и в искаженных формах в тех случаях, когда утихают преследования и систематическое массовое подавление свободы (фашизм, большевизм) не преобладает. До тех пор, пока власть не исчезнет или не будет ослаблена в умах людей, где она глубоко укоренилась, нельзя ожидать перемен к лучшему.

Тем временем, надо использовать всякие оттенки и проблески либертарной, либеральной, гуманитарной и социальной мысли и импульсов, чтобы подорвать авторитет власти. Это значит, что мы, анархисты, не должны работать только для анархизма вообще, или только в интересах известного анархического течения, но должны вступать в широкие отношения со всеми либералами, неавторитариями, свободомыслящими повсюду и делать попытки зажечь любовь и стремление к свободе в широком смысле.

Мы не должны искать извинительных причин нашей бездеятельности в неполном, временами недостаточном, ошибочном по нашему мнению стремлении других к той или иной форме свободы. Мы должны помнить, что наша солидарность с нынешними требованиями рабочих и их недовольством, со всяким антикапиталистическим рабочим движением, хотя бы авторитарным, приводит нас к постоянному кооперированию, практике солидарности с рабочими и рабочими-социалистами - ярыми врагами анархической свободы, или несколько не интересующимися нашими стремлениями. И тем не менее, мы остаемся солидарны с ними, поскольку они ведут себя вызывающе в отношении капитализма, или нападают на него. Мы обязаны точно такой же степенью солидарности каждому либеральному движению, ибо таковое является актом сопротивления или подрыва власти, государства, моральных предрассудков, рабства и рабской психологии.

Индивидуально, несомненно, многие анархисты уже теперь делают очень многое в этом направлении, расширяют сферу своей деятельности и помогают делу свободы. Но другие тщательно избегают этой работы, они парят в заоблачных, недоступных высях, в

прекрасном одиночестве, в незапятнанных белых одеждах позируют в роли праведников, как будто их миссия состоит в том, чтобы оставаться безупречными святыми, подобно анахоретам в пустыне, которые восседали на высоких каменных столбах или замуровывали себя в кельи, чтобы избежать всякого общения с грешной жизнью. Или же, группа заменяет личное отчуждение, подобно тому, как социальная жизнь монастыря заменяет узкую келию отшельника. В раннюю эпоху христианства более искренно убежденные христиане расточали свои жизни в затворничестве, вследствие чего вся их церковь попала в руки жуликоватых христианских торгашей. И мы видим, что социальные движения подобным же образом попадают в руки плутоватых профессионалов, ибо лучшие элементы очень часто уходят из движения.

Если бы анархисты всех оттенков и симпатизирующие анархизму, сознающие свою ответственность по отношению к великому делу свободы, одолеваемые в наше время врагами-государственниками, углубили свое уважение к свободе практикой взаимной терпимости, расширили свой кругозор, вступили в благотворный контакт со всяким либертарным движением, хотя бы слабым и неполным, они возбудили бы симпатии людей к свободе и своему учению, которое, надлежащим образом представленное и распространенное, является самой полной и совершенной формой социализма. И тогда анархическое учение, очень малоизвестное в настоящее время, вызвало бы интерес и симпатии и стало бы серьезным фактором. Государственники же, теперь играющие большую роль в обществе, благодаря незначительному влиянию либертарных идей, с усилением последних, станут терять поддержку тех, которые тащат повозку власти только потому, что в настоящее время очень мало делается для распространения идей свободы.

Подобная работа должна быть предпринята нами по собственному побуждению. Нет смысла бездействовать из года в год ожидать возмущения воды. В данном случае мы сами представляем живую силу, которая может и должна возмутить воду. Будем надеяться, что в скором времени будут предприняты энергичные шаги в этом направлении: положение и без того плохо, чтобы позволить ему ухудшаться.

Анархизм и большевизм

1930, источник: [здесь](#).

Социализм, каким он должен быть, и социализм, каким он быть не должен

Настоящей интеллектуальной катастрофой и моральной трагедией является то обстоятельство, что, после целого столетия углубленного исследования процесса эволюции и направления человеческого прогресса, первые же возможности социалистических движений в крупном масштабе, созданные крушением царизма в 1917 году, были загублены. Они были принесены в жертву на алтаре всего, что стремится назад, упрочивая власть, воздвигая стены и плотины против эволюции и принося человечество еще раз в жертву молоху единой догмы и касте первосвященников, присягнувших этой догме. Это было сделано большевистской узурпацией и монополией в ноябре 1917 года.

Узурпация и монополия с тех пор все росли, фатально укрепляясь и обособляясь в той степени, в какой они пытались стать на пути эволюции и добиваться только своего собственного увековечения. Чтобы совершить это в нынешнем веке, узурпация вынуждена внешним образом подражать формам прогресса, техническим усовершенствованиям и социальному устройству, но это уже не признание прогресса, как монархия или церковь не становятся просвещенными и прогрессивными, когда дворцы и церкви освещаются электричеством или декорируются современными художниками. Все морально гибнет под рукою реакции, которая захватывает целиком душу и тело человека в свою власть и формирует их по своему усмотрению. Именно это, судя по всему, что я знаю, проделывают с русским народом с конца 1917 года, как это делают и с итальянским народом с 1922 года и с другими народами в других формах с тех же пор.

Это пластическое переделывание мысли и природы народов догматическими деспотами является преступлением против духа человечности. Человечество, со второй половины XVIII века, переросло эту стадию, - оно боролось и бунтовало против нее, будило разум, все более возмущалось и проявляло свой гнев повсеместными революционными вспышками, выражало свое возмущение в мысли и в науке, во всех формах либерализма и социализма на протяжении столетия. Человечество не желает идти назад в интеллектуальную и моральную опустошенность и грубость средневековья.

Все это необходимо объяснить исторически, как примитивное несовершенство первых коллективных практических шагов к социализму, сделанных при самых неблагоприятных условиях, после целых годов раздражающей, огрубляющей и мучительной войны. Мы должны допустить, что в 1917 и 1918 годах ни меньшевики, ни социалисты-революционеры, ни синдикалисты и ни одно из направлений анархической мысли не отличались особо высокими качествами, ни в своих практических достижениях, ни в своей моральной способности приносить партийные интересы в жертву общему делу.

Допустим все это в интересах дальнейшего обсуждения вопроса. Чем больше было необходимости в дружественном сотрудничестве всех прогрессивных сил, тем более индивидуальная догма, самоутверждение, заинтересованность и партийная гордость, или тщеславие должны были отходить в сторону. На самом деле сделано было как раз обратное и то же самое продолжает делаться и теперь. В результате получается застой и разложение, которые в настоящее время лишают человечество сотрудничества целых народов, больших и малых, заключенных в тюрьмы и содержащихся за решетками или за колючей проволокой границ большевистских, фашистских и национал-диктаторских государств. Другие народы содержатся в настоящих домах смерти, под гнетом финансового разорения и обнищания, духовного и телесного голода и отчаянья. Лишь очень немногие народы ведут относительно нормальную жизнь, но и они потрясены поразительным ростом кризиса в течение 1931 года, и им также не под силу нести тяжесть современной цивилизованной жизни, чрезвычайно сложного организма, зависящего от сотрудничества очень значительного числа сил, из которых многие теперь парализованы, дезорганизованы или даже и вовсе уничтожены. Столько подпорок вынули или пытаются вынуть, что крушение, которое может при таких условиях наступить, не только повторит, но усилит и ухудшит те неблагоприятные условия, которые в 1917 году оставили так мало шансов на благоприятный исход Великой Русской Революции.

Есть люди, которые уверяют, что защита большевистской революции требовала и до сих пор еще требует безусловного подавления всего, что не есть большевистские мысль, действие или, по крайней мере, слепое подчинение им. И есть много сочувствующих, которые этому верят, и тем больше верят, чем дольше они живут. Все это только временно, говорят нам эти люди, и указывают на то, что несколько поколений тому назад Маркс, а позднее также и Ленин признавали безгосударственное управление, свободное общество, анархию, как последнюю и окончательную стадию развития - совершенно так же, как самый богатый капиталист-христианин всегда готов признать, что после чистилища люди войдут в Царствие Небесное, где не будет ни богатых, ни бедных, а все будут равны, свободны и счастливы. А пока что, "временная" стадия должна быть продлена всеми способами, - а мы знаем, что означает "всеми способами", мы знаем также особую жизнеспособность общественного устройства, именуемого "временным" или "переходным". Так как такие промежуточные формы весьма несовершенны, стеснительны, невыносимы, то их поддерживают силой, путем все более растущего принуждения, со все большими расходами, и все это противоестественное, искусственное положение вещей становится еще более невыносимым и требует еще более искусственных подпорок, путем силы и крупных издержек и т.д. - от плохого к худшему до тех пор, пока перегретый паровой котел не разрывается. Тогда происходит разрушительное крушение. Все это присуще так называемым "временным мерам", полумерам, которые по самой природе своей не могут быть вполне действенны и, следовательно, должны вести к кризису. Они не могут вести к здоровой и прогрессивной эволюции, ибо отрицательные усилия может вести механически и неизбежно только к отрицательному эффекту, и весь организм не может жить надлежащим образом при длительном отсутствии поддержки.

Таким образом, большевизм, совершенно независимо от его внутренних качеств, обанкротился в качестве двигателя прогресса, и потерпит банкротство и как живая система, хотя его все еще поддерживает тот естественный закон, который делает невозможным для

маленькой силы, для воли догматического меньшинства, контроль и управление жизнью гораздо большей силы - всего русского народа.

Наихудшие правительства ухитрялись, правда, существовать путем репрессий, лести, внешних войн и т. д., прогрессивные силы всегда стремились к свержению таких правительств и очень часто в этом преуспевали, - и большевизм поставил себя как раз в такое же положение: напрягая каждый нерв, он ухитряется существовать, но в один прекрасный день он дрогнет и падет.

Будущее социализма не зависит от судьбы этой первой попытки, которая таким очевидным образом потерпела неудачу. Будущий великий художник пишет иногда, в детстве своем, неумелые наброски, но уже в этих первых набросках его можно иногда различить ту или иную особенность его будущих достижений. Никогда не бывает так чтобы какая-нибудь школа художников развивалась, исходя из таких детских несовершенных рисунков, взятых за образец. Точно также нелепо было бы считать, что неизбежные несовершенства большевистского режима должны быть приняты за образцы, что эти образцы следует почитать, как неизменные, что им следует рабски подражать и стремиться пересадить их во все другие страны, как делают "коммунистические партии." Они делают не только это, они еще борются против всякой другой социалистической концепции во всех странах с тем же самым диким фанатизмом, с каким стоящие у власти большевики материально подавляют все другие течения внутри современной России.

Так поступали христиане в самые мрачные времена, сжигая еретиков, предавая мечу неверных и подчиняя всю Европу слепой покорности, удушая свободу и науку. Можно ли поэтому считать, что ни одна цивилизация ничего не стоит и что единственным образцом для всего мира является примитивный организм нынешней русской экономической жизни, - механизм, который, судя по всему, что мы знаем, обеспечивает лишь скудную жизнь изо дня в день ценою подчинения суровой государственной власти с ее невиданной жестокостью.

Нет, человечество не так бедно и никогда таким убогим не будет. Уже в XIX веке оно достигло той ступени свободного интеллектуального сотрудничества во всем мире, которая не позволит силам фанатизма надолго остановить ход умственного развития. Мы, социалисты, со времени 1917 года на горьком опыте познали, что словесная война социалистических школ между собою в течение предыдущего столетия не закончилась каким-нибудь единым порывом к радостной солидарности в день действительной победы. Наоборот, полемика на бумаге почти всегда приводила к тому, что преобладавшая партия угрожала более слабой партии вооруженною силою и потом безжалостно подавляла ее силою физической. Большевики использовали своих противников и принудили их к молчанию, которое длится вот уже 14 лет. Мы думали, что Французская Революция, во времена которой одна партия за другой отправлялась своими бывшими членами на гильотину, должна была послужить примером, ибо это послужило только на пользу конечному торжеству диктатуры Бонапарта, для сокрушения которого понадобилось объединение большей половины Европы много лет спустя. Для нас это было и есть предостережение, - для большевиков же это было и есть образец. Здесь они стоят в стороне от всего мирового социализма. Если их господство затянется, как затянулось господство

Наполеона, то это было бы бедствием и подрывом, а не спасением общества. Каждый знает теперь, что авторитарный социализм на деле означает абсолютную тиранию, как Бакунин столько раз заявлял в лицо Марксу, но чему верить всегда отказывались в массе своей социалисты.

Эти факты прокладывают дорогу для прогресса всех подлинно свободных форм социализма. Социализм без свободы столь же невыносим, как лавка, набитая всеми произведениями земли, но с закрытыми окнами, без воздуха, где людям невозможно было бы жить. Окна для воздуха и свободы должны быть широко открыты в социалистическом обществе, - таково теперь убеждение здоровой и здравомыслящей части человечества. Голоса этой части человечества часто заглушаются истерическими криками отчаявшихся людей, стоящих накануне потери разума и способности жить. Такие люди начинают призывать тирана-диктатора, подобно тому, как обезумевший человек хватается топор и сокрушает все вокруг. В этих бедных жертвах говорят века авторитарного воспитания. Они представляют собой власть, потерявшую разум. В странах, стоящих накануне полного крушения в Европе, такие люди бросаются от коммунизма к национализму, к фашизму, туда и сюда, подобно моли, летающей от свечи к свече, пока она не обжигает себе крыльев. Это просто безумие, индивидуальное и коллективное.

Все это должно научить нас терпеливо относиться к человечеству, из рядов которого в годы успешной пропаганды так много лучших людей пришли к социалистам и анархистам.

Они заставили нас поверить и, до некоторой степени, надеяться, что почти все остальные люди подобны им и что, следовательно, путем усиления пропаганды с течением времени можно было бы привлечь в наши ряды очень значительную часть населения. Мы упустили из виду тот факт, что число таких новообращенных подлинных социалистов очень ограничено и что только путем постоянного ослабления своего социалистического характера социал-демократические и рабочие партии и крупные рабочие организации могут побуждать миллионы голосовать за себя или получать членские карточки больших профсоюзов.

Теперь, когда все неприятное и катастрофическое, ежедневно происходящее после 1914 года, оказало влияние на повседневную жизнь каждого в Европе и очень многих в Америке, а также на других континентах, теперь в движение пришли глубочайшие массы. Ретрограды выступают на передний план так же, как и прогрессисты, и мы только теперь можем измерить сумму атактистической авторитарности, невежества, зверства, которые жили и живут среди нас в каждой стране. Это шествие отсталых в конечном счете может однако, по моему мнению, только показать неподготовленность и бесплодность их. Свободомыслящие люди стоят в стороне в эти годы, но они не ушли и не вымерли - они только предоставляют ретрографам показать себя на деле и исчезнуть. Мы надеемся, что на этом и закончится парад ретроградов, хотя они могут еще причинить много вреда, прежде чем исчезнуть.

Анархизм играет важную роль, славную роль в подобные времена, если только он твердо стоит за свое и всего человечества великое дело. Не анархизм, изложенный в программах, в платформах, в брошюрах, в банальных статьях и речах, а предчувствие более широкого и глубокого грядущего анархизма. Этот анархизм, устами Годвина, предостерег Французскую Революцию от принятия ею авторитарного характера и направления. Он снова послал

предостережение революции 1848 года устами Прудона, предупреждая ее не превращаться в правительство нового образца. Тот же анархизм, устами Бакунина, предостерегал Интернационал 1864 года от превращения составлявших его групп и партий в фракции, растерявшие свой социализм из-за авторитарной жадности к политической власти. Вследствие несчастного стечения обстоятельств, такие предостережения слабых голосов всегда оставались без внимания, вплоть до военной катастрофы 1914 года. Эти голоса слишком слабы, почти случайны даже теперь, после семнадцати лет всеобщих страданий. В течение этих семнадцати лет даже те, кто менее других пострадал, не имели возможности полностью наслаждаться своим более счастливым положением. Эти голоса должны усилиться и стать постоянными быть выразителями широких и общих воззрений. Все дело социализма находится теперь под защитой таких людей, ибо большевики не заботятся более о социализме, будучи заняты истреблением тех, кто не примыкает к их вере. Политические же социалисты до такой степени увязли в современном строе – от Муссолини, Брианов, Макдональдов, Пилсудских, управляющих целыми странами, до мелких людей, составляющих десятки тысяч, связанных с какими-нибудь должностями в государстве или партийных машинах, – что они поддерживают этот строй изо дня в день, всякими ухищрениями пытаются продлить его существование. Их задача – продлить благоприятное для них положение, задерживая приход свободного общества, где им также – подумайте только! – может быть пришлось бы работать. Таким образом, все покоится на плечах всех прогрессивных людей и в особенности анархистов, которые черпают свое нравственное право в том, что они были и желают быть наиболее ценными представителями прогресса. Из всех социалистов только они не стремятся навязать какой бы то ни было строй, они хотят только расчистить дорогу от всех препятствий для прогресса: от власти и невежества, привилегии и монополии, от господства жадности и покорности ей, – а тогда прогресс, свободное человечество, сами позаботятся о себе и создадут формы социальной жизни, которую мы можем предвидеть скорее в мечтах и догадках, чем путем планов и расчетов. Эти планы мы можем с пользой обсуждать и улучшать индивидуально или коллективно, но мы не претендуем навязывать их человечеству в качестве единственно возможных решений и непогрешимых программ.

Было бы также большой ошибкой, по моему мнению, если бы дружественные отношения между анархистами и синдикалистами разных стран привели некоторых товарищей к вере в то, что они могут безопасно слить полностью свое дело с делом синдикализма. Базис этих двух группировок различен, и при нынешнем положении вещей синдикализм поглотит любое число анархистов, которые дадут себя поглотить, но он ничего дает взамен этого.

Там, где синдикализм вполне сознателен, он остается совершенно обособленным. Анархисты должны научиться умению не давать себя увлекать исключительно в одном направлении: при каждом удобном случае помощи, оказанной ими синдикализму, они должны помнить о более высоком долге перед анархизмом, и ничто не мешает им всегда быть полезным обоим.

Должен ли я подвергнуть здесь обсуждению еще некую другую обескураживающую особенность нынешнего времени? Было время, много лет тому назад, когда некоторые товарищи, воодушевленные самыми прекрасными намерениями, пытались, как это делается в цирке, ехать одновременно на двух лошадях, поставив одну ногу на седло одной лошади,

а другую на седло другой. Я имею здесь в виду анархо-большевиков. Мне кажется, что все они были, рано или поздно, сброшены со своих лошадей, ибо их лошади скакали в совершенно разных направлениях. С тех пор некоторые из них опять почувствовали себя анархистами, а другие были поглощены большевизмом. Влияние всех этих «великих дел», совершающихся вокруг них, попытки быть полезными в разных направлениях объясняют эти ошибки мысли. Но в течение нескольких лет после появления платформы 1926 года, насколько мне известно, нетерпение, оторванность и, прежде всего, зрелище внешне могущественного большевизма, правящего массами, толкнули некоторых на мысль постепенно вводить авторитарные черты в сам анархизм. Такие действия свидетельствуют только об отсутствии веры, о трусости и о подражательных привычках, допускающих проникновение в анархизм совершенно противоположных идеологий и настроений. Они подрывают анархизм повсюду, где он есть – в русской, французской, а иногда и в испанской среде. Это, в сущности, маленькие умы для нынешних времен великого возбуждения, когда все происходящее требует от анархистов открыто развернуть свои принципы. Они же поступают как раз наоборот, как бы стыдясь себя самих, и жаждут создать вновь некий анархический большевизм.

Лучше бы им просто присоединиться к большевизму, раз их сердце на его стороне.

Эти тяжкие времена требуют лучше направленных либертарных усилий. Капитализм слишком доверчиво относился к государству, к своему пособнику в борьбе против "внутреннего врага" - рабочих. Оно заботится о новых рынках путем искусной внешней политики и завоеваний. Но в самое недавнее время, когда силы государства были спущены с цепи, в 1914 г., они вызвали такую мировую катастрофу, что и 17 лет спустя "военные" страсти свирепствуют хуже, чем когда бы то ни было. Вы можете назвать это финансовой, или торговой, или таможенной войной, или войной за золотую валюту или долги, но как бы их ни называть, в результате каждый человек теперь является жертвою банкротства и крушения государственной власти и капитала. Вся мировая сеть внутренних отношений находится в тисках кризиса. Конечно, голоса либералов, радикалов и либертарианцев зазвучат теперь громче. Момент для едкой критики государственного начала и для обсуждения путей к свободной и солидарной социальной перестройке теперь наступил.

Здесь мы чувствуем, что целый мир отделяет нас от ложных большевистских решений. Мы чувствуем также, что восстающие массы повсюду с осуждением смотрят на государство и почти отделались уже от государственных и капиталистических предрассудков, ибо государство и капитализм оказались настолько неспособными, отсталыми, глупыми и жестокими, что не задумываясь дали возможность кризису раздуться до его нынешних, все растущих размеров. А рядом со всем этим мы видим жалкие решения, предлагаемые большевизмом и авторитарными социалистами других стран, - решения, совершенно не носящие социалистического характера.

Таким образом, предстоит работа для либертарианцев в том направлении, какое я пытался здесь наметить. Такая работа будет для нас самих предметом изучения и интеллектуального усилия, а также средством для идейного общения с другими. Ибо человечество всегда шире, всегда таит в себе более разнообразные и иногда скрытые силы, чем того могут ожидать сторонники даже самого лучшего дела.

Большевизм лежит позади нас, анархизм же впереди нас, и прогресс, эволюция направляются в его сторону.

«От платформы» до «тесного контакта» с «пролетарским государством СССР»

1932, источник: [здесь](#).

Можно только поблагодарить Петра Аршинова за то, что он, по крайней мере, положил конец всяким сомнениям, вызванным его «Платформой», появившейся в октябре 1926 года, ибо он открыто отрекся от анархизма в своем докладе в октябре 1931 года: «Анархизм и диктатура пролетариата.» Ничего лучшего он не мог сделать, как разрубить запутанный узел своим откровенным признанием того, чего он ждал от анархизма, чего он в нем не нашел и почему он не высокого мнения о нем теперь. С такой же откровенностью можно ему сказать, что он — один из многих, не вполне понявших эту идею, один из тех, кто приписывает ей всякие качества и потом ждет от нее чудес, которых она не может совершить, особенно по срочному заказу. Такие люди обычно отворачиваются от анархизма и, уходя, хлопают дверьми. Такие случаи очень обычны. По временам бывает так, что разочарованные встречаются чаще, чем люди, вполне проникшиеся духом идеи. Но какое это имеет значение? Наша задача тяжка, и наша работа должна идти своим чередом.

Я обсуждаю этот частный случай потому, что, вследствие усердия «платформистов», их попытка привлекла к себе международное внимание. Они вызвали бесконечную полемику во Франции, в то время как в Испании они встретили лишь слабый отклик. Петр Аршинов в названной статье признает, что ему высказано было порицание многими деятелями, в числе которых Малатеста, Луиджи Фабри, Себастьян Фор, Волин, М. Корн и даже я сам. Все это вполне правильно, но крайне дурной вкус или очень богатое воображение заставляет Аршинова назвать лидеров испанских анархо-синдикалистов и таких товарищей, как Рокер, Зухи, Шапиро, сочувствующими «железной необходимости установления в стране системы пролетарской диктатуры». Он утверждает, что Кропоткин одобрил «пролетарское государство», каким определил его Ленин в книге «Государство и революция». (Страницы 13 и 8). Защищаться против этого незачем и протеста также не требуется.

В конце концов, в чем же дело? Каждый, кто восстает во имя революции, очевидно хочет продолжать эту революцию, достигнув ее цели, защитить себя от ее врагов. Революция и узурпация оба могут применять одни и те же насильственные средства, но они различаются

в том, что революция делается для блага всего человечества, узурпация же — для пользы группы, отдельных лиц, классов или сословий, представляющих частные интересы. Диктатура вначале была командованием, добровольно вручившимся лицу, по общему признанию обладавшему необходимыми качествами, на случай бедствия или опасности. Диктатор удалялся от власти после того, как его задача была выполнена, как сделал это в древнем Риме Цинцинат, вернувшийся к своему плугу. Постепенно диктатура вылилась в тираническую узурпацию и превратилась в деспотический цезаризм, в самодержавие: впервые это сделал Сулла и Марий, потом Юлий Цезарь подготовил почву для Октавиана (Августа), а вскоре затем — для Тиберия и Нерона. Духовное руководство из рук первых христиан перешло к общему собранию епископов, к папе, от верующих — к священнику. Подобным же образом и внутри социалистических партий и организаций власть переходит в руки исполнительных комитетов, признанных лидеров и т.д. Так обстоит дело во всяком движении, где *свобода находится в пренебрежении*, где власть создают или подчиняются ей. Это вовсе не неизбежно, ибо везде, где творится истинно полезная работа, как, например, в науке, технике, искусстве, где для всякой деятельности необходима надлежащая подготовка, все делается теми, кто может выполнить работу наилучшим образом. Их работу рассматривают, сравнивают, и полезность ее не зависит от иерархического положения тех, кто ее делает.

Во всяком случае, это — необходимое и нежелательное условие всякой продуктивной работы, и если власть вмешивается сюда, то в результате получается разложение и понижение продуктивности. Прогресс творится искусством и способностями, тогда как власть, сама по себе бессодержательна, может, быть применена и к хорошим, и к плохим целям, может создать нечто полезное или же привилегию, угнетение.

Анархизм желает восстановить творчество на путях разумности, опыта и знания, вернуть ему его место, т.е. освободить его от посторонних влияний, а таковыми являются государство, монополия, невежество, предрассудок и отсутствие независимости.

Если люди, кто бы они ни были, желают подчиняться таким влияниям, — а всякая диктатура является таким влиянием, — то они не есть и не могут быть анархистами. Если они по какой-нибудь другой причине считают себя анархистами, то они ошибаются, а если они хотят навязать такие мнения анархистам, то не смогут этого сделать даже при условии широчайшей терпимости по отношению ко всему разнообразию личных взглядов. Таких людей нельзя считать анархистами: они принадлежат к числу сторонников власти. Петр Аршинов имеет полное право заявить, что он не согласен с анархизмом, и в чем именно он не согласен с ним, и что именно он предпочитает ему, — но он должен понять, что он не может быть в двух разных лагерях в одно и то же время: быть анархистом и сторонником диктатуры, ибо одно исключает другое.

Я узнал из его биографии, напечатанной «Группой русских анархистов в Германии» (Берлин 1922) в книге под заглавием «Гонения на анархизм в Советской России» (страница 48, где напечатан документ, исходящий от его тогдашних ближайших товарищей), что он был рабочим в Екатеринославе, принимал участие в движении с 1904 года, сначала в качестве члена большевицкой партии, выпускавшей свой нелегальный закавказский орган «Молот» в 1905-6 г.г. Он стал анархистом в 1906 году, был очень активен в революционной рабочей

борьбе последующие годы, едва избежал смерти на виселице и, наконец, в 1910 году попал в тюрьму, где и пробыл до марта 1917 года. Он принял участие в октябрьской революции в Москве, принимал участие в издании анархической литературы, а в 1919 году участвовал в организации борьбы с Деникиным. Позднее он подвергся преследованию в качестве одного из тех анархистов, которые не пожелали преклониться перед советской властью. Его активность в махновский период широко известна.

Это весьма почетное прошлое показывает, до какой степени он возлагал свои надежды и веру на прямое революционное действие рабочих анархистов, которые могут увлечь других за собой. Он был ближайшим свидетелем того, как большевики накладывали свою руку на все и становились преобладающей партией. Это больно задело его чувство уже в 1917 году (стр. 5 его брошюры). Таким образом, он измеряет социальные воззрения — достигаемыми успехами. Такой метод не является доказательством против анархических идей и тактики. Если в наши дни какой-нибудь шарлатан рекомендует патентованные лекарства, а ученый объявляет о ценном труде, то, при нынешнем положении вещей, шарлатан будет продавать успешнее. Именно это и есть причина, почему все усилия должны быть приложены к тому, чтобы воспитывать людей в лучшем направлении. Очевидно, что легче захватить власть, и действовать диктаторскими мерами в течение неопределенного периода времени, который продолжается уже почти 15 лет, чем заставить миллионы, никогда не слышавших об анархических идеях, действовать в согласии с анархическими идеями и идеалами. С первых же шагов масса приведена была к молчанию и послушанию. На смену царской власти пришла большевицкая власть. Вышло так, что все осталось более или менее по старому, а настоящая социальная проблема оказалась отодвинутой в будущее: как научатся эти массы быть свободными, как создадут они для себя богатство, разнообразие и красоту жизни, которые и являются подлинной целью социализма? Когда царизм и капитализм управляли ими, то эти цели и этот идеал стояли перед массами. *При нынешнем же положении вещей массам запрещено даже лелеять в душе иные идеалы, чем те, которые предлагает им власть. Это означает, что самое святое право человека, право самому работать над своим прогрессом, отнято у масс* и что диктатура поставила массы в положение индейцев, живших в XVIII веке в иезуитских миссиях в Парагвае. От колыбели до могилы они находились под диктатурой попов и потеряли свое первородство. Такова же фашистская диктатура, калечащая души итальянцев вот уже 10 лет. Только таков может быть результат телесного и духовного порабощения и остановки развития ста миллионов и более русских, управляемых в порядке диктатуры.

Разве не очевидно, что диктаторскими методами можно поддержать всякий режим — за исключением режима, основанного на свободе? Тот же самый 1917 год видел в России несколько авторитарных разновидностей от царизма в январе-феврале до большевизма в ноябре-декабре.

Конечно, было, относительно, довольно много анархистов, социалистов, радикалов, либералов также и в Италии, и в 1919-20 г.г. социальный переворот казался близким. Однако, в ноябре 1922 года там установилась фашистская диктатура. Какое отношение все это имеет к анархизму, желающему уничтожить принуждение и не могущему принудить людей чувствовать и думать, как свободные люди?

Я хорошо знаю, что люди, очарованные большим успехом большевиков, подобно Петру Аршинову, стараются сделать диктатуру приемлемой, изображая ее в качестве простого средства для защиты революции против ее врагов. Но где тонко, там и рвется. Если вы позволите власти проникнуть через эту отдушину, то она скоро завладеет всем, как это и случилось в России. Цинцинат вернулся к плугу, но Троцкий к нему не вернулся, а повернул пушки против Кронштадта. В этом и состоит основное различие.

Диктатор не терпит двух мнений, и поэтому Аршинов сам мечтает об интернациональной «однородной программе, единой идеологии и единой тактике, чтобы объединить анархические силы в одну «общеанархическую организацию»» (стр. 4). Он также очень решительно заявляет: «Революционный анархизм не должен отступать перед тем фактом, что система диктатуры означает систему власти и, следовательно, противоречит анархической теории безвластия» (стр. 8). Вот именно! — и вот почему мы отвергаем диктатуру, вот почему мы — анархисты. Если Петр Аршинов думает, что он привлечет на сторону диктатуры кого-нибудь из тех, кто думает как анархист, то он очень наивен. Если он надеется и желает заставить анархистов отказаться от своих идей, доказав им, что Ленин и Муссолини были успешными вождями и что анархисты не могут рассчитывать быть такими же вождями, то его антианархическая пропаганда становится нелепой и теряет всякий интерес в наших глазах.

Аршинов, по-видимому, не может или не хочет руководствоваться подлинным смыслом тех слов, которые он воспроизводит в качестве цитаты. Я тщательно сравнил приведенные им слова из того, что я писал в № 11 и 16 «Пробуждения», с тем смыслом, какой он придает этим словам на странице 10. Мне редко приходилось встречать более неправильные и недобросовестные, или плохо понятые, или небрежно переданные цитаты, чем упомянутые выше. Кроме того, он пытается представить дело так, что статья в № 16 (июнь 1931 г.), перепечатанная — как определенно заявляет редакция — на страницах «Рассвета» за время с 24 июня до 1-го июля 1931 года, была будто бы первоначально напечатана в «Рассвете» (стр. 10, примечание). В длинной статье, помещенной в № 11, я обратился ко всем, не стоящим за диктатуру социалистам и к социальным реформаторам* с призывом объединиться против большевицкой узурпации и в будущем действовать под лозунгом: «никакой диктатуры». Я также (в № 16, стр. 80) сравнил смены политических систем, единодушно принятых и остающихся на страницах истории: перевороты, произошедшие в марте 1917 года в России, зимою 1918-19 в центральной Европе и испанский переворот 14 апреля 1931 года, — с отсутствием прочных успехов в прежние времена, когда возникали социальные перевороты чисто революционного характера, вроде Парижской Коммуны 1871 года, июньской революции 1848 года, «красных недель» 1909 и 1914 г.г. в Барселоне и Романье, и вплоть до октябрьской революции 1917 года в России, которая и до сего дня может поддерживаться лишь с помощью диктатуры.

В подобном контексте я обычно употребляю термины «гуманиста» или «социальные реформаторы», и весь мой текст дает читателю возможность понять, что я разумею под этими терминами. Если в этом месте было напечатано «социал-реформизм», то это объясняется, я думаю, случайным недоразумением при переводе. Во всяком случае, сам я строго разделяю «социальных реформаторов» (тех, кто борется за какую-нибудь особую социальную реформу), от «социал-реформистов» (известного типа социалистов, накладыва-

вающих заплатки на современный строй и отвергающих революционную тактику). Все мы — «социальные реформаторы», но только «умеренные известного типа являются «социал-реформистами.»

Я не сделал из этих фактов тех заключений, которые Петр Аршинов излагает своим читателям (стр. 10). Я только объяснил в указанных строках, написанных 27 апреля 1931 года, что события 14 апреля относятся к первой категории внезапных перемен и не должны измеряться мерками, приложимыми ко второй категории.

Петр Аршинов также представил и положение в Испании летом 1931 года, когда он посоветовал руководствоваться русской тактикой дооктябрьского периода 1917 г. для того, чтобы прийти к диктатуре, содержание и дух которой могут и не быть тождественными с духом и содержанием русской диктатуры. Он также утверждает, что Бакунин был сторонником революционной (пролетарской) диктатуры (стр. 8). Все это до такой степени неверно, что говорит либо о неосведомленности Аршинова, или о недобросовестности его рассуждений.

Огромная перемена, которую принес бы с собою подлинно свободный и целостный социализм, не может быть исчерпана в программах, конституциях, правилах, ни воплощена в советах, ни выражена в книгах, или брошюрах, или в спорах. Такая перемена означает прогрессивное повышение уровня всей жизни в направлении к свободе и солидарности. Было бы в одинаковой степени узостью считать такую перемену воплощенной в пролетариях, как и думать, что настоящие и прошлые ступени цивилизации могут быть представлены буржуазией, или аристократией, или духовным сословием, или кастой. Эту перемену принесут все живые силы человечества и это движение будет иметь свои взлеты и падения, успехи и неудачи, местные и мировые. Социальные перевороты и внезапные революционные перемены будут плодотворными, будут творить историю только в том случае, если они не будут диктаторскими узурпациями, а будут новой весной и летом, когда, в соответствии с посеянным добрым семенем, будет зреть обильный урожай. Такие вещи не делаются в отравленной атмосфере всемогущества ЧК, при помощи свирепого бюрократического аппарата, направляемого людьми, которые усердствуют для того, чтобы не быть расстрелянными.

Но я хотел бы привести несколько, хорошо продуманных замечаний из статьи опытного русского товарища М. Изидина в «Plus loin» (Париж), написанной в мае 1930 года под заголовком: «Человечество или класс»:

“ «...В своем движении вперед человечество в каждую данную эпоху выдвигает на первый план задачу борьбы против какой-нибудь формы гнета: уничтожение рабства и крепостничества, свободу совести, уничтожение феодальных привилегий, свержение политического деспотизма, освобождение угнетенных народностей, уничтожение наемного

труда и т.д. ...» «В нашу эпоху, начиная с Французской Революции, главной формой гнета является капитализм, эксплуатирующий труд...» «В современной борьбе классов всякая победа рабочего класса есть победа прогресса и человечества вообще; всякое же поражение есть остановка и отступление. Никакое противоречие здесь невозможно: если бы нам когда-нибудь предложили совершить какое-нибудь действие, полезное для интересов пролетариата, но опасное для интересов человечества или личности вообще, то мы ответили бы, что здесь ошибка, и что такая тактика бесспорно вредна для самого пролетариата. «Диктатура пролетариата» нам это показывает: партия, которая присваивает себе право говорить и законодательствовать именем пролетариата, создает для последнего режим политического и экономического рабства, который совершенно не дает ему возможности воспользоваться завоеваниями той революции, за которую он проливал свою кровь. Нельзя защищать угнетенный класс, попирая ногами права личности, ее свободу мнений, ее человеческое достоинство...»

В этих словах хорошо выражено понимание связи интересов человечества, социализма, свободы и науки, а также условия и ритма прогресса.

Петр Аршинов, однако, заканчивает следующим предложением, обращенным к анархистам:

“ «Признать исторически неизбежной и необходимой эпоху диктатуры пролетариата». Это предложение он понимает в том смысле, что — как он старательно поясняет это в уточненных выражениях — необходимо «радикально изменить свое отношение к пролетарскому государству СССР»,

т.е. к нынешнему русскому государству, которое для Аршинова является зародышем мира «освобожденного труда». Он призывает анархистов «вступить в тесный контакт с этим государством» и т.д.

Это является, как показывают последние строки (стр. 15, 16) полнейшей сдачей П. Аршинова перед русским государством, и с этого момента он перестал представлять для нас какой бы то ни было интерес. Во всех революционных партиях бывает известный процент утечки, утечки старых активистов, которые по той или иной причине уходят и иногда отрекаются от своих убеждений. Я помню время, когда знаменитый террорист Тихомиров ушел и выпустил свою книгу «Почему я перестал быть революционером», напечатанную в Париже в 1888 году. Я помню анархистов, ставших клерикалами, фашистами, социал-демократами и т.д. Иногда они хранят молчание, часто же они испытывают неодолимое желание сокрушить идеи, переставшие быть их идеями. Это физиологические процессы, размягчение, разложение и отбрасывание усталых и не приспособленных. Я не считаю Аршинова одним из таких людей, хотя я и мало знаю его. Я считаю его одним из тех, кто никогда не был анархистом, кто пришел в наши ряды в 1906 году, когда широкая революция, рабочая борьба анархистов-террористов привлекла его больше, чем рассчитанная и дисциплинированная тактика большевицкой партии, к которой он принадлежал. По той или иной причине он упустил вернуться к большевикам в 1917 году,

когда он уже видел их материальные успехи и когда анархисты были устранены. Он возвращается к ним в 1931 году, и единственные слова, которые можно сказать ему теперь, таковы: счастливого пути!

Несколько замечаний об экономике анархизма

1930, источник: [здесь](#).

1

Экономика анархизма может быть только экономикой всякого настоящего социализма, именно: добровольным и свободным от эгоизма сотрудничеством, в корне отличающимся от погони за прибылью и от всех форм принудительного труда, будь то труд под гнетом нищеты. Авторитарное понимание социализма включает идею административного, правительственного аппарата наряду с техническим аппаратом, необходимым для производства и распределения; либертарные же взгляды отвергают такие построения, как тиранические, как помеху для развития и, растрату сил, и признают только практические формы прямого сотрудничества, потребные для прогрессирующей и гармонической общественной жизни.

В этих пределах мир сотрудничества, отделившийся от, старого и нового мира господства и принуждения, отделившийся также от пытающегося закрепиться гибридного мира, мира смешанных форм сотрудничества и принуждения, от попыток авторитарного социализма, - этот мир сотрудничества создает множество разнообразных экономических организаций, зависящих от степени способности групп людей и отдельных лиц, от интенсивности и производительности их труда, а также от неисчислимого, разнообразия практических условий труда и распределения продуктов труда. Разумеется, повсюду существуют минимальные, максимальные и переходные степени. Поэтому в том, что мы называем добровольным и свободным от эгоизма, - в опыте, приобретенном в деле организации всяких видов совместной работы, в возможностях и трудностях, связанных с каждой отдельной задачей, не говоря уже о благоприятных или неблагоприятных влияниях местных условий на одинаковые задачи и пр., - также существуют эти степени и различия. Достаточно взглянуть на широкую дифференциацию труда в современном обществе на всем земном шаре и вспомнить, что свободное общество не пожелает потерять ни одной доли современной производительности и разнообразия производства и что оно освободит труд от принуждения, однообразия и прочих зол, что в большинстве случаев оно справится с этим злом путем децентрализации, дифференциации, приспособления к местным условиям и пр., - следовательно, такими путями и средствами, которые приведут к еще большему разнообразию, основанному на опыте и тщательном изучении деталей.

Эти взгляды отличаются от взглядов тех, кто приписывает будущему обществу характер дополнительной примитивности. Эта мысль, порожденная благими намерениями, но возникшая из ригористских, даже пуританских настроений, из психологической склонности к упрощениям и к механическим построениям, все еще, на мой взгляд, представляет собой опасность для социалистических достижений, ибо она неизбежно связывает социализм с понижением достигнутого уровня жизни, привычек и обычаев, с жертвой и с самоотречением, если не с аскетизмом. Это черты и чувства, уместные в преданном своим идеям пропагандисте, но слишком далекие от человечества в целом, которое, в его огромном большинстве, заинтересовано в непосредственном улучшении своего положения.

Не опыт, связанный с риском и жертвами, а надежда на быстрое улучшение условий жизни вызовет когда-нибудь волнения в человечестве и заставит его осуществить или, по крайней мере, с большей или меньшей степенью готовности принять коренной социальный переворот. Иначе большинство человечества давно уже было бы с нами, ибо в наше время никто не может оправдываться незнанием целей и усилий социалистов и анархистов во всем мире. Каждый шаг прогресса намечается, осуществляется и возвещается, - по большей части, с большими затратами и жертвами, - множеством идейных, талантливых и бескорыстных людей. Однако, широкие массы только тогда начинают интересоваться прогрессом, когда он преподносится им в практической, осязаемой форме, становится доступным их пониманию и задевает их интересы. Полстолетия изысканий в области электричества не привлекло к себе общего внимания, но телеграф, телефон, электрическое освещение такого внимания удостоились в небывалых размерах. Точно также, теоретический, эмоциональный, бунтарский социализм всегда был ограничен узкими пределами, но осязаемая форма социализма, когда она будет найдена, поднимет массы и двинет их вперед.

Это психологически неизбежно. Большинство медлительно, серо, инертно; меньшинство - подвижно, сообразительно, энергично. Естественно, что с инициативой всегда выступает меньшинство, а большинство следует за ним медленно, притом лишь тогда, когда все кажется вполне безопасным, практичным и представляет некоторые выгоды для масс. Бесполезно пытаться обойти эти естественные явления путем усердного провозглашения и невозмутимого утверждения принципа классового чувства, классового интереса, как механического, автоматического фактора, долженствующего внушить массам соответствующие настроения, заставить их действовать единообразно и с той исключительной силой, какую дает обычно сознание солидарности интересов. Заботливо, с бесконечным терпением рабочих организовывали в профессиональные союзы десятками миллионов, не говоря уже о не менее многочисленных организациях социалистических избирателей. И, однако, рабочий класс в целом никогда не выступает солидарно, - даже в многочисленных ежедневных битвах труда выступают, по большей части, только небольшие группы, более или менее изолированные, лишь в виде исключения получившие поддержку в национальном или интернациональном масштабе.

Если бы классовое чувство действительно существовало и могло бы возбуждаться в значительной степени, тогда самый маленький конфликт труда автоматически привлекал бы поддержку всего рабочего класса в целом и в большинстве случаев выходил бы победителем, но ведь все мы знаем, как далеко мы от такого положения вещей, как трудно

привлечь внимание и добиться поддержки рабочих даже в случаях самой вопиющей несправедливости, как часто мир труда, будучи всемогущей силой, от которой зависит прогресс или остановка общественного развития, воздерживался от произнесения освобождающего слова во время ужасных процессов Муни, Централии, Сакко и Ванцетти, Рикардо Флореса Магона, Гастонских ткачей и много других. Так было везде.

Следовательно, влияние классового чувства среди рабочих весьма слабо, а класс капиталистов также делится на множество разрядов хищников меньшего и большего размера: то дружественных, то враждебных друг другу, то вступающих друг с другом в союз, то предающих друг друга. Простая инстинктивная ненависть к хозяину со стороны рабочего и мысль об этой ненависти в уме эксплуататора коренятся глубоко и, конечно, неустранимы, но на практике они отступают на задний план перед многочисленными противоречивыми чувствами описанного выше порядка, которые мешают проявлению настоящей классовой солидарности, за исключением редких случаев. Поэтому мы должны строить на более прочном основании, раз мы не можем устранить эти противоречивые чувства, - что было бы поистине сверхчеловеческой задачей, ибо они образуют самую сущность жизни народа, и мы не можем изменить существенные факторы такого рода во многих миллионах случаев.

Из этих упрямых фактов мы можем заключить, что где бы ни возникли общий кризис, вспышка негодования и т.п., когда бы эти и другие факторы ни разрушали современный социальный строй, они откроют широкое поле для подлинных социалистических достижений, и многообразие и разнообразие будут преобладать во всем, а существующие платформы, тенденции, личности, сеть организаций и другие существующие образования должны будут проявить большую приспособляемость к расширенным и углубленным переменам, большую практичность, свободу от предрассудков и дух прогресса, если им суждено быть двигателями прогресса, а не выродиться рано или поздно в препятствия для прогресса. Во всех серьезных революциях прошлого мы видим, что инициаторы, первые группы деятелей, отбрасываются очень быстро в сторону и что кровавые кризисы возникают, как только эти деятели начинают тянуться к власти и считать своей привилегией или своим долгом направлять или задерживать вырвавшийся на свободу поток. Она никогда не добивается успеха, эта первая группа, но последующие группы рано или поздно останавливают революцию, и тогда поток спадает, и революция остановленная на полпути, ослабевает: ее многообразные течения, насильственно сведенные к единому официальному течению становятся застойными и уходят в подпочву. Эта величайшая опасность для революции должно быть избегнута во что бы то ни стало, а это может быть достигнуто лишь в том случае, если единообразные решения, достигаемые лишь с помощью навязывания, если не голой силой, будут устранены, и каждой тенденции, если она не контрреволюционна, будет дана возможность свободного развития: тогда возникнет естественное разнообразие, каждый вид которого будет дорог его приверженцам, - подлинно свободное от оков разнообразие, - следовательно, подлинно свободная жизнь во всех ее многочисленных видах. Только такое разнообразие достаточно сильно, чтобы противостоять всем попыткам установить однообразие. Такие попытки могли бы быть только диктаторскими по мысли и по исполнению и встретили бы сопротивление со стороны всех, кто ценит возможность свободного развития.

Итак, в экономике, в производстве и распределении, высшим идеалом было бы, чтобы все принадлежало всем и чтобы каждый содействовал производству в размере, какой он сам считает правильным и справедливым. Мы находим, что такое положение вещей очень часто встречается теперь и в минувшие времена среди очень дружных семейств, в отношениях между матерью и ребенком, между влюбленными, в некоторой степени даже между друзьями и добрыми соседями, иногда - внутри солидарных групп или, в моменты бедствий, среди пострадавших, переживающих одинаковые опасности и лишения. Но мы видим, до какой степени такая неограниченная солидарность зависит от личных качеств людей и как легко внешние факторы могут ослабить, даже подорвать ее. Такое настроение всегда было неустойчиво, и представить его себе широко распространенным - в качестве наиболее полного коммунистического анархизма - легко для нашей логической мысли и для нашей сентиментальной фантазии, но трудно для нашего практического понимания, если только не рассматривать его в качестве возможного и очень желательного состояния по завершении довольно продолжительной эволюции, ведущей человечество прочь от власти и себялюбия (навязанных большинству людей в силу самосохранения при существующей системе конкуренции) к высшим и, в конце, к высочайшим формам взаимной человеческой солидарности.

Заранее предположить такую полную солидарность, то есть, способность, желание и готовность придерживаться ее, даже ценой самопожертвования, в самый момент революционной социальной победы, значит говорить о факте, который не может быть проверен, или же играть словами. Ибо если бы эти добродетели уже сейчас были присущи человеку, то не было бы необходимости в революции, и коммунистический анархизм существовал бы уже теперь - а ведь это не так. Или ждать, пока пропаганда сделает эти настроения всеобщими? Тогда понадобился бы очень длинный ряд веков пропаганды, и все, что случилось бы за это долгое время, было бы для нас безразлично - безнадёжное ожидание, отрывающее нас от подлинной жизни, от всех грядущих событий вокруг нас. Так простой здравый смысл приводит нас к утверждению, что если такая безусловная солидарность уже существует в узких областях (напр., между матерью и ребенком), если она теоретически исключается (а иногда применяется) многими анархистами, то ее область несомненно расширится после революции, которая освободит так много спящих ныне сил и устранил так много препятствий, и надо надеяться, что при новых, благоприятных условиях соблюдение полной солидарности будет постоянно расширяться. Таким образом, после некоторого периода успешной практики, мы можем надеяться, что солидарность будет расти не по дням, а по часам и вытеснит все менее развитые формы солидарности и сотрудничества. Мы можем, в конце концов, предположить, что полная солидарность станет всеобщей, хотя это только простая гипотеза, ибо мы с таким же успехом можем предположить, что другие формы сотрудничества также будут подвергаться постоянным улучшениям и, следовательно, никогда не будут ощущаться, как менее совершенные или вредные и отжившие формы.

Первые шаги к этому осуществлению коммунистического анархизма или другой разновидности анархизма, его мютюалистской или коллективистской формы, или других сочетаний, не могут быть предвидены или подготовлены заранее, ибо никто не может предвидеть время решительного социального кризиса, следовательно, и степень распространения, успешности и подготовленности, как анархического, так и других

социалистических движений в этот неизвестный момент. Экономические кризисы, недовольство, войны, внезапное возмущение и помогут ускорить вспышки, а многие другие факторы могут придать им неожиданные размеры, но могут и не оказать такого влияния, а отдельные движения в такой момент могут оказаться подготовленными или неподготовленными, могут иметь способных людей, налаженную организацию, пользоваться популярностью, отличаться духом инициативы и пр. в большей или меньшей степени и, следовательно, их вес будет меньше или больше - кто может предвидеть это? Кроме того, при данном положении вещей, несколько партий будут бороться за власть и мешать друг другу или вступать в соглашения с другими партиями. Кто может сказать, будут ли ошибки, сделанные в России в 1917-18 годах, повторены или избегнуты или какие новые ошибки могут быть сделаны? Все это темно для нас, и мы можем только сказать, что или все партии должны стать прямодушными, взаимно лояльными. отказаться от честолюбия и от борьбы за преобладание над другими, - а мы не видим даже зародыша такой здоровой эволюции, - или они должны, после общей социальной победы, быть готовыми к возникновению внутренних междоусобиц среди социалистов с тем, что хаос приведет к диктатуре победителя, победившего не в силу его более высоких социалистических качеств, а в силу превосходства его боевых качеств, его грубости, хитрости и жестокости, ведущих к государству и к уничтожению побежденного.

Если это опять случится, анархизм переживет новую неудачу, и его экономические взгляды останутся неиспытанными построениями в книгах и брошюрах, в лекциях и газетах. Анархизм не является количественно сильнейшей формой социализма, и не заметно, чтобы он становился такой формой, да и нельзя этого ждать, ибо анархизм является, бесспорно, наиболее полной, совершенной и законченной формой социализма, а совершенные организмы дольше развиваются и, в начале, менее многочисленны, чем более простые формы. Поэтому для этих рудиментарных и гибридных форм, для авторитарного социализма, естественным является требовать для себя монополии, задерживать и подавлять развитие более совершенных форм. Менее естественно было бы ожидать, что более совершенные формы вдруг станут универсальными и что они владеют средствами и способами для этого.

Каковы могли бы быть эти средства и способы? Конечно, не сила и не принуждение, ибо анархистам не нужны рабы. Только убеждающая сила предметного урока, пример и интеллектуальное и эмоциональное убеждение путем доводов и воздействия на чувства. Только эти средства пригодны. Они требуют времени, усилий и возможности пользоваться ими вполне спокойно и без помехи. Ничто другое не является столь желательным и не дает стольких Надежд на успех. Но это предполагает и относительное желание слушать, мирные условия, отсутствие фанатизма и, как при всяком обучении, результаты будут неодинаковые: одни слушатели будут медленно понимать, другие останутся неубежденными. Даже в лучшем случае, постижение анархизма, воля к анархизму не могут быть распространены и стать всеобщими в раннем периоде свободного общества, в ближайшее время после победы социальной революции.

Итак, каким бы совершенством ни отличался экономический строй анархизма, предвиденный лучшими анархическими мыслителями, наша задача никоим образом не исчерпывается распространением и толкованием наших идей в убеждении, что, когда

придет час торжества над старыми системами, нам остается лишь превратить наши теперешние слова в дела. Мы будем не одни в тот час, против нас будут многочисленные и более или менее враждебно настроенные социалисты других школ, массы дотоле равнодушных или враждебных людей, которым будут мало известны или вовсе неизвестны самые элементарные понятия о возрожденной социальной жизни, против нас будут и наиболее лукавые враги, сторонники старого режима и сторонники новой диктатуры - их собственной. Мы растерялись бы, как дети в лесу, если бы оказались подготовленными к этому положению только нашими надеждами на совершенную анархию с описаниями ее у наших мыслителей и пророков. Нам пришлось бы или выступить против подавляющих враждебных сил и быть раздавленными - подвергнуться обстрелу из орудий, как подвергались этому московские анархисты в апреле 1918 г. в их борьбе с большевиками, или стоять в стороне в качестве простых критиков, пока нам не закроют рты - тюрьмами и ссылками, или дать себя ослепить и загипнотизировать и вступить в сотрудничество с нашими врагами, как это сделали так называемые анархо-большевики; тогда было бы слишком поздно для изучения, как это испытал на себе Кропоткин, когда его предложение об изучении федеративных форм организации было признано несвоевременным, и сам он был удален из Москвы в Дмитров.

Таким образом, чистая экономика, как бы она ни была совершенна, несколько не поможет, если мы не найдем точку опоры для Архимедова рычага и не начнем с изучения устройства экономического строя, его путей и средств.

После социальной революции, как это показал русский опыт, нельзя начертать путь нового общества на чистом листе бумаги. Тогда происходит столкновение враждующих сил, встречающих противодействие многочисленных контрреволюционных сил и сгибающихся под огромной тяжестью равнодушия, невежества, инертности, личной заинтересованности и трусости широких масс народа.

Мы должны, следовательно, ковать наше экономическое оружие для этого трудного времени, предшествующего славному часу настоящей и окончательной победы, когда мы сможем снять доспехи и наслаждаться жизнью в полнейшей свободе и солидарности, к которой мы стремимся. Этот предмет требует специального рассмотрения.

2

Ранние авторы утопий, иногда тесно связанные с политической и социальной борьбой своего времени, в других случаях вдохновляемые личными чувствами и стремлением к высокому идеалу, всегда лишенные средств и надежды на осуществление их мечты, описывали эту мечту, как художники рисуют человеческие формы или пейзажи идеальной красоты. Шаг к реализму был сделан тогда, когда писатели семнадцатого века стали делать наброски воображаемых кооперативных учреждений благотворительного, а иногда и социалистического характера - первый толчок к экспериментальному социализму. Прямые попытки социального восстания, вдохновляемые пламенной надеждой или возмущением в шестнадцатом и семнадцатом столетиях, от анабаптистов Мюнстера, от восставших крестьян во главе с Томасом Мюнцером, до английских диггеров, во главе с Уинстенли, были

предшественниками социальной революции.

Французская Революция показала, что массы пробудились и пришли в действие. Стала нарастать возможность глубоких социальных и политических перемен, ранее считавшихся лишь гадательными. Я говорю: гадательными, ибо эти перемены, результат коллективной власти (предполагаемая воля избирателей) были лишь результатами воли законодательных собраний, то есть волей вождей и комитетов, основанной на воле клубов и секций, но постепенно освобождавшейся от подчинения им и становившейся волей Бонапарта, ставшего императором Наполеоном. Так все, что навязывалось массе, становилось потом деспотической волей немногих и, наконец, волей одного лица.

Такое положение вещей привело к тому, что изолированные и бессильные ранее социалисты и бунтари стали горячо желать связи между их идеалами и широкой общественной жизнью, связи, если возможно, с борьбой масс. Но это стремление влияло на их умы различно, в соответствии с различием их склонностей и опыта. Уильям Годвин изложил свои взгляды на свободнейшую социальную анархию, но первые годы Французской революции и зрелище вызванных ею симпатий в британском революционном движении заставили его придти к выводу, что такой анархизм может осуществиться лишь после того, как путем воспитания и мирными средствами удастся распространить правильное понимание его.

Роберт Оуэн создал лучшие условия жизни для небольшого числа рабочих под своим руководством. Его предложения об организации коммун в национальном и мировом масштабе всегда имели основой добровольное сотрудничество и другие добровольно принятые формы и мероприятия. Фурье придерживался той же линии добровольного экспериментаторства, веря в силу примера, и его вера, не была лишена психологического основания, как мы это теперь видим на примерах быстрого распространения практических изобретений, удобных мод, идейных течений и пр. В дни Фурье этот метод был еще мало развит, но если бы он и Оуэн имели больше сторонников, многое могло бы быть достигнуто. Вышло же так, что капиталисты раньше использовали этот метод, и он выродился в искусство рекламы и в способ обработки народной психологии согласно интересам эксплуататоров. Умы эксплуатируемых начинают предвещать предрассудками, и привлечь их внимание становится почти невозможным. Добровольный социализм, отвергнутый таким образом с самого начала, всегда встречал к себе пренебрежение даже со стороны социалистов, но и при всем этом он не исчез и является одной из наших величайших опор для будущего.

Головокружительные события и авторитарные действия Французской Революции и Империи в 1789-1815 г.г., демократический абсолютизм, занимающий место королевского абсолютизма и затем сам вытесненный императорской диктатурой, окрасили в один и тот же цвет авторитарности и народный и интеллигентский социализм, возникавший в те времена и в последующие годы. Бабеф и Буонаротти, борцы за авторитарнейшую республиканскую демократию, сумели создать лишь не менее авторитарный народный социализм или коммунизм.

Мировым идеям французской империи и Северо-Американских Соединенных Штатов, нарождающемуся интернациональному индустриализму и мировой торговле, порожденной

сказочным развитием народного транспорта (пароходы, железные дороги), соответствовали не менее широкие идеи Сен-Симона, его социализм, построенный на иерархии гения и таланта, контовское правление мудрейших, как в Республике Платона, тщательно регламентированный коммунизм "Икарии" Кабэ, государственный коммунизм Луи Блана и др. в то время, как Бланки усилил в бабувистком коммунизме дух диктатуры.

В период 1815-1848 г.г., по окончании продолжительной эпохи войн, социальный кризис, распространение машин, агитация на почве борьбы за конституцию и другие факторы выдвинули вперед три элемента: профессиональные организации рабочих в их борьбе с убийственной фабричной системой; затем массы, выступавшие в качестве демократических избирателей или борющиеся за избирательное право (чартисты, французские демократы и др.) и стремления рабочих к организации (кооперация в Англии, ассоциационный социализм Пекера и др. во Франции и т.д.). Последнее течение, хотя и примыкающее к добровольному социализму и отчасти вытекающее из него (Роберт Оуэн, Вильям Томпсон и др.) еще не было тогда достаточно развито и до сего дня еще не вполне развернулось диктаторских партий, которые будут по-прежнему держать в своей власти другие территории и пр., но вынуждены будут поддерживать мир между всеми, тогда вопрос об основных началах экономики станет серьезным вопросом для анархизма. Я постараюсь обсудить его здесь вкратце.

С этой территории - или, если сторонники авторитарного начала и свободные люди будут жить вместе, то из области, занятой этими свободными людьми, - монополия, притеснение и насилие "будут изгнаны, а все человеческие стремления незахватнического характера будут поощряться. Каждая группа, желающая жить вместе, будет наделена соответствующим количеством земли, средствами производства и общественными продуктами для личного потребления, и она будет жить на свой лад. Здесь, таким образом, анархисты, организуя производство, распределение и всю свою общественную жизнь практически, могли бы наслаждаться свободной жизнью и привлекать других в свои ряды, в силу того приятного впечатления, которое будет производить их гармоничная жизнь. Начнут ли все они сразу со свободнейшего экономического коммунизма, по настоящему и по-хорошему, - это будет зависеть от них.

Если им заблагорассудится испробовать сначала другие экономические формы, вне анархизма, - и так хорошо.

Они сделают свой выбор на опыте, в зависимости от результатов, а не подталкиваемые тем, что мы, их безвестные предки, говорили или писали в 1880 или в 1930 г.г. Прочие формы сотрудничества будут практиковаться другими людьми, и анархисты смогут оставлять ряды своих товарищей, если их будут привлекать эти другие формы жизни. Заранее высказаться точнее невозможно, если мы не хотим пуститься в романтику, но можно добавить следующее: когда производство освободится из-под ярма гонящихся за прибылью монополистов, и труд станет здоровым упражнением, доставляющим духовное наслаждение тем, кто выберет себе особое занятие и будет выполнять свою задачу хорошо и умело, - тогда труд перестанет быть монотонным и угнетающим дух, разрушающим тело злом, каким он в большинстве случаев является теперь, - тогда весь технический опыт и ум человека будут направлены к тому, чтобы сделать труд более производительным и

интересным, легким, разнообразным и здоровым. Такое сочетание условий будет достижимо повсюду, где техническое умение и гений будут стремиться к достижению их, тогда как в настоящее время они, к большому сожалению, позволяют направлять себя на ложные пути, к пользе для капиталистов и ко вреду для рабочих.

На таких началах могли бы быть подвергнуты испытанию и другие стороны анархического строя, видоизменяя его по указанию опыта и распространяя его на новые слои сочувствующих, пока они не станут общепринятыми. Перед народом оказалось бы тогда столько строительной работы, а среди анархистов столько добрых чувств, объединяющих их против сторонников авторитета, все еще представляющих собой опасность, что спорные вопросы могли бы разрешаться самым практическим способом, какой когда-либо применялся к разрешению споров: нейтрализация или отсрочка, если не полное забвение, амнистия.

Не каждое учреждение, отдел производства или общественная служба могут поручаться единичным участникам, и было бы нелепо создавать такие организмы каждому для себя в малом масштабе. Все это будет нейтрализоваться, будет доступно для всех, а управляться сообща, как беспартийное дело. Все эти методы создают психологию общественности и солидарности, добрососедские чувства, существовавшие во все времена, но подрывавшиеся столкновением противоположных интересов, взаимным недоверием, партийным фанатизмом и всеобщим нервным напряжением.

Я убежден, что никаким другим способом нельзя даже приступить к осуществлению анархизма. Жизнь слишком сложна и не может быть уложена в какую-нибудь систему, не может быть распутана даже анархизмом, если он будет идти путем догмы. Только сочетание либерального и либертарного духа и энергии человечества может заложить основу новой жизни, и тогда анархизму предстоит показать себя. Прежде всего, высшие интересы человечества должны быть защищены от эксплуататоров кровопийц и паразитов, в наши дни со все растущим бесстыдством и жадностью обращающихся с землей, ее продуктами и обитателями. Авторитарный социализм не противодействуя этому, ибо он только старается установить подобную ж тиранию и эксплуатацию силами своего собственного правящего класса, правящей бюрократии социалистического государства. Как я уже сказал, свободные элементы человечества должны объединиться, иначе нет выхода из нас, стоящего или будущего рабства.

Рабство никогда не бывает привлекательно, и все таки люди идут к нему, и оно убивает их способности и заглушает их. Поэтому социализм на долгие годы лишен интеллектуальной привлекательности для людей и не действует на их воображение. Они чувствуют, что социализм понижает даже их нынешний уровень жизни, и они никогда не будут расположены к нему, хотя, может быть, и подчинятся ему, как неизбежности.

Совершенно противоположным будет сознательное утверждение свободы, которое я предлагав, с открытым и широким анархизмом, в качестве ее прекраснейшего цветка. Не примитивность и понижение уровня жизни, а свобода утверждать себя и развиваться. Современный человек будет подниматься в этом направлении или вернется к старым цепям, если перед ним не будет светоча свободы, сияющего всем блеском, какой могут дать ему

только соединенные усилия всех либеральных моментов, если они пожелают.

Я не мог не вернуться здесь к этим предложениям, уже высказанным в моей предыдущей статье. Экономические основы анархизма - реальность для меня, когда я вижу поле для их приложения. При настоящем положении вещей, я не вижу другого способа, кроме указанного выше. Для меня это не выход из отчаянного положения, а наоборот: я убежден, что так надо было говорить и действовать и сто лет назад. Вера в свободу была тогда, быть может, глубже, чем теперь, относительно в более привлекательном виде. Но, вне сомнения, надо было пройти через тяжкий опыт: обычный социализм совершенно разъеден авторитарной заразой, но теперь-то и время писать об этом старом долге и вновь начать дело на более здоровых началах.

Что должны делать анархисты в случае войны?

1931, источник: [здесь](#).

Ответ на этот вопрос очень прост: так как война является одним из самых антисоциальных, антианархических действий людей, то анархисты должны предупреждать войну, препятствовать ее возникновению и бороться с ней. Они не могут принять участия в ней, как анархисты, ни под каким условием. Если личные чувства и обстоятельства побуждают или принуждают их принять участие в войне, то в последнем случае, уступая принудительной силе, они все же могут, путем молчаливой обструкции и других таких же видов сопротивления, действовать в качестве противников войны, какими они остаются в душе. В первом случае, однако, если анархистами овладевает какое-нибудь националистическое или патриотическое чувство, или же если какие-нибудь интересы заставляют их желать того или другого исхода войны, то в таком случае их прямой обязанностью является тотчас же безмолвно покинуть ряды анархистов и не подавать дальнейших признаков жизни среди товарищей.

Анархистами являются те, в ком анархические взгляды определяют поведение и оказывают влияние на душевные настроения. Если в каком-нибудь данном случае верх одерживают другие чувства, - национализм, патриотизм, предубеждение, - то такие анархисты являются для указанного времени националистами, патриотами, заинтересованными шовинистами, а их анархизм отступает на второй план. Если они этого не понимают и пытаются, с помощью резонерства и силлогизмов, доказать самим себе и товарищам, что их два убеждения совместимы, что они остаются столь же добрыми анархистами, как и добрыми патриотами, то они становятся прямыми врагами нашего дела, ибо фальсифицируют и разлагают наши идеи, и превращают их в совершенно противоположное дело. Каждый свободен действовать согласно тем чувствам, какие в нем преобладают в данное время, но если он пускается теоретизировать о своих личных шатаниях и если, чувствуя себя вынужденным так поступать, он заставляет своих товарищей, путем убеждающей аргументации или страстных речей, следовать за ним, тогда он действует, как враг нашего дела.

Я думаю, что несколько возможностей, обсуждающихся здесь, касаются всех относящихся сюда вопросов. Не может быть никакого теоретического оправдания анархистов, принимающих участие в войне. Слабые, несовершенные, очень дифференцированные человеческие существа, находящиеся во власти неанархических чувств, поступают иначе в силу своей слабости и в таком случае двери широко открыты перед ними; Если они уважают анархизм, который, быть может, остается дорог им, как идеал, который они бессильны осуществлять во всей его полноте, то они уйдут, не сказавши ни слова. Действуя иначе, они причиняют большой ущерб делу, и это должно быть открыто им сказано.

Эти выводы могут быть сделаны, я думаю, из очень горького опыта, который дан был анархистам всех стран великой войною 1914-1918 г.г. и последовавшими за нею событиями. До войны этим капитальным вопросом занимались очень мало. Я мог бы даже сказать, что его считали пустяковым вопросом и анархисты, и социалисты, и все передовые социальные группы на протяжении почти 150 лет. Я приведу краткий обзор этого периода, чтобы объяснить, что именно я хочу сказать.

Войны, начиная с XVI столетия, вызывались, главным образом, соперничеством династий, жадной завоеваний и торговыми интересами. Войны становились особенно жестокими, когда эти факторы сочетались с религиозными вопросами, с борьбой католиков и протестантов. Когда турецкие набеги на центральную Европу, разбойничьи действия мавров на Средиземном море и т.д. создавали необходимость в организации сопротивления им, то это были войны, имевшие целью помешать разрушению городов и обращению их жителей в рабство. Очень немногие войны были войнами освободительными, как война Нидерландов против Испании, война английских республиканцев против королей династии Стюартов и т.д. Иногда сопротивление маленького народа против большой державы привлекало к нему симпатии, как, например, в эпоху средних веков, борьба швейцарских кантонов против германской империи, против Карла Бургундского, или в XVI веке война маленькой Пруссии времен Фридриха II против объединившихся Австрии, Франции и России. Все это заставляло общественное мнение этих стран различать между своекорыстными захватчиками, свирепыми войнами королей и министров, и войнами, связанными с каким-нибудь более или менее достойным делом, имевшим целью независимость маленькой страны, религиозную свободу, защиту против восточного рабства и т.д.

Позднейший тип войны возник перед лицом всего либерального мира в форме американской войны за независимость и первых войн французской революции, ведшихся ею для самозащиты. Однако, когда эти оборонительные войны выродились в войны захватнические и завоевательные, когда Наполеон предпринял покорение всей Европы, тогда стало не менее справедливым делом сопротивляться ему и наносить ему поражения. В этом деле объединилась вся Европа: Испания и Англия, Германия и Австрия, Россия и Швеция. Таким образом, в течение всего периода от 1776 года вплоть до 1815 года, до битвы при Ватерлоо, все радикальное общественное мнение страстно поддерживало дело народов, сопротивляющихся тиранам с помощью войны. Первые требования прочного мира заявлены были американскими обществами мира, при чем эти общества исходили исключительно из религиозных побуждений и оставались на этой почве до 50-х годов прошлого века.

В Европе не было династических войн с 1815 года до Крымской войны, в течение 40 лет, но так как реконструкция Европы в 1814-1815 годах (Венский Конгресс) произведена была чрезвычайно односторонним путем, в согласии с интересами великих держав и их требованиями о восстановлении территориального порядка, существовавшего до 1779 года, то повсюду было огромное недовольство. Различные нации, обманутые в своих надеждах и не добившиеся конституционного устройства, вновь попали под ярмо абсолютизма. Эти нации решили добиться своего освобождения или путем восстания и революции, или, если возможно, путем иностранного вмешательства, или путем союзов, ведущим к местным или общим освободительным войнам. Революция и война были, таким образом, неразрывно связаны с передовой мыслью почти всех групп. Большинство социалистов первой половины

XIX века лично разделяли эти взгляды и были готовы сражаться в освободительной войне так же, как готовы были сражаться на революционных баррикадах. Интернационализм понимался, как международная солидарность с нациями, восставшими во имя своего освобождения. Мадзини был типичной фигурой того периода, в одной руке он держал нити множества народных восстаний, а в другой - связи с несколькими правительствами и старался побудить их к такой политике, которая привела бы к войне с угнетателями Италии. Оба метода в равной степени отвечали его целям. Он надеялся, разумеется, что будет в состоянии пользоваться обоими методами таким способом, который был бы наиболее благоприятен для осуществления его политических, национальных, социальных и религиозных идеалов. Слова "Коммунистического Манифеста", что у рабочих нет отечества и что пролетарии всех стран должны объединяться, чрезвычайно одиноко звучали в 1848 году. Только Прудон сохранял хладнокровие, но и люди, подобные Бакунину, очертя голову, бросились в национализм, и войны за национальное освобождение повсюду встречали поддержку социалистов.

1848-1849 годы, - годы удивительного пробуждения европейских народов, - увидели, таким образом, дробление народных усилий, желаний и интересов в направлениях политическом (республиканцы), национальном (национальная независимость) и социальном (социалистическом, пролетарском). Это великое дробление сил дало возможность реакционным силам победить эти расколовшиеся силы одну за другой и даже направить их одну против другой и, таким образом, парализовать их. В результате ни один вопрос не был разрешен, и все погрузилось в годы крайней реакции. Вновь появились эти вопросы с еще большей силой, когда Крымская война нарушила неподвижность больших европейских государств, длившуюся с 1815 года. После этого итальянский, германский, польский, датский и другие вопросы поставлены были на очередь с новой силой. Опять восстания и войны стали возникать в тесной связи между собою, но руководились они только национальными интересами. Затем Мадзини, Гарибальди, Пьемонтский министр граф Кавур и король Виктор Эммануил, Наполеон III и Бисмарк, польские заговорщики и Бакунин 1862-1863 годов (в Лондоне, Париже и Стокгольме), французские республиканцы и немецкие национал-либералы, основатели Интернационала 1864 г. и Маркс, который так горячо желал европейской войны против России, - все эти действия, короли, руководящие дипломаты и революционные социалисты работали для войны и подготавливали или содействовали подготовке восстаний. Разумеется, их деятельность была связана с их дальнейшими планами: государственные люди надеялись завоевать власть и преобладание, каждый в своем государстве, революционеры работали для социальной революции, а националисты мечтали о возрождении и славе своих наций.

Во всем цивилизованном мире один только Прудон ясно видел, что ни один вопрос не может быть разрешен путем войны и неравенства, возникающего из войны, - неравенства возрастающего, ведущего к новому взрыву вражды и зависти и к новым войнам. Так именно и возникли войны 60-х годов (1870-1871), а равно и войны периода 1914- 1918 г.г., и так будут возникать все войны, ожидающие нас впереди. Прудон только видел одно правильное решение: федерализм, как понимал его также и его великий современник П.Маргал. Он высказал свои мысли в своих знаменитых статьях 1859-1863 годов, но был подвергнут моральному линчеванию, в котором приняли участие патриотические социалисты и республиканцы того времени, после чего он был силою удален из Брюсселя городской

чернью.

Единственный выдающийся социалист, серьезно отнесшийся к идее федерации, был Бакунин, который с головой ушел в националистические заговоры и агитацию в 1862- 1863 годах. Однако, он, в конце концов, увидел, благодаря польскому опыту, тщетность всего этого. Начиная с 1864 года, он противодействовал национализму Мадзини в Италии и изложил принципы федерализма на Женевском Конгрессе в сентябре 1867 г. и на собраниях Лиги Мира и Свободы в 1867-1868. Аргументы и предложения Прудона и Бакунина до сих пор остаются наиболее серьезными, хотя и мало обращающими на себя внимания, выступлениями социалистов против войны. Оба они признавали, что государства означают войну и что только федерация государственных единиц - пока государства остаются неразрушенными, - могут обеспечить мир.

Однако в 1867-1868 годах перед Европой стоял ряд национальных проблем, которые могли бы быть разрешены только войной. Таковы были вопросы об объединении Италии, о требовании Францией вознаграждения за невмешательство в национальную реконструкцию Германии и Италии в 1866 году, о таких же требованиях России, подлежавших удовлетворению за счет Турции, а может быть и за счет Австро-Венгрии, а также о национальных требованиях нерусских славян. Все это привело к войнам в период 1870-1914 годов. Уже первая из этих войн, Франко-Германская война 1870-1871 годов, застала Бакунина, Маркса и всех социалистов на своих позициях, и все были против Германии.

Итальянская война против папы и захват Рима были одобрены всеми итальянскими социалистами. Восстания в Боснии, сербская война, русско-турецкая война были одобрены русскими социалистами - Кропоткиным, Степняком-Кравчинским и другими, в то время как Маркс стоял за Турцию. Лишь очень немногие анархисты на Бернском Конгрессе объявили себя и против России, и против Турции, и отказались считать эту войну освободительной войной. Это первое и памятное воздержание анархистов во время большой войны, обоснованное в манифесте, написанном Перроном (Женева), Джемсом Гильомом (Невшатель), Кафиеро (Италия), Николаем Жуковским (русским эмигрантом в Женеве) и Элизе Реклю, который был патриотом в 1870- 1871 годах, - было, таким образом, выступлением против восточной войны. Кропоткин в его статье в Юрском "Бюллетене" 1877 года такой позиции еще не занял. В период 1879-1882 годов, когда он издавал в Женеве "Ле Револьте", и позднее, когда он вышел из тюрьмы и снова стал писать в этой и других газетах и в лондонской "Фридом", в 1886-1914 г.г., он продолжал делать то, что все делали раньше: в момент возникновения войны он становился на одну сторону против другой страны, считая, одну представительницей прогресса и освобождения, а другую - представительницей реакции и порабощения. Прогрессивной стороне он желал всякого добра, так как в его расчет входило, быть может, намерение воздержаться в тех случаях, когда не было бы возможности установить, какая именно сторона является прогрессивной; Он с восторгом поддержал бы всякое действие против Турции, Германии, Испании, Японии, Англии, которых он не любил, и стал бы на сторону России (во время войны с Японией), со славянскими национальностями (против Турции), с Францией 1914 г. Для него все это было личным делом, связанным с каждым фибром его мозга, с каждым нервом его. Он ненавидел Турцию и Германию, считая Англию более опасной. Во время Южно-Африканской войны он очень определенно высказал свое мнение по этому вопросу в печати. Он обожествлял

Францию, которая всегда была для него французской Революцией, идущей вперед с развернутым флагом и распространяющей свободу по всему миру.

Таким образом, в эпоху 1377-1914 годов, в лице наиболее видного анархиста Европы, товарищи имели перед собой человека, который со страстью защищал одну из враждующих сторон во время войны. Это был Кропоткин. Такова же была позиция Бакунина в 1846-1863 г.г. в славянском вопросе, в 1870-1871 годах - в споре о Франко-Германской войне. Перед анархистами был также пример французских социалистов и передовых республиканцев: Годфруа, Кавеньяк, Барбес, Бланки, итальянцы: Писакане, Гарибальди, Мадзини, теоретический русофоб Маркс. Все они, за исключением Прудона, а также Бакунина, каким он был в короткий период 1864-1870 г.г., - одинаково рассуждали и чувствовали, мыслили и мечтали, были готовы действовать и действовали в восстаниях, революциях и войнах одинаковым образом, прибегая то к тем, то к другим приемам борьбы, смотря по обстоятельствам.

Откуда же, могу я спросить, могло бы явиться настроение против войны, раз величайшие войны прошлого века считались священными для революционной совести, как войны освободительные или как оборонительные войны против наступления реакции или в защиту национальной независимости?

Что было действительно сделано для мира в течение этого длинного периода? Четыре интернациональных Конгресса 1848-1851 годов, Лига Мира и Свободы с ее неопределенными федералистскими тенденциями, начавшиеся в 70-х годах попытки свести проблему о мире к формальным договорам о третейском суде, даже голос Толстого, звавший человечество к возвышенным идеалам, - все это лишено было подлинного порыва, который доходил бы до сердца народа.

Социалисты из рядов рабочего класса говорили о бесчинствах солдат, о разорительных расходах на вооружение, о растущем искушении прибегать к войне в интересах торговли и финансов, борьбы за рынки, о спорах за колонии и подчеркивали ненасытную жадность империалистов. Из всего этого возникла некоторая доля антимилитаризма, начались отказы от военной службы, создались маленькие движения преданных этой идее людей, было много жертв, пренебрегших самыми жестокими преследованиями и продолжающих ими пренебрегать. Но в то же самое время территориальные партии политических социалистов приняли такие обширные размеры, что стали подумывать уже о завоевании политической власти, министерских постах для социалистических лидеров, и эти мечты осуществились. В послевоенные годы целые рабочие правительства стали обычным явлением. Все это было направлено к победам на выборах и заставляло политических социалистов очень бережно относиться к патриотическим убеждениям миллионов своих возможных избирателей.

При таких обстоятельствах антимилитаризм и подлинная оппозиция политике престижа и сильной власти, которую ведет всякое государство, стали невозможными для миллионов политически организованных рабочих. Миллионы организованные в тред-юнионы и синдикаты, представляющие теперь повсюду главную массу рабочего класса, жизненно заинтересованы в процветании торговли своих стран. Вывоз зависит в значительной

степени, в настоящее время, от богатства и силы вывозящей страны. Следовательно, опасность безработицы и низкой заработной платы угрожает, прежде всего, менее могущественным государствам, как это показывает сравнение численности безработных и плохо оплачиваемых рабочих в обезоруженной Германии и в разоренной Австрии - с рабочими Англии и Франции. Таким образом, политически и экономически, в настоящее время, интересы государства, капиталистов и рабочих соединены воедино в тех странах, которые еще процветают.

Нельзя ожидать действий, направленных к интернациональной солидарности, к серьезному сокращению вооружений и т.д. от массы рабочих больших и благоденствующих стран, ибо эти массы не желают уменьшения благоденствия и могущества своей страны, т.е. хотят неравенства, которое может поддерживаться только силою вооруженной государственной власти, всегда готовой к войне.

Подлинный антимилитаризм никогда не развивался и не может развиваться при таких условиях.

Все это привело к тому, что подлинный цельный социализм в настоящее время встречается только среди либертарных социалистов. Искреннее стремление к миру, подлинная интернациональная солидарность, настоящий антивоенный дух также могут существовать только среди либертарных социалистов. Это показывает, какую великую ответственность приходится нести свободолюбивым социалистам, пережившим, путем естественного отбора многочисленные виды социализма, ту его авторитарную форму, которая выродилась и остается бесплодной. В самом деле, если мы сравним поколения ранних авторитарных социалистов, вроде Сен-Симона, следующее поколение - Луи Блана и Маркса, и следующее за ним - Бебеля и Либкнехта, с двумя следующими за ними, - т.е., если мы сравним людей 1810, 1840, 1870, 1930 г.г., - то получится типичная эволюция вырождения, уже прекратившаяся в наши дни, когда вожди становятся государственными министрами, а рядовые люди не имеют собственной социалистической жизни. Интеллектуальная и энергичная жизненность либертариев развивается иначе. Они могут выполнять долг интернациональной солидарности, отвергнутый сторонниками авторитета. Но им придется самим изучать эту проблему. Нынешнему поколению нужно самому решать ее, а не принимать ныне уже устаревшие формы, какие придали ей Бакунин и Кропоткин, люди уже отошедших времен.

При всем уважении к Бакунину и Кропоткину мы знаем, что оба они были воспитаны в военной среде и были русскими офицерами. Хотя оба они переросли свою среду и жили интернациональной жизнью в наиболее передовой среде Европы, однако оба они были в ранней молодости - и никогда этого не отрицали - на протяжении нескольких лет не милитаристами, правда, но национальными патриотами. Другими словами, патриотизм был не очень крепко привит им путем воспитания, но сами они, как оппозиционеры и как юноши, исполненные возвышенной мечтой о полезной работе для родины, идеализировали официальный патриотизм и таким образом подлинно любили Россию в своих мечтах.

Я не буду продолжать это сравнение, ибо оно потребовало бы тщательно установить, в чем они отличались друг от друга. Но суть в том, что Россия 30-х и 60-х годов и Западная Европа

40-х и 70-х годов, где сформировались их характеры и где заложены были основы их жизненного опыта, дали им множество одинаковых и незабываемых впечатлений. Элизе Реклю получил совершенно иной ряд впечатлений. Малатеста - опять другой ряд их, и так же обстоит дело с нами самими.

Почему же особые взгляды Бакунина и Кропоткина должны быть более приемлемы для нынешнего поколения, чем взгляды Реклю, Прудона, Малатесты и других? Почему бы нам не руководствоваться, прежде всего, нашими собственными впечатлениями во всех этих вопросах?

В результате войны национальные мечты Бакунина и Кропоткина почти осуществились. Россия освободилась от европейского влияния, Германия раздавлена. Австро-Венгрия более не существует. Славянские национальности имеют свои собственные независимые государства с границами, проведенными по их собственным указаниям, согласно самым либеральным принципам. Франция всемогущая в Европе, Польша восстановлена. Только федерализма нет нигде. Лишь в Испании он сейчас появился, но совершенно независимо от войны. Национальные государства пользуются автономией; тем не менее, они вошли в сферу преобладающего влияния Франции.

Англия начинает скептически относиться к новым порядкам на континенте. Деловые люди с сожалением смотрят на этот континент, разделенный множеством таможенных барьеров и покрытый разоренными государствами или странами с уменьшившейся покупательной силой и искусственно насажденной местной промышленностью. Все на этом континенте как будто ждет помощи от кого-нибудь и своими силами не развивается. Наиболее умные наблюдатели советуют изменить эту политику взаимного разрушения, но никто не смеет прикоснуться к непрочной постройке из опасения, что она рухнет вся целиком. Это - триумф эгоизма над солидарностью, взаимной озлобленности над доброжелательством, антисоциализма против общественной жизни. Отсюда появление итальянского фашизма, югославского абсолютизма, германского национализма отчаяния. Единственные страны, жизнь которых нормальна и которым не угрожает серьезный кризис, - это три скандинавские страны, Швейцария, Голландия, маленький Люксембург и, до некоторой степени, Бельгия. Только в одной Испании совсем недавно установился свободный режим, и либертарные рабочие там многочисленны и могущественны. Прибавьте к этому великие перемены в Британской Империи, коснувшиеся даже Австралии, затем перемены в Южной Америке и гигантский рост благосостояния, но также и некоторых экономических потрясений и опасений за будущее в Соединенных Штатах.

Конечно, наша политическая и социальная мысль должна принимать во внимание все это. Политические и социальные наблюдения Бакунина и Кропоткина, покрывшие 90 лет - с 1830 до 1920 - отразившие влияние Французской Революции, 1848 и 1870 годов, рост империализма с 80-х годов до Великой войны, - этот опыт, и без того обширный, уже дополнен для нас периодом 1920-1930 г.г., периодом огромных перемен, которых не могли предвидеть эти старые товарищи. Только Малатеста может оглянуться на период с 1870 года и ранних традиций и протянуть линию от них до периода 1920-1930 годов, который разрушил его надежды, установив фашизм в дотолле прогрессивной Италии. Испания 1931 г. несет новые надежды, но не легко понять, как накопленная ею сила, долго бывшая

невидимой под монархической надстройкой, будет действовать при нынешнем возрождении страны.

Все это теперешние анархисты должны изучать и анализировать, находить движущие факторы прогресса и содействовать их развитию. Они должны также воздерживаться от поддержки ретроградных тенденций, которых теперь так много. Тогда они увидят, где находятся силы, подготовляющие новые войны, и сумеют повести с ними разумную борьбу, изолировать их и вытеснить их. Только путем такой борьбы они окажутся на уровне событий, не будут ими обмануты и брошены на ложный путь, как это случилось со всеми нами в 1914 году. Теперь задор национализма выдохся, его блеск померк, и мы видим эгоиста, самодержца, фашиста за всей этой шумихой. Теперь блеск сепаратизма, стремление разрывать на части экономические единицы - исчезли, и мы видим нищету, лишения, экономическую разруху, отчаяние, возникшие из экономической изоляции. Теперь империализм, международные финансы, дипломатия, военная промышленность, ненасытный милитаризм, ядовитые газы - все это мы видим бесконечно яснее, чем прежде.

Каков бы ни был предлог, который может послужить для того, чтобы спустить с цепи новую войну, мы знаем, что, во всяком случае, эти предлоги будут - ложны. Война будет вызвана потому, что тот или другой из группы сообщников думает, что в руках у него выигрышные козыри. Война отныне признается безусловно позорной игрой, в которую играют для того, чтобы грабить и разорять побежденных. Эти последние, обезоруженные и бессильные, были бы самоубийцами, если бы попытались броситься на державы, вооруженные до зубов. Такой поступок мог бы вызвать восстание, которое послужило бы предлогом для того, чтобы для побежденных были выкованы еще более тяжелые цепи. Надежды этих жертв основаны на возможности разложения в стане самих победителей, вследствие разрушения, которое они создали и которое распространяется и превращается в мировой экономический кризис. Надежда победителей построена на расчете и продлит свое господство путем создания новых жертв. Поэтому возможны ужасные войны на континентах Азии и Африки, и в настоящее время восставших расстреливают небольшими группами в Бирме, во французской Азии, на голландской Яве и в большом количестве в Индии, и где Китай никогда не знает покоя. Жадность белой расы вызовет мировой бойкот против нее и, быть может, разрушительные набеги в духе большевизма.

Я пишу об этих возможностях с сознанием, что только социальная революция может сделать их невозможными. Я хочу показать, что будущие войны уже никогда более не могут быть такими относительно безвредными, какими были войны периода 1776-1897 годов, когда проблемы независимости и освобождения делали большинство войн популярными и когда граница между войнами и восстаниями была часто почти неуловима. В то время воевали только солдаты, оружие было примитивно по сравнению с нынешним, а личные права невоюющих в значительной степени соблюдались. Такие войны относятся к прошлому, а грядущие войны будут войнами на истребление с целью предотвратить восстания нынешних рабов. Это будут войны финансистов в поисках добычи, войны фашистов, страдающих манией убийства, войны для увековечения эксплуатации в других континентах, войны для уничтожения свободы там, где она развивается, для уничтожения социализма, для увековечения нынешнего страшного рабства.

Противодействовать таким преступлениям при всякой возможности должно быть личным делом каждого. Этим путем мы устранимся от участия в войне, мы сопротивляемся убийству и порабощению людей. Но нет прощения анархисту или вообще какому бы то ни было человеческому существу, принимающему участие в подобных войнах на стороне сильного, наилучше вооруженного, имеющего шансы победить и поработить новые массы людей. Бакунин, Реклю, Кропоткин, какими они были во время войн 1870 и 1914 годов, должны быть оправданы в силу их личного характера, который не оставил им выбора. Они не знали ничего лучшего и хотели действовать, как можно лучше. Но не может быть прощения за участие в будущих войнах. Если участвовать в них будут анархисты, то этим они сами себя устроят из нашей среды: если они возведут свое преступление в теорию, то к ним можно отнестись только с презрением, если же они молча уйдут прочь, то забудем о них.

Мы живем в век быстро идущей жизни. Последние 150 лет видели развитие, перестройку, переоценку, возвышение и падение стольких идей и идейных течений. Отношение к войне также прошло через описанные здесь этапы: от войны династической до войны демократической, утверждающей национальное освобождение, идущей почти до международного восстания и, таким образом, завоевывающей сердца наиболее бескорыстных, романтических и смелых людей, придерживавшихся передовых, революционных взглядов. С тех пор война, неисправимое зло, снова спустилась до войны империалистической, до войны во славу честолюбивого национализма. Эти этапы отмечены такими людьми, как Вашингтон, Лафайет и первые генералы Французской Революции: Гош, Моро и другие, а позднее - Гарибальди. Но в 1914-1918 годах война велась бездушными техниками-генералами, стоявшими во главе ученейших генеральных штабов. Это были техники, заведовавшие войной.

В грядущих войнах, которые будут вестись с помощью ядовитых газов и массового истребления населения, характерными фигурами будут отравители, укрывшиеся в подземных лабораториях, и люди, с безопасного расстояния убивающие, калечащие и уничтожающие' в огромном количестве мужчин, женщин и детей, с помощью продуктов современной и минувшей цивилизаций.

Грядущие войны уничтожат населенные центры старой социальной жизни, накопления культуры, искусства, воли, таланта и энергии. Оставшееся в живых население будет рассеяно по лесам и будет вытеснять население окраин с цивилизованного мира. Это означает, что прогресс будет уничтожен и что будущее ближайших поколений будет в руках наименее развитых элементов населения или в руках завоевателей, пришедших из менее цивилизованных стран. Все это означало бы уничтожение всех надежд на прогресс на неопределенный период. Человечество было бы отодвинуто в самые мрачные периоды начала средних веков, когда города предавались грабежу, центры знания разрушались, а население было бедно и редко.

Таким образом, война в нынешний век химии неизбежно будет отличаться от того, чем она была еще при нынешнем поколении. Многие из нас еще помнят героического Гарибальди, умершего в 1882 году, и те же люди дожили до дней, когда отравитель становится героем войн, приготовления для которых делаются теперь более интенсивно и с большими

расходами, чем когда бы то ни было раньше, при всеобщем народном безразличии и еще большем равнодушии, чем раньше.

Народы, а также некоторые из наших товарищей, приняли участие в войне 1914 года в убеждении, что это будет геройская война в духе Гарибальди. Они жестоко ошиблись. Война очень скоро оказалась безобразной, томительной, механической войной. Они привыкли к этому с течением времени, и теперь воображают, что будущая война будет подобна минувшей войне, будет такой же изнурительной войной в траншеях, прерываемой лишь несколькими геройскими атаками. Неужели они вечно будут позволять себя дурачить? Разве может анархист колебаться в вопросе о том, что делать в подобном случае?

Прогрессивные идеи распространяются разными путями. Можно изложить людям целый ряд идей и убедить их в истинности всей совокупности этих идей. Тогда отдельные идеи неизбежно и самопроизвольно зарождаются в людях. Так, например, убежденный анархист неизбежно будет антимилитаристом, другом мира, безусловным врагом войны.

Можно также объяснять каждую идею особо, доказывать ее, и тогда, исходя от этих идей, логично мыслящий человек приходит к целому, часть которого составляет каждая из этих особых идей. Тогда человек, который видит ужасы войны и милитаризма, приходит к тому, что делает войну неизбежной: государства, которые всегда бывают эгоистичны и всегда соперничают друг с другом. Он видит, что только уничтожение государства может обеспечить мир, а это уничтожение государств означает анархизм.

Иногда идею доказывает человек, применяющий ее на деле. Наблюдая это, люди приходят к пониманию совокупности относящихся сюда идей. Таким образом, когда лучшие из людей часто отказываются от военной службы, отказываются убивать других людей по приказу свыше, когда они становятся мучениками во имя этого, тогда люди понимают, на каких высоких принципах основан этот поступок и видят весь механизм организованного себялюбия и жестокости, понимают роль государства и начинают понимать анархизм.

Или, наконец, люди становятся на правильный путь в качестве сознательных или пока еще не сознательных бунтовщиков. Они отказываются участвовать в организованном убийстве, в отравлении людей по приказу власти, в защите интересов своих эксплуататоров и в изготовлении оружия, в выделке ядов и взрывчатых веществ для уничтожения целых народов. Чудовищность того, что им приказывают делать, заставит их увидеть преступность современного государства, которое уже больше не является общественно-полезным учреждением, каким оно претендует быть, а просто самым антиобщественным учреждением, какое только можно себе представить. Увидев это, бунтари станут отделяться от этого антисоциального организма и станут решать свои дела по взаимному соглашению, миролюбиво и доброжелательно.

Это показывает, что к данному вопросу можно и нужно подходить с разных сторон и что для анархистов возможна только одна позиция по отношению к войне, - безусловная вражда к ней, воздержание от нее, борьба с ней и непрерывное противодействие всему, что ведет к ней. Мы стоим в стороне от государства, не стремясь быть избирателями, не желая быть политиками и участвовать в выборах. Мы не жаждем быть у власти и не хотим быть орудием

власти, какого бы рода она ни была. Мы не поддерживаем государства интеллектуально, не возносим ему хвалу, как это делают раболепствующие писатели и ораторы. Мы стоим вдали от государственной деятельности. Как же можем - мы отречься от этой борьбы и этой позиции, ставши на сторону государства во время войны?

Мы становимся на сторону человечества, которое шире, старше, бесконечно благороднее, чем все государства, которые, исторически говоря, являются временными надстройками, весьма сомнительной ценности и, без сомнения, не очень значительной прочности. Человечество будет жить и после того, как государства исчезнут, его полная и настоящая жизнь станет развертываться только тогда, когда людей перестанут отделять друг от друга искусственные преграды, подобно тому, как в зверинцах старого типа зверей разделяют железными перегородками клеток.

Никто не имеет права возбуждать одних людей против других для целей взаимного истребления. Если надменность и жестокость древнего Рима заставляли пленников убивать друг друга, выступая гладиаторами в цирке для забавы императора и народа, то ведь это зрелище давно отжило свое время, - хотя многие виды современного спорта сильно напоминают его. Войны тоже будут казаться нам коллективным преступным безумием уже в ближайшем будущем. Они казались бы такими уже и сейчас и гораздо более широким кругам, чем довоенные гуманисты и нынешние анархисты, если бы, как я пытался объяснить это выше, не обманчивые фразы: "революционные войны," "войны за независимость," "демократические войны." Эти фразы обольщают даже социалистов и некоторых анархистов.

Но такие войны перестали происходить после американской и французской революций, продолжением которых были национальные войны в духе Гарибальди. Это время прошло. Множество вооруженных наций управляют теперь безоружными нациями, которые могут только восставать, но не могут более вести правильную войну. Нет необходимости объяснять, на чью сторону станут анархисты в случае восстания. Настоящие войны между одинаково вооруженными государствами возможны теперь только для целей грабежа и притеснения, а это не может вызвать ни малейшего сочувствия у гуманистов и анархистов. Таким образом, то положение, которое создалось в 1914 году и вызвало колебания у некоторых анархистов, уже не может более возникнуть, и весь вопрос, благодаря этому, сильно упростился.

Но враги, то есть, все те, кто заинтересован в войне и желает нажиться на ней, пускают в ход все средства, чтобы затемнить эти ясные вопросы. Нас все еще немного и перед каждым из нас - огромная агитационная задача. Без сомнения, необходимо действовать, но для того, чтобы быть плодотворным, это действие должно быть основано на знании и интеллектуальной мощи. В содействии этому и состоит наша великая работа. В пробудившейся Испании мы видим, как много может быть сделано путем согласования усилий разных групп. Ясное понимание вопроса о войне приводит к анархизму - и обратно. Здесь мы имеем, таким образом, широкое понимание обоих интересов, которое приведет к пополнению наших рядов новыми людьми. Для нас, анархистов, существенно важно не упускать эту проблему из виду. Мир, свобода, солидарность, грядущая анархия так же неразрывно связаны между собой, как война, власть, себялюбие и грядущий всеобщий гнет

и разрушение. Неужели так трудно выбрать правильный путь?

Жизнь и деятельность Михаила Бакунина

1920, источник: [здесь](#). Q.A.: Предупреждение биографической энциклопедии:
Пер. с нем. изд., вышедшего в 1901, пер. плохой, текст не проредактирован.

Прим. переводчика: Брошюра эта написана в 1901 году.

Михаил Бакунин (1814-1876)

Михаил Бакунин родился в русской дворянской семье, родословная которой восходит к 17-ому столетию. Согласно преданию предки Бакунина иммигрировали в Россию из Трансильвании. Отец его еще ребенком был отправлен вместе с русским посольством во Флоренцию и прожил в этом городе и в Неаполе до 35-летнего возраста, состоя на дипломатической службе. После его возвращения в Россию ему вскоре надоела столичная, придворная жизнь. Он уехал на постоянное жительство в свое имение и в сорокалетнем возрасте женился на 18-летней девушке из семьи Муравьевых. От этого брака родилось 11 детей - 6 сыновей и 5 дочерей; Михаил Бакунин был старшим сыном (родился 8/20 мая 1814 г.) Бакунин описал свои детские годы, проведенные в родном селе Прямухине Торжковского уезда, Тверской губернии, в автобиографическом очерке «История моей жизни», впервые напечатанном в «Société Nouvelle» (Брюссель, сентябрь 1896 г.). В этом очерке он рассказывает что он был очень привязан к своему отцу. Это был умеренный либерал,

просвещенный человек, принимавший участие в одном из декабристских кружков, что осталось впрочем необнаруженным. Однако печальный исход всех свободолюбивых стремлений, разочарование в российской действительности, а также и влияние жены, холодно относившейся к его гуманитарным взглядам, все это привело к тому что он отказался от своих идей и стал крайне осторожным скептиком. Благодаря отцу Бакунин получил более или менее свободное воспитание. Так, например, ему не прививали никаких религиозных верований, ограничившись тем, что познакомили его с внешней обрядовой стороной православия. С другой стороны отец старался по возможности оградить детей от ознакомления с действительным положением народа, напр. с крепостничеством, опасаясь, что это может вызвать в них дух недовольства существующим строем. Он охотно давал детям читать описания путешествий, производившие на Михаила Бакунина сильное впечатление, возбуждавшие его воображение и вызывавшие в нем желание самому пережить подобные приключения, так что одно время он даже, как говорят, помышлял о бегстве из родительского дома. Он провел таким образом счастливое детство, не зная ничего о суровых сторонах жизни.

За три года (1829–1832 г. г.) он окончил петербургское артиллерийское училище. У нас нет непосредственных источников, по которым мы могли бы получить ясное представление об его жизни в течение этого периода. Остается поэтому невыясненным, почему он, несмотря на успешное окончание училища и связи своей семьи, дававшие ему возможность поступить в гвардейскую артиллерию в Петербурге, был послан в чине прапорщика в полк, стоявший в Минской губернии.

Там он провел в захолустном местечке два года, будучи свидетелем всевозможных угнетений, которым население подвергалось после подавления польского восстания, «Служба» совершенно его не интересовала; он много читал, и наконец сам оборвал свою карьеру, подавши в отставку в 1834 г. Несмотря на то, что этот поступок вряд ли находился в соответствии с планами его отца, последний очевидно ничем не проявил своего недовольства, так как мы не встречаем никаких следов вмешательства отца в его дальнейшую жизнь. Следующие шесть лет (до 1840г.) он провел большей частью в Москве, где он жил то один, то вместе с друзьями; летом же он обычно жил в Прямухине в кругу своей семьи, и только в 1840 г. он посетил Петербург.

Эти годы Бакунин посвятил страстному изучению философии и на этой почве вступил в тесную связь с наиболее прогрессивными московскими и петербургскими студентами. Он сумел с исключительной яркостью постичь учения некоторых философов и комментировать их в бесчисленных разносторонних дискуссиях с друзьями; он весь ушел в абстрактное мышление и больше чем когда либо отдалился от действительной жизни. Весной 1835 г. он вступил в переписку со Станкевичем и встретился с ним лично в ноябре того же года. В это время он занимался чтением сочинений французских философов, в том числе Кондильяка. Станкевич привлек его к изучению Канта и Фихте. Бакунин стал восторженным последователем Фихте, и первой его напечатанной работой был перевод сочинения Фихте «Несколько лекций о призвании ученого». («Телескоп», 1836 г.). Последователем Фихте был в то время также и Белинский, который после скорого от'езда Станкевича (1837 г.) стал ближайшим и вместе с тем самым выдающимся из друзей Бакунина. Он провел несколько месяцев в семье Бакунина, в Прямухине (летом 1836 г.), и с энтузиазмом вспоминал потом

об этом времени. Только в 1837 г. друзья приступили к изучению философии Гегеля, которая вскоре оказала колоссальное, для нас теперь непонятное, влияние на все мышление и на все воззрения этих кружков. Первой самостоятельной работой М. Б. было предисловие к переводу «Гимназических речей» Гегеля («Московский Наблюдатель», 1838 г., март-апрель); следующей работой была неоконченная статья «О философии» («Отечественные Записки», т. IX, 1840 г.).

Осенью 1839 г. кружок М. В. познакомился с Александром Герценом и его друзьями, возвратившимися в Москву из провинции, куда они были сосланы, и тогда произошло весьма острое столкновение между московскими гегельянами, не останавливавшимися перед тем, чтобы распространить положение «все существующее разумно, раз оно существует» также и на позорнейшие явления российской действительности, с одной стороны, и кружком Герцена – свободомыслящими, республиканцами, сочувствующими французскому социализму, – с другой. В результате каждая из двух сторон осталась пока при своих взглядах, но благодаря ознакомлению с кругом идей противника обе стороны извлекли большую пользу из этих дискуссий.

В 1840 г. после краткого пребывания в Петербурге Бакунин стал готовиться к отъезду в Берлин с целью изучения немецкой философии в тамошнем университете. Возможно, что он рассчитывал добиться современем в России профессорской кафедры по философии. Во всяком случае он почувствовал потребность покончить с бездеятельной жизнью, которая, как он опасался, должна была привести его к «самому большому несчастью – к постепенному опошлению». Он выехал в июле или августе 1840 г. из Петербурга в Берлин, где уже со следующего зимнего семестра стал посещать университет.

Внутренний процесс превращения Бакунина из консервативного в революционного гегельянца очень ясно вырисовывается из следующих результатов. Профессора Вердера, пользовавшегося тогда большой славой в качестве красноречивого излагателя гегелевской системы, Бакунин был вынужден признать поверхностным краснобаем, который в своем стремлении к компромиссам избегает доводить идеи Гегеля до их логического конца. Он также присутствовал при полном фиаско Шеллинга, впервые выступившего зимой 1841–42 гг. с изложением своей реакционной системы. По этому поводу появилась в Лейпциге, в 1842 г. брошюра анонимного автора, которая, согласно письму А. Руге к Розенкранцу (апрель 1842 г.), была написана Бакуниным, жившим тогда уже в Дрездене. Ее заключительные страницы впервые показывают нам революционного Бакунина, увлекающегося Фейербахом. Он призывает «рискнуть наконец своей жизнью в последней священной войне, за которой последует тысячелетнее царство свободы»... «...великий решительный день, день сражения народов приближается, победа должна быть на нашей стороне». В этих вдохновенных призывах он говорит правда пока только о философском бое, но все же они прежде всего обнаруживают темперамент, победивший наконец покой абстрактного мышления.

В Берлине Бакунин жил несколько времени вместе с Тургеневым. Там же он познакомился с Фарнгагеном фон Энзе, сохранившим навсегда к нему чувство глубокой симпатии. Летом 1841 г. он ездил в курорт Эмс. Когда он оставил Берлин, неизвестно. Весной 1842 г. он был уже в Дрездене, где он близко сошелся с Арнольдом Руге и его друзьями, группой

радикальнейших гегельянцев. Его брат Павел и Тургенев также прожили некоторое время в Дрездене, и там же Бакунин познакомился с музыкантом Адольфом Рейхелем, происходившим родом из Восточной Пруссии, и приобрел в его лице истинного друга на всю жизнь.

Опубликование сочинения Бакунина «Реакция в Германии. Письмо француза» в журнале «Deutsche Jahrbücher» (17–21 октября 1842 г.), вышедшем под редакцией Руге, представляет собою поворотный пункт в его жизни. Статья эта подписана псевдонимом «Жюль Элизар», но авторство Бакунина не сохранилось в тайне, и таким образом не приходилось больше думать о преподавании в русском университете. Бакунин, впрочем, уже давно был и без того скомпрометирован в политическом отношении благодаря своим связям с радикальнейшими немецкими кругами, а также и с поляками. Статья эта направлена против половинчатых и тепловатых, компромиссных течений. Заключительные слова статьи общеизвестны, менее известен весь заключительный абзац: «Будем-те же доверять вечному духу, который только потому разрушает и уничтожает, что он является непостижимо глубоким и вечно творящим источником жизни. – Дух разрушения есть в то же время созидующий дух!»

В начале ноября 1842 г. в Дрезден приехал Гервег, путешествовавший тогда по Германии, и остановился у Бакунина. Спустя несколько недель положение Бакунина стало непрочным очевидно он не согласился на требования неофициального характера вернуться в Россию, а Саксония, где вскоре после этого был закрыт журнал Руге, не могла считаться безопасным для него убежищем. Вследствие этого он уехал вместе с Гервегом из Лейпцига в Швейцарию (через Страсбург) в начале января 1845 г.

В Цюрихе он прожил несколько месяцев, приятно проведенных в кружках тогдашних тамошних немецких радикалов, среди которых были Юлиус Фребель, Август Фоллен и др. Его боевое жизнерадостное настроение обнаруживается в написанном в мае 1843 г. и напечатанном в журнале «Deutsch-Französische Jahrbücher» (Париж, 1844 г.) письме его к Руге, под заглавием: «В. an R.» Уже в его статье, появившейся в октябре 1842 г., Бакунин проявляет большой интерес к социализму, но преимущественно в философском смысле. Остается неизвестным с каким из социалистических течений он познакомился раньше; во всяком случае романы Жорж-Занд, находившейся тогда под влиянием Пьера Леру, произвели на него сильное впечатление. Но в Цюрихе он вступил в прямые сношения с немецкими коммунистами вейтлинговского направления и в течение краткого периода времени с самим Вейтлингом, и с тех пор (а может быть еще со времени, когда он жил в Дрездене) воспринял социализм со всеми его крайними выводами. При этом он однако не проникся столь распространенной тогда верой в определенную спасительную систему и не соглашался жертвовать свободой в пользу равенства. Темперамент и философское образование заставляли его прежде всего крепко держаться принципов свободы и революции, так что он вскоре перерос кружки рабочего коммунизма Вейтлинга, Августа Бекера и др., или вернее – он никогда к ним и не принадлежал. Кабэ также не оказал на него никакого влияния, впоследствии его не мог привлечь на свою сторону Маркс, и сочувствовал он только взглядам Прудона, за исключением философских воззрений последнего. Одним словом, можно сказать, что, отбросивши консервативное гегельянство, державшее его мысль в оковах с 1837 г. до 1840 г., Бакунин быстро и уверенно пришел по

существо к своим позднейшим воззрениям, не веря в реальность какой нибудь компромиссной точки зрения.

Несколько анонимных статей Бакунина под общим заголовком «Коммунизм» появилось в журнале Фребеля «Der Schweizerische Republikaner» (Цюрих, 2, 6, 13 июня 1843 г.). В ночь с 8-го на 9-го июня был арестован в Цюрихе Бейтлинг, и Бакунин должен был тогда немедленно покинуть этот город. Пользовавшийся печальной известностью Блюнчли опубликовал его фамилию, найденную в бумагах Вейтлинга (21 июля). Русский посол в Берне немедленно потребовал от цюрихского правительства доставления сведений о Бакунине, и таким образом впервые против него началось официальное следствие. Бакунин уехал в Проманту под Нионом, на Женевском озере, где он поселился в доме итальянского эмигранта Пескантини. В течение следующих месяцев он жил также в Женеве и Лозанне, где он встречался с немецкими коммунистами и сторонниками «Молодой Германии». Вслед за этим он совершил путешествие по Альпам вместе с Рейхелем и Августом Бекером (Шамони, долина Роны, Мейринген, Гримсель к т. д.). Наконец он в октябре приехал из Ниона в Берн, где завязал тесное знакомство с семейством Фохтов, находившимся в родстве с Фолленом. Но в феврале 1844 г. он был вызван русским послом в Берне, сообщившим ему о приказе немедленно возвратиться в Россию. Тогда он предпочел покинуть Швейцарию и в середине февраля выехал в Брюссель.

Там он виделся с несколькими поляками, в том числе с Лелевелем, а также с русскими знакомыми, проезжавшими в Париж через Брюссель. Сам он впервые поехал в Париж в мае, а в середине июля 1844 г. он поехал туда вторично, и на этот раз он там остался жить.

В течение следующих лет Бакунин познакомился с самыми разнообразными прогрессивными кругами Парижа; при этом он однако сохранил свою независимость и лучше всего чувствовал себя в маленьком кружке действительно свободомыслящих людей, в числе которых были Рейхель, Гервег и его жена, Прудон и впоследствии Герцен. Также хорошо он чувствовал себя в описанном Карлом Фохтом веселом обществе естествоиспытателей и любителей в Сен-Серване под Сен-Мало, где он жил летом 1845 г. Он близко познакомился с кружком «Форвертс» (Париж, 1844 г.), но чем ближе он узнавал французов, тем больше он удалялся от немцев, за исключением упомянутых личных друзей. Мелкая душа Руге, начавшего тогда уже опускаться, и злой характер Карла Маркса, затмевавший его блестящие способности, показали ему, что революции нечего ждать от этих кружков филистеров и педантов. Я не буду называть имена тех многих французов, с которыми он вел знакомство и из которых каждый почти имел особую социалистическую систему для собственного потребления. Большой интерес представляют его встречи с Прудоном, с которым он однажды имел дискуссию, продолжавшуюся целую ночь до утра. Многие из русских друзей Бакунина приехали в то время в Париж; в 1847 году приехал Герцен и позже безнадежно больной Белинский. В эти годы в печати мало что появилось принадлежавшее перу Бакунина. 27 января 1845 г. появилось его письмо в «Reforme», после того как он, в конце декабря, был заочно осужден к лишению всех прав состояния и к пожизненной ссылке в Сибирь. В этом письме он впервые высказался по поводу положения дел в России. 12 марта 1846 г. он поместил письмо в «Constitutionnel» о жестокостях русского правительства в Польше. В октябре 1844 г. он написал «Изложение и развитие идей Фейербаха», которое никогда не было напечатано. Это были для него интересные годы,

в течение которых он узнал много нового. Но в то же время это были для него годы горьких разочарований, так как столь страстно и с такой уверенностью ожидавшаяся им революция все еще не приходила. Бакунин сделал ей шаг на встречу, выступив 29 ноября 1847 года со своей известной речью на польском собрании. Это было его первое публичное выступление, и он бросил тогда в лицо официальной России выражение своего презрения и стыда за нее. Следствием этого выступления было его изгнание из Франции (декабрь 1847 г.). Не ограничившись этим, министр граф Дюшатель, подстрекаемый русским послом Киселевым, пытался возвести на Бакунина гнусное обвинение, на которое Бакунин дал ему достойный ответ («Réforme», 11 февраля 1848 г.).

Он уехал тогда в Брюссель, где вращался в польских кругах и где он опять встретился с кружком Маркса, от которого у него осталось неприятное впечатление. Вряд ли ему удалось бы долго удержаться в Брюсселе, и поэтому он уже подумывал о переезде в Лондон, но известие о парижской февральской революции заставило его немедленно возвратиться в Париж. Первые свои впечатления о новой революции он изложил в статье, напечатанной тогда в парижской «Réforme». Так пришла наконец революция, которую он так долго и страстно ожидал.

Я ограничиваюсь здесь только очень беглым обзором планов и деятельности Бакунина в течение 1848–49 гг., так как более подробное резюме деятельности его в этот период я поместил в берлинском журнале «Socialistische Monatshefte» за 1898 г. – Он предвидел с самого начала, что временные победы в феврале и марте еще не обеспечивали торжества революции и что необходимо ее углубление, иначе поднимавшая голову реакция отнимет все ее завоевания. Он видел, что дальнейшее развитие революции может явиться только следствием совместного действия демократических партий всех стран, чему реакция старалась воспрепятствовать путем возбуждения национальной ненависти и приготовления национальных войн. Своей личной задачей, к выполнению которой едва ли был подставлен кто либо иной, он считал революционизирование славян для того, чтобы они могли примкнуть к европейской революции вместо того, чтобы стать орудием реакции, которая, как это и случилось в действительности, могла их толкнуть на путь национальной ненависти. Это была очень трудная задача; у него не было точки опоры, он должен был сам создать для себя все средства и помощников. В глазах всех «солидных» демократов, за исключением немногих, он постоянно являлся беспокойным человеком, мешавшим им предаться опять отдыху и погрузиться в спокойный сон. Вследствие этого его деятельность дала тогда больше планов и попыток, чем конкретных результатов. Но он все же остается одним из немногих людей, которые отдавали себе в 1848 г. ясный отчет в действительном положении дела и поднялись над иллюзиями и ошибками масс.

После несколько счастливых недель, проведенных в атмосфере энтузиазма февральских и мартовских дней, когда отовсюду приходили известия о победе революции, Бакунин оставил Париж в начале апреля, уже несколько разочарованный. Его ближайшим намерением было присоединиться к ожидавшейся польской революции и попытаться перенести ее внутрь России. С этой целью он поехал в Бреславль, тогдашний центр польского движения, где он принял участие в организованных Дембинским в начале мая польских совещаниях. По пути он заехал в Франкфурт, где он познакомился с целым рядом

немецких демократов; в Кельн, где он окончательно порвал с Марксом и Энгельсом из-за осуждения своего друга Гервега; в Берлин, где полиция сначала стала его беспокоить, но потом – это было месяц спустя после 18 марта – оставила его в покое, и наконец в Лейпциг, где он опять встретился с Руге. Вслед затем он появился на славянском конгрессе, состоявшемся в начале июня в Праге, где он выступил с пропагандой своих идей в самой неблагоприятной обстановке, так как настоящие заправила конгресса менее всего преследовали прогрессивные цели. Возможно, что некоторые из его мыслей вошли в манифест: «к народам Европы». О его тогдашних взглядах по славянскому вопросу мы можем судить, по проекту «Статутов новой славянской политики», с которым конгресс не ознакомился. Конгресс был прерван военным нападением, поведшим к революционным выступлениям. В продолжение недели Пятидесятницы Бакунин находился в центре революционного движения в Клементинском квартале, где вел агитацию между студентами. 19 июня он оставил Прагу и направился в Бреславль. Здесь его застала позорная клевета, появившаяся в «Новой Рейнской Газете» от 6 июля 1848 г., вполне опровергнутая им посредством полученного письма от Жорж Занд (Сравн. «Нов. Рейнскую Газ.» от 16 июля и 3 августа и статью Маркса в лондонской газ. «Morning Advertiser»). Клевета эта все же временно помешала его деятельности. Его душевное настроение и мрачная оценка тогдашнего положения обнаруживается в нескольких письмах его, написанных в 1848 и 49 гг. к Георгу Гервегу (Письма эти напечатаны в сборнике «1848-ой год», Мюнхен, 1898 г.) Так, напр., в начале августа он пишет: «Я не верю в конституции и законы: наилучшая конституция не удовлетворила бы меня. – Мы нуждаемся в чем то ином; в буре и в жизни и в новом, лишенном законов, а потому и свободном мире». В середине июля 1848 г Бакунин поехал в Берлин, где он встречался с поляками, с демократическими депутатами и целым рядом других лиц. Там же он тогда познакомился с Максом Штирнером и по настоянию общих друзей помирился с Марксом. 22 сентября он опять поехал в Бреславль и 6 октября был выслан из Пруссии; 9 октября, проезжая через Саксонию, он был выслан также и из этой страны. Верное убежище он нашел в тогдашнем маленьком оазисе свободы, в Ангальте, где он и прожил до января 1849 г., в Кетене и Дессау, вращаясь в сочувствовавших ему кружках ангальтских демократов. Там же он часто встречался с министром-демократом Габихтом и др. Этими месяцами внешнего покоя он воспользовался для издания «Воззвания к славянам» (Кетен, 1848 г.). Но главным образом он был занят заговорщической деятельностью, т. е. попытками склонить революционные элементы разных стран к новому выступлению весной 1849 г. До сих пор осталось неясным степень участия других революционных деятелей того времени в этом направлении. Из его усилий ничего не вышло, но во всяком случае вполне установлено, что Бакунин видел единственный путь к спасению революции в таком объединении отдельных движений и работал очень энергично в этом направлении. Благодаря этому он стал наиболее ненавидимым для реакции человеком, внушавшим ей страх более чем кто-либо другой. И это произошло не благодаря каким-либо его утопическим стремлениям, а как раз потому, что он был практичнее всех других и пытался прибегнуть к самому опасному для реакции средству: к объединению сил революции.

С января до начала марта 1849 г. он жил нелегально в Лейпциге, откуда он вел сношения с целым рядом молодых чехов, находившихся в Праге; кажется, что он также однажды сам с большой опасностью для себя ездил в Прагу. Заговорщики надеялись на восстание в Праге, в котором должны были принять участие чешские крестьяне; быть может, имелось в виду

совместное выступление с польскими повстанцами, которое должно было воспрепятствовать вмешательству России в Венгрии. Бакунин стал еще энергичнее работать в этом направлении, когда несколько позже, начались выступления в связи с немецкой имперской конституцией. С марта месяца Бакунин избрал центром своей деятельности Дрезден, бывший более важным центром чем Лейпциг. Отправка Рекеля в Прагу с письмом Бакунина от 30 апреля 1849 г., показывает, что планы Бакунина были совершенно реальны, хотя, с другой стороны, фактический опыт Рекеля, в Праге обнаружил, что для осуществления этих планов имелись слабые материальные основания. После взрыва дрезденской революции были произведены в Праге массовые аресты, и многие чехи и немцы просидели в тюрьме после долгих судебных процессов до 1857 г.

Роль Бакунина в дрезденской майской революции общеизвестна (3-9 мая 1849 г.). В теснейшем контакте с временным правительством он работал самым энергичным образом днем и ночью, и имя его внушало саксонским мещанам панический страх. С остатками борцов майской революции он уехал утром 9 мая в Фрейберг, вместе с Гейбнером и Рихардом Вагнером. На последнего Бакунин оказал очень сильное влияние, и тот в своих сочинениях того времени сам открыто об'являл себя сторонником анархии. В Фрейберге, где Бакунин в последний раз предложил план, впрочем неосуществимый, вторжения в Богемию, добровольческие отряды были распущены, и Гейбнер, Бакунин и некоторые другие уехали в Хемниц, где их встретили как будто бы дружески, но в ту же ночь, с 9-го на 10-ое мая, когда они спали, на них напали саксонские мещане, арестовали и выдали прусским солдатам, в Альтенбурге. Солдаты повезли их далеким кружным путем через Лейпциг в Дрезден, где они были посажены в тюрьму. Тут начинаются тюремные годы Бакунина.

В ночь с 24-го на 25-ое мая Бакунин, Гейбнер и Рекель были переведены в Нейштадт, в кавалерийскую казарму, где они просидели до 29 августа, когда их перевели в крепость Кенигштейн. О тогдашнем настроении Бакунина дают представление его письма из крепости к своему другу Рейхелю. На допросе он открыто говорил о своих идеях и действиях, отказавшись сказать что бы то ни было о других соучастниках. 14 января 1850 г. им был вынесен смертный приговор в первой судебной инстанции, 16 апреля приговор был подтвержден во второй инстанции. В начале июня смертный приговор был им заменен пожизненными каторжными работами. Гейбнер отбывал каторгу до 1859 г., а Рекель до 10 января 1862 г. Бакунину пришлось просидеть в заключении меньше, чем им обоим. 13 июня 1850 г. он был выдан Австрии и посажен в монастырь Св. Георгия в Праге; с марта 1851 г. он находился в строжайшем заключении в Ольмюце. Здесь его постоянно допрашивали о пражском майском заговоре, и 15 мая его присудили к смертной казни через повешение, но тут же смертный приговор был заменен пожизненным тяжелым заключением в тюрьме. Немедленно после этого он был выдан России, чему он был рад, так как нигде условия заключения не были так тяжелы для него, как в Австрии.

Его привезли в Петропавловскую крепость, в Алексеевский рavelин. Здесь не было никакого судебного процесса, а от допросов он отделался тем, что составил адресованное Николаю общего характера письмо или записку. В начале Крымской кампании, в 1854 г., он был переведен в Шлиссельбург. Он заболел цынгой, потерял все зубы и впал, после того, как он и после смерти Николая не был освобожден, в такое состояние духа, что несомненно

покончил бы с собою, если бы его семье не удалось в марте 1857 г. добиться ссылки его на поселение в Западную Сибирь.

После того, как он прожил на свободе неделю в Петербурге и один день в Прямухине, Бакунин был отправлен в апреле 1857 г. в Томск. Здесь, а впоследствии в Восточной Сибири, он жил совершенно свободно, если не считать ограничений в местожительстве и полицейского надзора. Вскоре он сумел достичь такого положения и морального влияния, какого никто из ссыльных не достигал, хотя в более тесных кругах они всегда пользовались известным моральным влиянием. Он стал встречаться здесь с декабристами и петрашевцами, с поляками и молодыми сибиряками, которым он старался привить идею Соединенных Штатов Сибири. Впоследствии он сообщал со своим родственником, губернатором Восточной Сибири Муравьевым-Амурским, строил планы, представляющиеся нам почти непонятными, так как мы ничего не знаем о лицах, в расчете на которых эти планы строились. При различных обстоятельствах Бакунин принимал участие в таких предприятиях, от которых, по нашему представлению, ему следовало бы держаться подальше. Но, как мы еще много раз увидим, он следовал в таких случаях побуждениям своей активной натуры, делавшей невозможным для него подобное воздержание.

Старания Муравьева-Амурского добиться полного помилования Бакунина потерпели неудачу, и последний стал добиваться разрешения переехать в Восточную Сибирь. В марте 1859 г. он приехал в Иркутск. Он часто ездил в качестве служащего Забайкальской Амурской Торговой компании. Несколько позже он получил другое место у золотопромышленной компании. Когда Муравьев-Амурский оставил Сибирь, Бакунин осуществил в 1861 г. свой план бегства. Его бегство не было связано ни с какими физическими лишениями, но потребовало с его стороны большой ловкости, так как ему пришлось своим искусным обхождением с ними провести целый ряд лиц для того, чтобы не быть узнанным. Он сумел до последнего момента, до прибытия в Японию, изображать в глазах русских чиновников и судовых капитанов свое бегство в виде легальной деловой и научной поездки. Выехавши из Иркутска 5/17 июня 1861 г., он прибыл по Амуру в Ново-Николаевск 2/15 июля. В Японию, в Хакодате, он прибыл в августе. Оттуда он направился через Иокагаму в Сан-Франциско, куда прибыл 15 октября; 21 октября он приехал в Панаму и 15 ноября в Нью-Йорк; 14 декабря он был в Ливерпуле и 27 декабря приехал в Лондон, где он направился прямо к Герцену и Огареву, в семейный круг которых он попал вечером совершенно неожиданно. Здесь он встретил братский прием и сразу стал тем-же прежним Бакуниным. Уже в Японии он встретился с одним из участников дрезденской майской революции, В. Гейне, с которым он вместе поехал в Сан-Франциско (имя В. Гейне значится в судовом списке). В Сан-Франциско и в особенности в Нью-Йорке он встретил старых знакомых, так что бегство его удалось как нельзя лучше. Жена его, Антония, дочь поляка, на которой он женился в Томске в 1858 г., смогла с ним встретиться только весной 1863 г. в Стокгольме.

Теперь Бакунин взялся с новой колоссальной энергией за работу, стараясь возместить потерянные годы и своими призывами привлечь к делу революции элементы, отошедшие от нее с 1849 г., или вновь народившиеся. Поход Гарибальди на Сицилию и Неаполь, предстоявшее польское восстание, развитие революционной пропаганды в России, все это и

многое другое предсказывало наступление нового движения. 60-ые годы действительно стали новым революционным периодом, продолжавшимся вплоть до войны 1870–71 гг., когда благодаря войне реакция окрепла на продолжительный срок. Усилия Михаила Бакунина оставались часто безуспешными. Между людьми 48-го года он чуть ли не единственный остался молодым, и прошли годы, пока он не привлек окончательно на свою сторону целый ряд людей, большей частью из среды молодежи, и пока, наконец, ему не представилась настоящая возможность развить пропагандистскую и агитационную деятельность в среде революционно-настроенных рабочих и студенческой молодежи Интернационала, от которого берет начало большинство современных революционных течений.

Вначале он остался жить в Лондоне, где его возвращение приветствовала группа английских рабочих. Здесь он познакомился с Мадзини, Саффи, Луи Бланом, Таландье, Линтоном, Голиоком, Гарридо и многими другими. Но здесь же опять воскресла старая клевета, выдвинутая группой Уркарта, к которой стоял близко Маркс. Клевета эта, впрочем, повторялась и в 50-ые годы, когда Бакунин сидел в тюрьме. Действительная совместная работа с Герценом и Огаревым, издателями «Колокола», была невозможна, и его русские издания излагают личные его воззрения, его старую программу. Таково прежде всего его воззвание «К русским, польским и всем славянским друзьям» (15 февраля 1862 г.) Брошюра же «Народное дело, Романов, Пугачев или Пестель?», написанная в июле того же года, соответствовала, как ему казалось, практической потребности современной ситуации (см. письмо Бакунина к Герцену от 19 июня 1866 г.).

Он искал связей на всех границах для ввоза печатных произведений в Россию, знакомился со всевозможными славянами, армянами и др. и немного мешал своими слишком откровенными разговорами Герцену в его дипломатическом стремлении привлечь на свою сторону русских сектантов, желавших только быть суеверными на свой собственный лад и т. д. В общем это была несколько черезчур стремительная деятельность, не дававшая пока никаких результатов, а тем временем приближение польского восстания поглотило на целый год энергию Бакунина.

Только лишь польский вопрос привел к внешнему политическому объединению Герцена и Огарева с Бакуниным, причем перо Герцена и его «Колокол» в соединении с личностью Бакунина представили собой такую силу, что польские комитеты выразили готовность вести с ними переговоры как с равной силою. Эти лондонские эмигранты рассматривались как представители тайной русской организации «Земля и Воля» – впоследствии оказавшейся совершенно мифической – и офицерского комитета русской армии, стоявшей в Польше, душою которого был Андрей Потеня, единственный, кто сумел умереть за свое дело. Из многих предпринятых в связи с этими обстоятельствами шагов я перечислю только следующие: поездку Бакунина в Париж (август – сентябрь 1862 г.), благодаря которой между прочим, должно было быть достигнуто соглашение с Мирославским, закончившееся однако обоюдной ожесточенной полемикой; поездку в Лондон делегатов варшавского Центрального Комитета, Подлевского, Гиллера и Миловича (в конце сентября) давших свое согласие на выставленное русскими представителями требование об отказе от исторической Польши, и на автономию Литвы, Украины и Белоруссии; это был высший момент дружественных отношений; и, наконец, поездку Потеня в Лондон, о которых

рассказал в 1870 г. Бакунин в своей брошюре, написанной для русских офицеров.

Отношения вскоре охладели, так как в польской организации одержало верх аристократическое течение, и слышать не хотевшее об отказе от исторической Польши и о возвращении земли крестьянам и возлагавшее надежды на французское вмешательство. Офицерская организация Потевни не находила более никакой действительной поддержки, также как и план Бакунина о создании русского легиона, который он, напр., настоятельно отстаивал в одном своем письме от 3 февраля 1863 г. Наконец польский комитет передал ему свою просьбу отложить его поездку в Польшу и свою деятельность в ней (см. письмо Бакунина от 9 июля 1863 г.). Таким образом русские эмигранты могли содействовать польскому восстанию только посредством создания диверсии в России. Много говорилось тогда о казацких и сектантских восстаниях, о великой организации «Земля и Воля», о Кавказе и Финляндии, но если для этих разговоров и были кой-какие основания – революционные элементы России не проявили тогда никакой инициативы.

Благодаря всем этим обстоятельствам Бакунину пришлось остаться в Швеции, где он нашел сравнительно удобные условия для продолжения своей деятельности. 21 февраля он выехал из Лондона через Гамбург и Киль в Копенгаген, готовясь в случае соглашения с поляками отправиться в российскую Польшу вместе с ними, но, прождав напрасно, он приехал пока в Стокгольм. Оттуда он, будучи вызван на английское судно «Ward Jackson», от'езжавшее из Саутэнда 22 марта с польской экспедицией Лапинского, выехал в Гельсингфорс, куда приехал 26 марта. С подготовкой этого неудавшегося предприятия он не имел ничего общего. На этом судне он отправился в Копенгаген и Мальмэ, откуда возвратился 31 марта в Стокгольм. Действовать в таком направлении оказалось совершенно невозможным, но Бакунин, сделавший все, что он мог, для преодоления встретившихся затруднений, никоим образом не мог быть ответственным за неудачу. Его деятельность в Швеции состояла в том, что он старался повлиять на общественное мнение посредством статей (в «Aftonbladet») и речей (наиболее значительная речь была произнесена им 28 мая). Кроме того он путем личного знакомства старался оказать влияние на самые решительные и прогрессивные элементы шведского общества. Целью его пропаганды было об'явление Швецией войны России, причем он наряду с Польшей упоминал постоянно и о Финляндии. Частным образом он приобрел много новых связей, между прочим и с Финляндией, и постоянно, хотя и безрезультатно, стремился к тому, чтобы наконец непосредственно познакомиться с организацией, якобы существовавшей в России. Несмотря на энтузиазм и оптимизм, который он высказывал в своих открытых выступлениях, он в действительности был сильно разочарован неудачей польского восстания и крахом связанных с ним надежд, возможностей. В своем письме от 29 августа 1863 г. он вынужден был сказать, «...даже самый лучший поляк враждебно относится к нам как к русским». Уже тогда он решил провести зиму в Италии, и в октябре того же года он выехал сначала в Лондон и вскоре затем в Италию. Тут заканчивается период его славянской деятельности (1862–63 г. г.). Он убедился очевидно, что национальные стремления непригодны даже как средство, и с этого времени начинается подготовительный период его интернациональной социально-революционной деятельности (1863–1867 г. г.), за которым последовала его открытая деятельность в этом направлении.

В конце января 1864 г. он поехал во Флоренцию, через Брюссель, Женеву, Турин, Геную, Капреру (где он посетил Гарибальди), и Ливорно, отыскивая всюду старых знакомых и новых людей, примкнувших к движению. Несмотря на неудачу польского восстания он чувствовал, что на западе реакция подходит к концу – и начинается опять революционная пора (письмо от 24 апреля 1864 г.). Он жил во Флоренции, где встречался с итальянцами (Дольфи, Маццони, Берти, Калура и др.), русскими (Лев Мечников и др.), поляками, венграми и т. д. Он занимался еще иногда некоторыми польскими делами (отправка Мечникова к Гарибальди и т. д.) и впервые сделал попытку основания тайной организации (об этом ниже).

Летом он жил в курорте Антиньяно под Ливорно и позже, в августе, поехал, неизвестно с какой целью, в Швецию, где на этот раз пребывание его привлекло мало внимания. В октябре он поехал обратно во Флоренцию и по дороге остановился в Лондоне (где Маркс посетил его и уверял, что он никогда на него не клеветал), в Брюсселе и Париже (где он последний раз виделся с Прудоном). Во Флоренции он оставался до лета 1865 г. Это лето он провел в Сорренто, а в начале октября приехал в Неаполь, где остался, вместо предполагавшихся нескольких месяцев, почти на два года (до сентября 1867 г.), причем в летние месяца он жил в Ишли (1866–67 гг.).

В Сорренто и Неаполе Бакунин познакомился с целым рядом молодых людей, принимавших уже участие в итальянском движении, как Фанелли, Гамбуцци, Фрисчия, Тучи, или с еще более молодыми, как А. Драмис, де Люка, Милети, а впоследствии Кармело, Палладино и др. Тут же он встречался с поляками Валерьяном Мрочковским, русской княгиней З. О. Оболенской, которая оказывала наиболее существенную материальную поддержку и с др. Для итальянского революционного движения он старался завоевать наиболее способные элементы из среды мадзинистов и гарибальдийцев, причем он мадзиниевскому религиозному патриотизму на буржуазной подкладке противопоставлял атеистический интернационализм на социально революционном базисе. Его первые итальянские статьи, в «Popolo d'Italia» (1865 г.) и в «Liberta e Giustizia» (1867 г.) и первый номер летучего листка «La Situazione», мне неизвестны. Но по программе итальянской тайной организации (1866 г.) мы можем себе составить определенное представление о том направлении деятельности Бакунина в итальянском движении этого времени, которое я охарактеризовал выше. Те же взгляды Бакунин развивает в своем письме к Герцену от 19 июля 1866 г. и, наконец, в более старых документах, напр., в масонских рукописях и в революционном катехизисе (1866 г.). Для того, чтобы избежать всяческих затруднений в своей работе, он старался действовать возможно более конспиративно, так как благодаря наущениям русских властей на него постоянно возводились разного рода нелепые обвинения – в поджогах в России, в выделке фальшивой монеты в Италии и т. п. Об этом он, между прочим, писал 29 мая 1867 г. в своем письме к Фанелли. По этой причине в течение этого времени в «Колоколе» появились за его подписью все лишь два заявления, и он был совершенно забыт, что вполне соответствовало его желанию.

В течение этих лет русское движение далеко перешагнуло через Герцена. Молодежь, приносившая всю свою жизнь в жертву движению, сначала относилась критически, а вскоре враждебно к странной позиции Герцена, который, с одной стороны, стал относиться критически к революционерам, а, с другой стороны, становился все доверчивее к самым ничтожным либеральным мероприятиям русского правительства. Кроме того Герцен не

верил уже более в под'ем западноевропейского революционного движения и оставался одиноким в своем безнадежном разочаровании. Бакунин продолжал верить в молодежь и в пролетариат и возлагал большие надежды на будущее. Их частая взаимная критика в переписке, в которой до сих пор иногда оказывался правым Герцен, заканчивается в пользу Бакунина его блестящим письмом от 19 июля 1866 г. В этом письме он – как и позже, 22 июня 1867 г., приводил всевозможные доводы, чтобы заставить Герцена отказаться от своих предрассудков по отношению к молодому поколению, но ему так и не удалось переубедить Герцена.

В Италии Бакунин только случайно встречался с отдельными русскими; и только в 1868 г. в Вевей и Кларане представилась ему возможность организованной пропаганды. Здесь он нашел безусловных последователей в лице Николая Жуковского и его жены, а в лице Николая Утина и его кружка сначала сомнительных друзей, а потом явных врагов. Предполагалось основать типографию в Берне. Появился номер «Народного Дела» (1 сентября 1868 г.), целиком написанный Бакуниным и Жуковским. Разрыв с Утиным и другие обстоятельства, вызвавшие переезд Бакунина в Женеву, положили конец его участию в этом издании. Подготавливавшаяся им брошюра на французском языке «Революционный вопрос в России и Польше» (1868 г.), в которой он также собирался выяснить свои недоразумения с поляками по поводу последнего восстания, не была закончена и осталась ненапечатанной.

Однако свою главную задачу Бакунин видел в следующего рода деятельности: привлечь к своей более тесной программе, которая была безусловно атеистическо-анархистско-социалистической, наиболее интеллигентных, честных и энергичных людей, выступавших в освободительных движениях разных стран; организовать тайное совместное действие этих людей, посредством которого начинающимся народным движениям было бы придано революционное, прежде всего разрушающее государство направление; движения эти должны были бы быть поддержаны одновременными движениями в других странах, и таким образом, как он часто высказывал, должна была быть создана невидимая, безличная (и поэтому не дающая места тщеславию) революционная диктатура, которая воспрепятствовала бы распылению революционных сил и их отклонению от прямой цели. В этом состоит основная мысль всей его неустанной деятельности с 1864 г. до 1874 г. Все это однако основывалось на личных, частных отношениях целого ряда революционеров между собою. Что же касается сложных статуты и программ, появившихся при этом, то они имеют второстепенное значение, и появление их должно быть приписано слабости быть может Бакунина, а быть может тех, для кого они были предназначены. Не следует однако по ним судить о ценности основной мысли, которая гораздо яснее проявляется в действительной истории распространения левого крыла Интернационала в Италии и Испании, южной Франции и романской Швейцарии.

Из всей истории деятельности Бакунина в течение этого периода, которую, по весьма понятным причинам, можно передать только в отрывочной форме, я выдвигаю следующие моменты: Его попытки привлечь франко-масонов (Флоренция, 1864 г.), о чем свидетельствуют также и отрывки из рукописей, показывающие, что он выработал свое мировоззрение к тому времени в совершенно ясной форме, в какой он высказал его позже в своей книге «Бог и государство». Попытки эти остались безуспешными, и он сам от них

отказался. Его поездка в 1864 г. была им использована для привлечения членов в свою организацию. Лучшую почву нашли старания его в этом направлении в Неаполе, и в июле 1866 г. Бакунин писал Герцену о товарищах, завербованных им в Швеции, Норвегии, Дании, Англии, Бельгии, Франции, Испании и Италии, о поляках и нескольких русских. В этом письме упоминается также и о поездке с этой целью Мрочковского. Из рукописей мы имеем перед глазами: невероятно подробный устав «Организация» и длинное изложение основных идей общества («Революционный катехизис») – обе эти рукописи (французские) относятся к 1866 г.; печатные итальянские программы и статуты; более краткий и очевидно более старый рукописный отрывок: «Программа Общества Интернациональной Революции» (по-французски). – Организация именуется просто «интернациональное революционное общество», а члены «интернациональными братьями», так что обычным названием общества стало «Интернациональное братство».

Едва ли необходимо упоминать, что все это происходило раньше, чем Бакунин вступил в какую бы то ни было связь с Интернационалом. В то годы это общество жило едва заметной жизнью. Главные лидеры французской ветви – Толен, Фрибург и др. – находились под подозрением в бонапартизме, Маркс и его немецкие сторонники являлись представителями старого авторитарного коммунизма, и кое-где (Швейцария) процветал буржуазный социализм в духе Кульери. Только в Бельгии движение шло по пути свободного социализма.

Вследствие этого Интернационал до 1867 г. мог иметь для Бакунина лишь очень слабую притягательную силу, тем более, что он знал, что главным вождем этой организации был его старый враг – Маркс. И таким образом он работал со своими друзьями отдельно. Когда в 1867 г. был созван в Женеве всеобщий мирный конгресс, который должен был объединить республиканские и радикальные элементы Западной Европы, Бакунин увидел в этом съезде благоприятный случай впервые выступить публично со своей настоящей программой, а также завязать в интересах своего тайного общества много новых связей. С этой целью он и некоторые из его товарищей отправились в сентябре 1867 г. в Женеву.

В женевском мирном конгрессе (9–12 сентября 1867 г.) принимали участие не только известнейшие французские и немецкие деятели 48-го года, новое республиканское поколение Франции (за исключением бланкистов), остаток немецкой демократии, Гарибальди и многие демократы других национальностей, но также 26 из 64 делегатов лозаннского конгресса Интернационала, французские, бельгийские, швейцарские секции, члены Генерального Совета и т. д.; из принципиальных соображений держали себя в отдалении Мадзини, Герцен и часть поляков. Бакунин приготовил рукописный текст подробной речи; но в действительности он произнес 10 сентября речь, не справляясь с рукописью, и небрежно отредактированное изложение этой речи имеется в «Анналах» конгресса. Свои принципы он резюмировал в тосте, произнесенном на прощальном банкете, в следующих словах: федерализм, социализм, антитеологизм. Это были предтечи более ясных слов: анархия, коллективизм, атеизм, легших в основу программы свободнического течения Интернационала. Он стал членом постоянного Центрального Комитета ново-основанной Лиги Мира и Свободы, который должен был заседать в Берне. Он и его более интимные друзья, Жуковский, Мрочковский, Наке и др., прилагали все усилия к тому, чтобы упомянутые основные положения, представленные ими Комитету в детально обработанном виде, были им приняты; но это было безнадежным предприятием. Все это

привело лишь к тому, что началось печатание этого сочинения, под заглавием «Революционный вопрос, Федерализм, Социализм и Антитеологизм», но печатание было приостановлено после выпуска нескольких листов. (Сочинение это было издано лишь в 1895 г. в Париже).

В 1867–68 гг. Интернационал переживал период сильного под'ема, Лига же влачила жалкое существование. Буржуазные члены Лиги удовлетворялись вполне спокойствием мирной жизни и разговорами, обычными на конгрессах всех подобных мирных организаций. Бакунин же стремился об'единить серьезные элементы демократического движения с Интернационалом и действительно добился того, что принятая 1 июня 1868 г. центральным комитетом программа членов Бернского конгресса включала его идеи, хотя и в весьма ослабленном виде. Кроме того комитет в секретном циркуляре вполне признал значение рабочего движения и высказывал пожелание, чтобы Лига «стала политическим выразителем великих экономических и социальных интересов и принципов, столь победоносно развиваемых и распространяемых теперь великой международной ассоциацией рабочих Европы и Америки». Интернационал, как чисто экономическая организация, базирующаяся на солидарности всех рабочих и естественно не имеющая никакой более узкой сектантской программы, и рядом с ним эта Лига (как впоследствии Альянс, в качестве боевой и пропагандистской организации с революционной программой Бакунина – это была по всей вероятности тогдашняя цель его, которая и была впоследствии осуществлена в другой форме. Очевидно, однако, что деятельность Бакунина в Комитете, до бернского конгресса Лиги (сентябрь 1868 г.) имела известный успех, так как его тактика была предложена Лиге конгрессом.

Но брюссельский конгресс Интернационала вотировал резкую резолюцию, которая отрицала за Лигой право на отдельное существование и приглашала ее вступить в Интернационал. Бакунин, сразу узнавший в этой резолюции руку Маркса, в письме к президенту комитета Лиги подчеркнул необходимость для Лиги стать немедленно на чисто социалистическую точку зрения и не дать себя застращать этим нетерпимым к ней отношением. С этой целью он потребовал от бернского конгресса Лиги признания социального вопроса главным вопросом, признания экономического, а не только политического равенства (23 сентября). Но его предложение было отклонено, и это привело к выходу Бакунина и его товарищей (18 членов конгресса) из Лиги после прочтения написанного Бакуниным протеста (25 сентября), подписанного между прочими Элизе Реклю, Жуковским, Мрочковским, Аристидом Рей, В. Жакляром, Альбером Ришаром, Фанелли и др. Выступившие образовали «Интернациональный альянс социалистической демократии».

Бакунин провел этот год в трех местах под Вевей и Клараном и много раз ездил в Берн. Весной 1868 г. он дал в письме, помещенном в парижской «Democratie» наиболее полное к тому времени изложение своих идей (если не считать его итальянских сочинений. Речи, произнесенные им на Бернском конгрессе, в особенности его речи против религии (24 сентября), свидетельствуют о том, что его мировоззрение достигло высшей точки своего развития. В Берне он также говорил о национальном вопросе и о России (25 сентября).

«Братство» усилилось в 1867 г. в Женеве, главным образом благодаря вступлению в его ряды членов французов и Николая Жуковского. Последний стал в течение этого года как бы

секретарем Бакунина и работал очень энергично, поддерживая своего учителя в его решении рассчитывать только на рабочих (а также и на молодежь).

После выхода из Лиги Бакунин предложил собравшимся на совещание в Берне членам Братства вступить по одиночке в Интернационал, сохраняя втайне связь между собою. Но перевес взяло мнение французов и итальянцев, указывавших, что помимо тайной связи должна существовать соответствующая открытая организация, и таким образом был основан «Интернациональный Альянс социалистической демократии», который должен был в качестве отдельного целого вступить в Международную Ассоциацию рабочих, но притом наряду с программой Интернационала иметь свою собственную атеистическую анархистско-революционную программу и собственную интернациональную организацию (центральное бюро в Женеве).

Бакунин вместе с некоторыми из своих друзей уехал в Гассе Дюпра (под Клараном), откуда Фанелли, Элизе Реклю и Рей отправились в поездку по Испании. Остальные вместе с Бакуниным поехали в Женеву, где они вступили в центральную секцию Интернационала и устроили ряд совещаний о своей тайной организации. Вскоре, 28 октября 1868 г., образовалась женевская секция открытого Альянса в составе 85 человек, из которых многие впрочем вышли из этой организации.

Представляется невозможным без длинных разъяснений даже отчасти резюмировать имеющийся обширный материал обо всем происходившем в интимном кругу, в Братстве, и изложить его в кратких чертах, так, чтобы не породить новых недоразумений. Благодаря личным раздорам возникшая против воли Бакунина, как он это сам констатировал в 1873 г., задача – установить соответствие между деятельностью Интернационала и братства, открытого и тайного Альянса – была осложнена и практически оказалась совершенно невыполнимой. Только весной 1859 г. дело окончилось тем, что Братство было распущено, а также был распущен и непризнанный Генеральным Советом открытый Альянс. Тогда близкие друзья Бакунина стали членами Интернационала и вместе с тем сохранили частую связь между собою, как между союзниками; так что получилось то положение вещей, к которому Бакунин стремился в Берне. Все остальное было лишь проектом и осталось исключительно на бумаге.

Одно во всяком случае можно установить с точностью: то, что Маркс выдает в своей брошюре об Альянсе (1873 г.) за статуты, хронологически неотделимо от определенных рукописей, самим Бакуниным названных проектами, – а эти проекты написаны были до известных совещаний в Женеве и Шапонеуре, состоявшихся в январе 1869 г. и приведших к уходу некоторых от Бакунина, который, впрочем и сам их ценил невысоко. Таким образом Маркс выдал эти, неизвестно путем какого вероломства попавшие к нему, проекты за статуты, поступок настолько же некритический, предательский и смехотворный, как если бы кто-либо вытащил из корзины для старой бумаги какого нибудь конгресса никогда не принятые или даже не обсуждавшиеся всякого рода предложения и выдал их за резолюции конгресса только потому, что они начинаются с фразы: «Конгресс решает...»!!!

То, что Бакунин думал о столь многократно извращавшихся взаимоотношениях между Интернационалом и Альянсом (тайным), он самым детальным образом изложил в целом ряде

писем, отправленных им по всем направлениям, напр., в письме к Альберу Ришару от 7 февраля 1870 г. («Revue de Paris», 1 сентября 1896 г., стр. 126–7), в письмах, приводимых в Биографии, в письмах в Испанию (к Пауло, от 21 мая 1872 г.; к братьям del'A. 1872 г.) и др.

Международная Ассоциация Рабочих должна была, по его мнению, стать выражением экономической солидарности всех рабочих и захватить в свои ряды миллионы пролетариев. Если бы эта организация выставила официальную, политическую и социалистическую программу, то она сразу опустилась бы до положения секты, из нескольких тысяч человек. Этого никогда не должно случиться. Но для того, чтобы привить этим массам революционное направление, внутри Интернационала должна образоваться организация, сознательно революционная по своей программе и тактике, существование которой, должно оставаться в тайне. Это и есть Альянс. Только таким путем можно добиться того, чтобы несознательные массы, лишь благодаря Интернационалу познающие солидарность своих интересов, могли действовать в качестве революционной силы. Вместе с тем тайный характер организации дает возможность противодействовать тщеславию, авторитарности и стремлениям к диктатуре.

С октября 1868 г. Бакунин жил в Женеве и в промежутке времени до базельского конгресса (сентябрь 1869 г.) вел пропаганду в пользу Интернационала в романской Швейцарии. Из написанного им в течение этого периода упоминаю: составленное им женевское обращение к испанским рабочим (21 октября 1868 г.); его речь на народном собрании от 23 ноября 1868 г.; отрецензированный им и в главной части принятый проект статута конституированной 3 января 1869 г. в Женеве романской федерации Интернационала; главным образом им отрецензированное до осени 1869 г. периодическое издание «Egalité», в которой им помещены кроме небольших статей и заметок несколько серий статей: «Les Endormeurs», «L'Instruction intégrale», «La Montagne», «Le jugement de M. Coullery», «Politique de l'Internationale», «De la Coopération», в которых он выяснял сущность псевдосоциалистических направлений; подготовку докладов базельскому конгрессу (его доклад о наследственном праве) и т. д.

Помимо этого он постоянно присутствовал на собраниях и комитетских заседаниях женевской секции Альянса, и сохранившиеся, частью цитированные в Биографии, протоколы заседаний дают нам возможность наблюдать детально за всей его пропагандистской и организаторской мелкой работой; он также составил проект статута секции. И, наконец, он открыл широкое поле для своей агитации благодаря нескольким своим поездкам в Юру, где он нашел наиболее убежденных и постоянных последователей. В феврале, а затем опять в конце мая 1869 г. он ездил в Юру и написал тогда ряд статей в «Progrès», выходившем в Локле, которые должны были, очевидно, дать изложение всей его системы, но были прерваны посредине.

Базельский конгресс является высшим пунктом развития Интернационала, как общей организации. Свободнические течения, руководимые в Швейцарии и Южной Европе Бакуниным, во Франции Варленом и его товарищами, в Бельгии де Папом и др. взяли перевес на этом конгрессе и оттеснили на задний план авторитарные идеи Маркса. В сознании успешного развития левого крыла сторонники Бакунина легкомысленно

предоставили Генеральному Совету более широкие полномочия, причем Бакунин выступил в защиту этого предложения. Это было грубой ошибкой, что и выяснилось вскоре, так как Маркс использовал столь печальным образом предоставленную ему власть. В дискуссиях о наследственном праве и земельной собственности Бакунин принимал деятельное участие.

Вскоре, после этого, приблизительно 30 октября 1869 г., он оставил Женеву и уехал через Лугано в Локарно, (2 ноября), произведший на него сразу самое приятное впечатление. Письмо его к Огареву от 23 ноября дает представление о размерах его переписки в то время: он переписывался с 44 лицами, причем к 19-ти из них он писал, по крайней мере, раз, а иногда два-три раза в неделю, и не менее двух раз в месяц, к остальным не менее одного раза в два месяца. Тогда же он начал с большой неохотой для заработка, переводить на русский язык «Капитал» Маркса, который он называл «экономической метафизикой». В первой половине 1870 г. он ездил неоднократно в Женеву, специально по поводу русских дел. В период от 12 марта до 11 апреля он пробыл в Женеве и воспользовался этим, для того, чтобы повлиять на тактику юрцев, принятую ими после конгресса в Шо-де-Фоне. Он вообще старался использовать эти свои поездки, чтобы устраивать собеседования со своими друзьями, преимущественно в Невшателе. Во второй половине апреля он ездил в Милан, в мае, а также и в конце июня опять в Женеву. Но положение в Женеве было столь напряженным, и русские дела настолько захватывали, что он не принимал участия в открытой пропаганде, посещая только заседания секции Альянса.

Наряду с этой агитационной деятельностью в Женеве и на Юре, он развивал деятельность также и в некоторых других направлениях. Из этой его деятельности я могу только вскользь указать на его связи с Лионом (Альбер Ришар) и Марселем (Андре Бастелина), а также и с Парижем, не столько с Малоном, на которого он не слишком полагался, как с Варленом, Полем Робэном, Элизо Реклю и др. Письмо его к лионскому собранию от 13 марта 1870 г. резюмирует его идеи о тактике революции во Франции. Следует сказать, что бельгийцы никогда не были его сторонниками в полном смысле этого слова, несмотря на дружественные отношения существовавшие между ним и бельгийскими членами Интернационала, и на то обстоятельство, что бельгийцы в то время все без исключения принадлежали к свободническому течению. В тактике Бакунина, им не нравилась подготовка революционного движения посредством тайной организации. В Италии с начала 1869 г. вел агитационную деятельность неапольский бакунинский кружок, но к концу 1871 г. эта агитация не дала особенно заметных результатов. Но зато в Испании процветал Интернационал, вызванный к жизни поездкой Фанелли, а вместе с тем быстро возник и испанский Альянс, сначала в Барселоне и Мадриде, а затем, в июне 1870 г., конституировавшийся в испанскую федерацию.

Я опускаю более мелкие эпизоды, вроде поездки болгарских революционеров к Бакунину в Женеву (1869 г.) и их совещания с ним. В кратких словах невозможно изложить его отношения к Нечаеву (1869–70 г. г.). Прежде всего следует забыть все написанное об этом на основании сведений, полученных из вторых рук или посредством злонамеренного использования источников (как, напр., марксовская брошюра об Альянсе). В действительности дело сводилось к следующему. В начале 1869 г. в России существовало студенческое движение с агитационным комитетом во главе, к которому Нечаев стоял очень близко. Несомненно, что Нечаев дал Бакунину преувеличенные сведения об этом комитете

и, заметивши сильное впечатление, произведенное его личностью и столь долгожданными известиями о существовании действительной организации в России на охваченного энтузиазмом Бакунина, он впоследствии постепенно стал мистификатором, искренно стремясь при этом действовать на пользу революции и вместе с тем оставаясь по существу бланкистом-террористом, чуждым более благородных свободных воззрений. Нечаев в течение долгого времени оказывал влияние на Бакунина и слабого Огарева и таким образом очень сильно их компрометировал и эксплуатировал, пока, наконец, долготерпение Бакунина не лопнуло, и он не понял, что Нечаев видел в нем не товарища, а лишь орудие для осуществления своих планов.

В течение этого агитационного периода Бакунин написал: «Несколько слов молодым братьям в России» (1869 г.); «Наука и современное революционное дело», (брошюра, 1869 г.) «К офицерам русской армии» (январь 1870 г.); «Русский отдел интернационального Альянса социальной демократии - к русской молодежи», (февраль 1870 г.) Первые три сочинения подписаны именем Бакунина, последнее не подписано но несомненно принадлежит ему. Наоборот, тщательное изучение оригинальных текстов всех других русских изданий, на которое ссылается брошюра Маркса об Альянсе, заставляет меня считать их произведениями Нечаева, который в лучшем случае мог вставить в них некоторые идеи Бакунина, как, напр., несколько соответствующих идеям Бакунина мест о разбойнических движениях в России. На первый же взгляд видно, что большинство этих прокламаций и других изданий не могут принадлежать перу Бакунина, и прежде всего прокламация о русском дворянстве, которую Маркс так злобно использовал в брошюре об Альянсе.

В течение этого времени Бакунин написал также несколько вещей на французском языке о русских делах: о смерти Герцена (в «Marseillaise»), «Письма о революционном движении в России», адресованные Либкнехту в «Volkstaat», апрель 1870 г.); «La Police suisse» (о преследовании Нечаева, в «Progrès», Локль, 19 февраля 1870 г.); легко и популярно написанная брошюра о ценности права убежища в Швейцарии: «les Ours de Berne et l'Ours de St. — Pétersbourg» (Невшатель, 1870 г.) и т. д. Бакунин задался планом об издании в Женеве большого русского журнала, программу которого он развивает в письме к Лаврову от 15 июля 1870 г. Это происходило по всей вероятности после разрыва с Нечаевым, и во всяком случае в то время, когда продолжение сношений с ним стало уже невозможным. Поэтому Бакунин хотел вместе с Огаревым продолжать русскую пропаганду без Нечаева, чему больше всего воспрепятствовало событие, направившее все его планы в другую сторону - немецко-французская война. С этого момента Бакунин поставил своей задачей уже больше не пропаганду и не полемику, а действие.

В течение периода 1868-70 г., когда Бакунин занимался пропагандистской деятельностью, старые и новые клеветники и враги его продолжали ставить ему препятствия на каждом шагу. Марксовская интрига росла и разбухала и нашла себе усердных помощников в женевских политиках, в грязных карьеристах а la Утин в гиенах журнализма вроде Боркгейма и т. д. Можно заметить некоторое различие между официальной кампанией авторитетных крючкотворов Генерального Совета и женевских организаций и официозной кампанией которую вели посредством лжи и клеветы марксовские лейб-журналисты.

Генеральный Совет отказался 22 декабря 1868г. принять интернациональный Альянс в состав Международного Общества Рабочих, что было правильно с формальной точки зрения. Тогда Альянс распустил себя, его секции также себя распустили или вступили в Интернационал в качестве его секции; так поступила женевская секция Альянса, принятая Генеральным Советом, в качестве секции. (Письмо Эккариуса от 28 июля 1869г.). Женевский центральный комитет отказался, однако, принять женевскую секцию Альянса (август), и то же самое решение по этому поводу, вынес и Романский Федеральный Комитет (сентябрь). Когда же большинство романского конгресса, состоявшегося в Шо-де-Фоне в апреле 1870г., приняло секцию Альянса, то женевское меньшинство оставило конгресс. С тех пор начался раскол между свободной Романской Федерацией, которая стала с ноября 1871 г., называться Юрской Федерацией, наиболее выдающейся по своей революционности из всех швейцарских организаций, с одной стороны и Романской Федерацией женевских политиканов, с другой. Последние отомстили тем, что исключили 13 августа 1870 г. Бакунина, Жуковского и Перрона из женевской центральной секции, не смотря на требование Бакунина о представлении сформулированного обвинения и о суде чести. «Egalité» также была в январе 1870 г. посредством интриги вырвана из рук ее тогдашней редакции и передана пресловутому Н. Утину, сделавшему ее орудием в руках женевских политиканов.

Генеральный Совет вел борьбу против Бакунина за его спиною. Он выпустил против Бакунина циркуляр 16-го января 1870 г. и так называемое «конфиденциальное сообщение» (25 марта 1870 г.). В то же время Утин собирал для Маркса материал об Альянсе. Каким образом собирался этот материал осталось неизвестным; ценность же этого материала мы показали выше.

Сверх всего этого Бакунин был оклеветан в позорных статьях, написанных Боркгеймом и появившихся в берлинской «Zukunft» и в либкнехтовском «Demokratisches Wochenblatt» (1869 г.). Бакунину было также известно, что А. Бебель в своем письме к И. Ф. Беккеру писал про него, что он по всей вероятности русский агент и сотрудник «пруссского агента» фон Швейцера. (Письмо Бакунина к Беккеру от 4 августа 1869 г.). Суд чести Базельского конгресса признал, что Либкнехт, напечатавши эту ложь, действовал с предосудительным легкомыслием. Этот урок возымел свое действие ровно на 6 месяцев, в течение которых «Volksstaat» напечатал даже воззвание Бакунина к русской молодежи. С 16 марта 1870 г. Боркгейму опять была предоставлена полная свобода, и он начал в целом ряде заметок клеветать самым отвратительным образом на Бакунина, Герцена, Нечаева и т. д. Другую массу лжи напечатал Мориц Гесс в парижском «Réveil» от 2 октября 1869 г. На конгрессе в Шо-де-Фоне (апрель 1870 г.) выступил с целым рядом клеветнических обвинений Утин вместе с некоторыми женевцами. О том, что писали эти люди по данному поводу в своих письмах друг к другу, дают представление выдержки из писем Маркса, его жены и т. д. к криводушному И. Ф. Беккеру, напечатанных когда-то Р. Рюэггом в «Neue Zeit».

Бакунин горел желанием ответить этой милой компании раз навсегда и этим расчистить себе почву для теоретической борьбы с Марксом. Рукопись его письма в «Réveil», переписка с Герценом и другие касающиеся этого места в письмах к разным лицам показывают, как часто он хотел свести публично счеты со своими врагами; всетаки он постоянно сдерживал себя и молчал, так как он некоторым образом стыдился за Маркса, т. е. он настолько высоко

ценил его полезность для движения, что не мог себе разрешить, публично обнаружить его дурной характер и тем, быть может, совершенно устранить его из движения. Таким образом борьба со стороны Маркса велась посредством употребления или злоупотребления предоставленной ему официальной властью и при более чем терпимом его отношении к самым гнусным поступкам своих сторонников и друзей. Он избегал всякой теоретической дискуссии по основным вопросам, как, напр., вопрос о свободе об авторитете, о революции, политике и т. д., и поэтому интернациональные конгрессы, публичность которых ему совершенно не была по вкусу, или совсем не созывались, как это было в 1870 г. и 1871 г., или же превращались, как в 1872 г. в карикатуру конгресса. Так подготавливал Маркс свою формальную победу, в то время, как фактически победило, как мы увидим, левое крыло Интернационала.

Взрыв немецко-французской войны заставил Бакунина приступить к практическому действию. Он предвидел, что за этой войною должен последовать долгий период торжествующего милитаризма, что власть государства возрастет до чудовищных размеров и что таким образом установится та железная неподвижность закоснелой реакции, которую мы до сих пор видим вокруг себя[1]. Всем возможностям, которые носили в себе 60-ые годы, всем надеждам на новый 93-ий или 48-ой год, на этой раз социалистический, который должен был наступить после падения императорского режима во Франции, угрожала верная смерть. Единственно возможным путем спасения Бакунин считал народные восстания, во время войны, имеющие своей целью социализм и разрушение государства. Вместо того, чтобы, подобно руководителям всех рабочих партий, попусту потратить первые решающие недели на провозглашение мирных манифестов, а затем умыть свои руки, Бакунин пытался вызвать движение, по крайней мере, в южной Франции, Италии и Испании. Вначале он был лишен возможности действовать иначе, как посредством всестороннего настойчивого проповедывания этой идеи. Так, он в письме к Огареву от 11 августа сообщает, что за последние три дня он написал 23 длинных письма. В течение следующих недель он мог уже лично встречаться со своими итальянскими друзьями и вместе с тем написал во Францию изложение своих идей о современном положении в ряде писем, из которых часть была немедленно напечатана в сокращенном виде, в форме брошюры, под названием «Lettre à un Français sur la crise actuelle» (сентябрь 1870 г.). Вскоре затем важнейшим пунктом для революционного действия оказался Лион. 4-ое сентября открыло возможность отправиться во Францию и подготовить там же на месте революционное выступление, хотя, конечно, при неблагоприятных обстоятельствах. Бакунин, предварительно поведши между лионцами настойчивую пропаганду необходимости самого быстрого выступления, предоставил затем себя самого в их распоряжение. Предложение это было принято, и во второй трети сентября он выехал из Локарно в Лион через Берн, Невшатель и Женеву. Подготовка продолжалась несколько дней, и все это время он, несмотря на все разочарования, проявлял лихорадочную деятельность возбуждая во всех энергию и об'единяя все имевшиеся на лицо силы. Затем наступило 28-ое сентября, день выступления, когда влияние перешло временно в руки группы Бакунина, но день этот закончился чем то худшим, чем кровавое поражение, а именно – чем то вроде мирного отступления и соглашения, которое означало, конечно, торжество господствующей партии. Тактика последней состояла в том, чтобы в решительный момент как бы исчезнуть с горизонта, и когда революционеры не встретили временно никакого сопротивления, они

потеряли свою энергию и были затем легко застигнуты врасплох. Бакунин сам очутился в опасном положении. В течение нескольких часов он находился в заключении; там его ограбили и вообще обращались с ним грубо, пока его не освободили товарищи. Его выставили в глазах публики козлом отпущения, и ему пришлось скрыться. 29 сентября он оставил Лион и до конца октября он жил нелегально в Марсели, где сочувствовавшие движению партии еще не были разбиты и действительно выступили в ноябре. Оттуда еще он продолжал вести настойчивую пропаганду необходимости дальнейших выступлений в своих письмах в Лион, в которых он писал о своих целях и о требованиях момента, сообщая, между прочим, о своей готовности вернуться туда. На этих же вопросах он останавливается в рукописях (о которых я скажу позже), а также и в наброске одного письма (от 20 октября), относительно которого неизвестно, было ли оно отправлено по адресу. Он уехал из Марселя на отходившем в Геную судне и оттуда возвратился обратно в Локарно, в котором оставался безвыездно до середины марта 1871 года.

Печальный опыт привел Бакунина к глубокому убеждению относительно неспособности и разложения буржуазии, независимо от того, выступает ли она под монархическим, республиканским или псевдо-социалистическим знаменем и укрепил в нем уверенность в необходимости социальной революции. Но вместе с тем он получил впечатления, против которых он боролся и которые в продолжение ряда лет не проявлялись в его действиях и словесных выступлениях: его вера в дремлющие в пролетариате революционные инстинкты и страсти, нуждающиеся для своего пробуждения лишь в примере и инициативе нескольких убежденных революционеров – эта вера впервые была в нем потрясена.

Когда неудача во Франции сделала невозможной для него активную работу а пропагандистской деятельности помешало печальное положение дел в Швейцарии – интриги в Женеве и глубокий кризис, вызванный войной на Юре, – Бакунин бросился на новое поле деятельности; он взялся за теоретическое изложение своих идей, которым он был занят в продолжение целой зимы в Локарно. План этот закончился тем, что вместо теоретического сочинения он стал сначала писать политическую брошюру на современные темы. После изложения положения вещей во Франции и, как раз не беспристрастного обзора развития немцев – эта часть одна только была тогда опубликована под названием «L'Empire knouto-germanique et la Révolution sociale» (май 1871 г.) – он перешел к краткому очерку «Исторические софизмы доктринерской школы немецких коммунистов», за которым последовали блестящие очерки, известные всем под названием «Dieu et l'Etat» (издано в 1882 г.); за ними последовали дальнейшие очерки подобного же рода, важнейшая часть которых впервые была напечатана в 1894 г. и 1895 г. Множество заброшенных рукописей и вариантов показывает, как тщательно Бакунин работал над этим сочинением, которое также, как и его предтеча, Антитеологизм (1867–68 гг.), осталось ненапечатанным. После Коммуны он мог подумать об издании дальнейшей тетради, для которой он написал «введение», в незаконченном виде напечатанное в 1871 г. под названием «La Commune de Paris et la notion de l'Etat» («Парижская коммуна и понятие о государстве»). Но и эта тетрадь не была напечатана. С другой стороны, тщательная обработка своих мыслей о происхождении религии и государства как раз тогда дала ему возможность особенно блестяще подготовиться к выступлению против Мадзини, напавшего на социализм и Парижскую Коммуну (его письмо в брюссельскую «Liberte», август 1871 г., перевод которого на итальянский язык появился в свет в Милане и послужил началом успешной пропаганды в

Италии).

Первое впечатление, произведенное Парижской Коммуной на Бакунина, осталось нам неизвестным. В то время он, быть может, как раз находился на пути во Флоренцию. Во всяком случае и у него был краткий период оптимизма, во время которого он поощрял возникавшие тогда в особенности на Юре планы по оказанию помощи Коммуне. Уже 9 апреля он писал к Огареву: «меня самого била лихорадка, но теперь я остыл. Я слишком ясно вижу, что дело проиграно». Он предвидел расколы внутри Коммуны и безучастное отношение провинции. Он желал хотя бы того, чтобы парижане погибли героически и поставили весь мир перед новым огромным фактом, который пережил бы временную победу милитаризма. И, таким образом, когда он в начале второй половины апреля ездил из Локарно в Сонвилле на Юре и оттуда спустя приблизительно три недели в Локль, где он пробыл около недели, то он имел, между прочим, в виду быть поближе к центру в случае благоприятного поворота событий, но вместе с тем он хотел, как это можно заключить из его письма от 9 апреля, предостеречь от выступлений с недостаточными средствами, которые заранее были осуждены на неудачу.

Он прочел тогда несколько докладов в центральной секции округа Куртелари (май 1871 г.), которые были напечатаны с записи в 1895 г.; они представили собой популярное резюме его идей. В первой половине июля он в печальном настроении вернулся в Локарно, после того, как он и его юрские друзья сделали все, что было в силах, для спасения беглецов Коммуны.

В то время, когда Бакунин вскоре бросился со всей своей энергией в итальянскую пропаганду, столь счастливо начатую полемикой с Мадзини, Маркс был занят подготовкой так называемой Лондонской Конференции (сентябрь 1871 г.), посредством которой он хотел обойти общий конгресс Интернационала, не обещавший ему ничего хорошего.

Согласно известиям, полученным из Лондона, женевские политиканы оспаривали факт принятия секций Альянса в Интернационал, и когда затем из Лондона был затребован по этому вопросу ясный ответ – да или нет, – то Маркс и его агенты затянули дело на целые месяцы. Понадобилась бурная сцена, описанная Полем Робэном, для того, чтобы заставить Маркса сознаться, что правда в этом случае была на стороне Альянса, о чем было заявлено в письме Г. Юнга к секции Альянса от 25 июля 1871 г. После этого эта секция добровольно себя распустила, для того, чтобы, как она заявила, не служить более яблоком раздора. Ближайшей причиной было стремление не втягивать в спор французских эмигрантов, сочувствовавших принципам секции. С Бакуниным при этом не посоветовались; он протестовал против роспуска, который он рассматривал как унижение, и стал побуждать своих товарищей к составлению мемуара, обсуждавшемуся в 1870 г., относительно спорных вопросов в романской Швейцарии, к посылке делегата на Лондонскую конференцию и к передаче всего спора на третейский суд бельгийского федерального совета. Из всего этого ничего не вышло, только идея «Мемуара» не была оставлена. В конце концов она была осуществлена, и весной 1873 г. появился в свет «Мемуар Юрской Федерации».

Недостаток места не позволяет изложить здесь, как развивался Генеральный Совет Интернационала, состоявший с 1864 г. все из тех же самых лиц, пополнявшийся

посредством кооптации и ставший покорным орудием в руках Маркса. Немцы беспрекословно повиновались Марксу, англичане предоставили ему всецело все континентальные социалистические дела, к которым они были совершенно равнодушны, из французов же он, опираясь на такое верное большинство, терпел только тех, кто согласен был действовать вполне по его указке, т. е. людей шестого или седьмого ранга, вроде Серралье или своих родственников (Лонге и Лафарг). После Коммуны появились в Лондоне французские эмигранты, но люди, сочувствовавшие левому крылу, попали в Генеральном Совете в невыносимое положение, а Маркс сблизился, с 1871 г. вплоть до Гаагского конгресса, как раз со старыми врагами Интернационала – бланкистами. Положение стало невыносимым даже для старых друзей Маркса, как, напр., для Германа Юнга, секретаря для Швейцарии, когда за спиной Маркса стал выступать Энгельс, который приехал в Лондон из Манчестера в 1870 г. и действовал в качестве подстрекателя и «натравителя», превзойдя Маркса в злобности и интриганском искусстве.

Генеральный Совет нашел следующее средство для того, чтобы избежать открытой дискуссии. По его решению конгресс 1871 г. не был созван, и вместо него состоялась частная конференция (17–23 сентября 1871 г.) из 23 человек, из которых 14 были члены Генерального Совета. На этой конференции были приняты резолюции по всем спорным вопросам, желательные Генеральному Совету, окончательное редактирование которых он принял на себя; в этих резолюциях сделан был также шаг вперед по пути навязывания Интернационалу «политического действия», т. е. сектантской программы.

Этот скандальный поступок привел, наконец к открытому протесту левого крыла, побуждаемого вновь конституированной в Женеве «Section de propagande et d'action révolutionnaire socialiste», в состав которой входили французские эмигранты, а также прежние члены секции Альянса и между прочими – Жуковский. Жуковский в конце октября ездил в Юру, и после ряда совещаний дело было передано на рассмотрение конгресса Романской федерации, состоявшегося 12 ноября 1871 г. в Сонвилье (Юра). Этот конгресс решил распустить Романскую федерацию и основать Юрскую федерацию, издать предположенный впервые еще в секции Альянса 8 июня 1870 г. Мемуар и разослать циркуляр ко всем федерациям Интернационала, известный и популярный документ, явившийся достойным ответом на произвольные действия Генерального Совета. Он встретил сочувственный прием в французских секциях, в Бельгии, Италии, Испании. Только предложение о немедленном созыве конгресса было заменено постановленной на Рождестве 1871 г. бельгийским Интернационалом выработкой проекта новых статуты для Интернационала.

Бакунин, согласно его собственному заявлению, не имел ни прямого ни косвенного отношения к составлению этого циркуляра. Здесь так же, как и в вопросе о роспуске секции Альянса женевцы, и в особенности Жуковский, близкие отношения которого с Бакуниным прекратились, действовали самостоятельно и в этом случае поступили даже несколько невежливо по отношению к Бакунину. Он приветствовал появление циркуляра самым горячим образом и стал очень усердно распространять и комментировать его, в особенности в Италии, о чем свидетельствует множество имеющихся на лицо рукописей и писем. Распространял он этот циркуляр и в Испании, с которой у него возникли некоторые разногласия, вскоре впрочем устраненные и интересующие нас теперь лишь постольку,

поскольку они служат доказательством независимости всех этих групп друг от друга, что разбивает сказку о бакунинской диктатуре, распространявшуюся марксистами, которые, впрочем, иначе и не могли себе представить положение дела.

Бакунин остался также доволен бельгийскими резолюциями, принятыми на Рождестве 1871 г.

Он постоянно имел в виду действительное движение и возможности революционных выступлений и ожидал их в 1872 г., прежде всего в Испании. Чтобы справиться с серьезностью положения и предстоящими первыми ударами реакции он настойчиво советовал итальянцам образовать в возникающих в большом числе открытых секциях тайные группы из самых решительных элементов; об этом он пишет, например, в одном письме, в марте или апреле 1872 г. (вскоре после смерти Мадзини). Относительно себя лично он желал только одного – остаться незамеченным, и поэтому, когда постоянно распространявшаяся на его счет клевета стала, после назначения Энгельса секретарем Генерального Совета для Италии и Испании, распространяться и в этих странах, он попытался прибегнуть к последнему средству примирения: написать частное письмо Генеральному Совету, и с этой целью он попытался посредством письма к А. Лоренцо в Барселону (май 1872 г.), достать точные сведения обо всем сказанном о нем на Лондонской конференции. Мы видим таким образом, что до последней минуты Бакунин подчинял свою личную обиду интересам дела и отказывался от личных преступлений.

Не так действовал Маркс, как раз в то время увидевший, что одна из составных частей его интриги, «конфиденциальное сообщение», разосланное в марте 1870 г., раскрыто благодаря лейпцигскому процессу о государственной измене (заседание 16 марта 1872 г.), и почувствовавший себя неспокойно благодаря решительному поведению бельгийцев, которых он считал до тех пор на своей стороне (так как он воздерживался от всякого вмешательства в их дела!). Поэтому он вместо прежней кампании, ведшейся посредством писем Энгельса, Сералье и др., перешел к способу открытых доносов. Открыл этот новый поход Лафарг, донесший в брюссельский «Liberté» от 5 мая 1872 г. о существовании тайной «Allianza» в Испании (письмо от 12 апреля). Месяц спустя появилась подписанная Генеральным Советом брошюра «Les pretendues Scissiones dans L'Internationale», в которой Бакунин и его друзья подвергаются самым гнусным нападкам. В ответ на эту брошюру появился в «Бюллетене» Юрской федерации (15 июня 1872 г.) ряд писем, а также письмо Бакунина от 12 июня, в котором он заявляет, что ожидает регулирования личных разногласий от суда чести на ближайшем конгрессе; что же касается общественных вопросов, то он по этому поводу издаст брошюру еще до конгресса. Брошюра эта не появилась в свет, но имеется обширная рукопись «Aux compagnons de la Fédération des sections internationales du Jura», очевидно представляющая незаконченный набросок этого сочинения.

Бельгийский проект статута, совершенно отменявший Генеральный Совет, был изменен бельгийским конгрессом (19 и 20 мая 1872 г.) в том смысле, что Генеральный Совет был сохранен, но члены его должны были впредь избираться самими федерациями, чем конгресс старался устранить авторитарные замашки Генерального Совета. Юрский конгресс (18 августа 1872 г.) дал делегатам федерации императивный мандат выступить на общем

конгрессе с требованием отмены Генерального Совета, действовать солидарно с испанским, итальянским, французским и всеми остальными антиавторитарными делегатами и оставить конгресс, в случае, если какой-либо из этих делегатов не будет на него допущен; так же было наказано делегатам поступить, если конгресс не согласится на свободническую реорганизацию Международного Общества Рабочих. По поводу личных вопросов делегаты должны были рекомендовать полное забвение прошлого, на будущее время – суды чести и исключение клеветников. Ненапечатанный в «Бюллетене», но опубликованный в «Favilla» (Мантуя, 27 августа 1872 г.), пункт этого мандата решает в случае ухода с конгресса: выразить протест и устроить совещание антиавторитарных делегатов для назначения места нового конгресса. Эта тактика, направленная против вынесенного Генеральным Советом 18 июня решения о созыве конгресса в Гааге, была очевидно выработана в полном согласии с Бакуниным, а быть может, даже была непосредственно им предложена. Во всяком случае именно в этом направлении он и его друзья старались повлиять на своих итальянских и испанских сторонников.

Итальянский Интернационал, который уже раньше, несмотря на совет Бакунина, не хотел подчиняться формальностям, будучи действительно настроен революционно, по собственной инициативе, зашел дальше предложений и советов в духе этой тактики. На своей конференции в Римини итальянцы вынесли свою известную резолюцию (6 августа), в которой они заявляют о своем полном разрыве с Генеральным Советом и обращаются к антиавторитарным секциям с предложением не являться в Гаагу, а созвать на тот же день антиавторитарный конгресс в Невшателе. Марксисты старались изобразить дело так, будто это решение было инспирировано Бакуниным, и Энгельс усматривает в нем, «отступление по всей линии» (письмо от 21 августа 1872 г.). Но это совершенно неверно. Было ясно, что дело дойдет до ухода с Гаагского конгресса, и что в Швейцарии (Юра) будет созван антиавторитарный конгресс. Но совершенно не присутствовать на Гаагском конгрессе – это сильно ослабило бы влияние вышеуказанной тактики. Сохранившиеся письма из Италии (август 1872 г.) также показывают, как неудобна была эта резолюция, и как искали средства не приводить ее в исполнение, не беря ее в то же время обратно. Юрцы и испанцы решили обязательно присутствовать на Гаагском конгрессе; итальянцы воздержались от этого и в начале сентября приехали в Швейцарию на антиавторитарный конгресс. Там Бакунин познакомился с некоторыми из них, которых он до сих пор не знал лично; в числе их был и Малатеста.

Таково было положение дел накануне Гаагского конгресса.

С июня 1871 г. Бакунин оставался в Локарно. Его материальное положение было в то время очень стесненное, а в августе 1872 г. он сверх того болел несколько недель. С весны 1872 г. его итальянские и русские связи умножались; в Цюрихе его посетили Кафиеро и группа русской молодежи. В конце августа он ездил в Невшатель, а затем опять в Цюрих.

Я пропускаю детали его пропагандистской деятельности на Юре. Главная часть его деятельности была направлена на Италию и Россию.

В самом начале знакомства Бакунина с Мадзини, происшедшем в Лондоне в 1862 г., обнаружилось самое острое противоречие между их взглядами на все политические, социалистические и религиозные вопросы: с одной стороны, унитаризм, псевдосоциализм и мечтания о боге Мадзини, с другой – федерализм, революционный социализм и атеизм Бакунина. Когда Мадзини выступил в «Roma del Popolo» против коммуны и Интернационала, в особенности в статье «к итальянским рабочим» (13 июня 1871 г.), Бакунин возразил ему в переведенном и выпущенном в качестве приложения к миланской «Gazzettino Rosa» «Riposta» («Ответе») (14 августа), оригинал которого появился в брюссельской «Liberté» (18 и 19 августа). Это одно из лучших его литературных произведений, в котором также соблюдена пропорция между отдельными частями, чего не хватает во многих его писаниях. Позже появилась «Riposta all'Unita Italiana» («Gazz. R.», 10–12 октября) и напечатанная в сентябре в Невшателе брошюра «La Théologie politique de Mazzini et l'Internationale». Мадзини, который впрочем вскоре заболел и умер в марте 1872 г., не делал никаких существенных возражений, но его последователи начали злобную, личную полемику против Бакунина, и ненависть между мадзинистами и интернационалистами привела в отдельных местах, в особенности в Романье, к политическим убийствам.

По желанию римского рабочего конгресса (1 ноября 1871 г.) Бакунин написал более обстоятельную брошюру «Al miei amici d'Italia...», первое издание которой пропало неизвестно куда; она была вторично напечатана под названием «Il Socialismo e Mazzini» (Анкона, 1885 г., а затем недавно – Имола, 1901 г.).

Большое число рукописных отрывков показывает, в каком виде Бакунин хотел выпустить дальнейшие части своего сочинения «Théologie politique» и внести туда постепенно все свои идеи в виде единого целого. Однако, он прервал полемику, отчасти потому, что цель ее была достигнута. Интернационал в Италии достиг очень сильного развития, а мадзинисты показали себя настолько реакционными, что с ними считались только как с врагами социализма, но уже не как с соперниками его.

Мы располагаем обширным материалом об итальянской агитации Бакунина в течении лета 1871г. Наряду со старыми связями в Неаполе и Флоренции он завязал новые в Милане (из них следует отметить Виченцо Пецца; за ними последовали связи в Романье, Эмилии и т. д. из этих следует назвать Черетти в Мирандоле (через которого Бакунин иногда сносился с Гарибальди), Набруцци в Равенне и позднее Андреа Коста в Имоле и Болонье. Несколько раз закрытая организация в Неаполе вновь была восстановлена в 1871–72 г. г., и Кафиеро, со времени своего посещения в Локарно весной 1872г. а также несколько позже Э. Малатеста, стали самыми близкими товарищами и друзьями Бакунина. Последний считал существенной частью своей деятельности привлечение во всех местах нескольких интеллигентных и решительных рабочих, которых он знакомил во всех деталях со своей более тесной программой; эти уже, со своей стороны, об'единяли рабочую массу в секции на почве экономической солидарности и вели в ней пропаганду, одновременно привлекая наиболее энергичных рабочих к бакунинским идеям. Эти «интимные друзья», как их называли, находились в постоянных сношениях с Бакуниным, и эти частые связи и были «Альянсом». Письма, адресованные в Романью, дают возможность наблюдать эту агитацию в деталях. Наиболее интересное из этих писем, адресованное Черетти (март или апрель 1872 г.), напечатано в «Société Nouvelle» (февраль 1896 г.); за ним следует длинное письмо от 23

января («al Rubicone...») и т. д. Для нас невозможно останавливаться на отдельных фактах, имевших место в Неаполе, Сицилии, Турине, Милане, Романье, Флоренции и т. д., а также и на постепенном слиянии секций, закончившемся на конференции в Римини (август 1872 г.). Таким образом образовалась итальянская федерация Интернационала, первым органом которого (октябрь 1872 г.) была «Rivoluzione sociale», печатавшаяся в Швейцарии (мною были найдены два номера этого издания).

Личные отношения между Бакуниным и Гарибальди были гораздо дружественнее, чем между ним и Мадзини, но Бакунин никогда не пропускал случая подвергнуть резкой критике недостатки точки зрения и тактики Гарибальди.

Следует еще упомянуть о том, что марксизм был в Италии неизвестной величиной и что итальянский Интернационал после того как он в течение некоторого времени имел дела с Энгельсом, как с секретарем Генерального Совета, возмущенный формализмом, господствовавшим в Интернационале, первый перестал обращать на него внимание и при этом, вскользь будет сказано – действовал совершенно противоположно тому, что настойчиво советовал Бакунин.

История испанского Интернационала в течение 1871–72 г. г. показывает нам наряду с сильным развитием секций и профессиональных союзов, которые стояли все на точке зрения коллективистского анархизма, бессильную попытку Лафарга пересадить марксизм на почву Испании. Эта попытка выразилась главным образом в целой кампании интриг против «Alianza», а затем в публичном доносе Лафарга на эту организацию, за которым последовали неслыханные угрозы Энгельса (письмо от 24 июля 1872 г.). Это привело к роспуску предательски выданного Альянса. Мы не имеем подробных сведений о связи Бакунина с Испанией, – главным образом с Р. Фарга Пелисером, в течение некоторого времени с Г. Сентиплоном, с Т. Г. Мораго, с Алерини (из Марселя), затем с Винасом и др. – так как в нашем распоряжении нет писем, относящихся к ним. Однако некоторые обстоятельства, имевшие место в Барселоне в конце 1871 г., а также наброски или черновики писем в Испанию, написанные весной 1872 г., в которых Бакунин не советовал распускать Альянс, показывают, что его влияние в практических делах было незначительно, несмотря на то, что в принципиальных вопросах испанцы были с ним вполне солидарны. Идеи Альянса распространялись из Испании, судя по некоторым данным, также и в Португалии, и Бакунин, очевидно, писал и туда. Но португальский Интернационал вскоре исчез.

Русская пропаганда Бакунина была почти совершенно прервана с лета 1870 г. вплоть до весны 1872 г., так как дело Нечаева, о котором только лишь очень немногие имели точные сведения, вызвало бесконечные недоразумения. В течении этого периода почти один только А. Росс в Цюрихе оставался доверенным лицом Бакунина. Только весной 1872 г. несколько молодых русских студентов эмигрантов, учившихся в Цюрихе, посетили Бакунина в Локарно, познакомились с делом Нечаева, и быстро сошлись с Бакуниным, образовав вместе с ним группу, вокруг которой стали организовываться многие цюрихские студенты и студентки. Бакунин жил в Цюрихе с конца июня 1872 г. и своей личностью производил на молодежь сильное впечатление. Славянская Секция Интернационала объединяла русских, поляков и юго-славов на почве составленной Бакуниным программы; вторым центром движения стала

русская библиотека в Цюрихе. Последняя попытка Бакунина повести агитацию среди поляков, в польском социалдемократическом обществе, осталась безуспешной. Для дальнейшего развития пропаганды необходимо было приступить к выпуску русских изданий. Попытки войти в соглашение с Лавровым, подготовлявшим издание журнала «Вперед», кончились неудачей, и между сторонниками Бакунина и Лаврова происходили острые трения.

В это время был арестован в Цюрихе Нечаев, живший с 1870 г. тайно в Лондоне, Париже, Цюрихе и др. городах. Арест его (14 августа 1872 г.) произошел вследствие предательства поляка Стемпковского. 27 октября он в качестве якобы уголовного преступника был выдан цюрихским кантоном России. Швейцарское правительство меньше всего было озабочено тем, что после выдачи Нечаева он вместо того, чтобы быть сосланным в Сибирь, был заключен в качестве политического преступника в петербургскую крепость, что лучше всего показывало лживость мотивировки, посредством которой русское правительство настаивало на его выдаче. Он умер в конце 1882 г., постоянно давая в течение этих десяти тюремных лет доказательства своей неукротимой энергии.

В октябре 1872 г. Бакунин возвратился в Лондон, и только еще один раз, весной 1873 г., он приезжал в Цюрих. В конце зимы 1872–73 г. бакунинским кружком в Цюрихе была основана русская типография, выпустившая главным образом три больших тома («Издания социально-революционной партии»): в конце августа 1873 г. появилось «Историческое развитие Интернационала», куда вошли избранные статьи из бельгийских и швейцарских журналов Интернационала вместе с главами, которые их связывали между собой, в том числе было также изложение возникновения «Альянса». В 1874 г. появилась «Государственность и Анархия» Бакунина, являвшаяся началом широко задуманного труда; затем «Анархия по Прудону» не принадлежащая перу Бакунина. В приложении к «Государственности и Анархии» резюмируются последние идеи Бакунина относительно пропаганды в России, там заявляется, что молодежь должна идти в народ, знаменитый лозунг, который многие в течение этих лет с большими жертвами проводили в жизнь. Молодежь в состоянии пробудить и объединить бесчисленные революционные силы, дремлющие в народе – так думал Бакунин. Чувствуется сходство между взаимоотношениями молодежи и народом, с одной стороны, и «Альянсом» и Интернационалом с другой, между «интимными друзьями» и несознательной, но исполненной революционных инстинктов массой. Эта идея проглядывает, во всем что было в то время написано Бакуниным.

Резкое личное расхождение между некоторыми из членов теснейшей группы Бакунина привело к расхождению между ними, причем Бакунин был на стороне А. Росса, между тем как отделившиеся Ралли, Эльсниц и Гольштейн предприняли собственное издательство. Они начали с издания брошюры «К русским революционерам» (сентябрь 1873 г.), в основу которой в действительности легла составленная Бакуниным программа тайной организации. Такой образ действий делал разрыв неизбежным.

После того, как печатание трех томов было закончено, типография закрылась. Цюрих после царского указа о возвращении в Россию русских студентов потерял свое значение в качестве русского центра, и здесь заканчивается русская пропаганда Бакунина в более

широком смысле этого слова; с тех пор она ограничивается только воздействием на отдельных посещавших его русских.

В полной Биографии дано детальное изложение всего, что происходило на Гаагском конгрессе (2–7 сентября 1872 г.), составленное по заметкам Жуковского. Только знакомство с этим изложением дает возможность понять вероломство руководителей снабженного американскими, французскими и немецкими мандатами, «большинства» по отношению к «меньшинству», состоявшему из делегатов федераций Бельгии, Голландии, Испании и Юры. Я опускаю все другие пункты и напомним только о так называемой следственной комиссии по долу «Альянса», составившей полный противоречивый доклад и потребовавшей исключения Бакунина, Гильома и Швицгебеля из Интернационала, – Бакунина, не только из-за причин общественного характера, но еще якобы и из соображения, имеющего личный характер, причем в докладе были употреблены самые оскорбительные возражения по его адресу. Надо заметить, что следствие оставалось долгое время безрезультатным и сделало решительный поворот в сторону обвинения лишь после вмешательства Маркса. Что же касается личного обвинения Бакунина, то в основу его были положены действительные своевольные поступки Нечаева, но Бакунин был здесь непричем. Жившие в Женеве и Цюрихе русские эмигранты опубликовали протест против этого оскорбления Бакунина (4 октября 1872 г.), что вполне достаточно для его реабилитации, но сторонники Маркса никогда ничем не отозвались на этот протест. Конгресс действительно исключил из Интернационала Бакунина и Гильома 27 (25) против 6 (9) голосов при 7 (8) воздержавшихся!

Само собою разумеется, что после этого события меньшинство по достоинству оценило поведение лидеров большинства. 7-го сентября делегаты меньшинства сделали свое известное заявление, согласно которому представленные ими федерации сохраняют формальную связь с Генеральным Советом, перенесенным в Нью-Йорк, но вступают одновременно в прямую связь между собою; согласно этому заявлению, они должны были также встать на защиту всех федераций, которым угрожала опасность со стороны Генерального Совета. Можно сказать, что принятие этого решения означало освобождение одним ударом от власти Маркса в Интернационале. Маркс посредством долголетней интриги создал для себя автократический аппарат управления, который должен был руководить движением всех стран и принуждать к душеспасающему «политическому действию» (т. е. к выборам!). В момент, когда эта задача его казалась достигнутой, когда ему даже удалось стряхнуть своих ближайших союзников и в то же время врагов, бланкистов, посредством перенесения Генерального Совета в Нью-Йорк, в руки своей креатуры Ф. А. Зорге, в тот момент, когда «политическое действие» (сектантская программа) стало обязательным – в момент величайшего триумфа, личной мести Бакунину и его друзьям – в этот самый момент здание лжи и обмана сразу рухнуло: те, кем он собирался управлять, действительно живые массы Интернационала, сразу все ушли от него. Если все свободническое направление обозначить как бакунинское, то результат был таков: У Маркса остались статуты, Бакунин же имел Интернационал, – первый получил пустую скорлупу, второй все ядро. Никто не мог бы сам себя вернее и решительнее выставить за дверь, чем это сделал Маркс посредством Гаагского конгресса.

Заявление меньшинства в главной своей части основывалось на изложенной вкратце в императивном мандате Юрской федерации тактике, представлявшей в очень выдержанной форме точку зрения Бакунина. Дальнейшее проведение этой тактики произошло на конгрессе в Сан-Имье (Юра), 15 и 16 сентября, на котором делегаты итальянской, испанской, юрской и французской секций приняли ряд резолюций, большей частью составленных присутствовавшим на конгрессе Бакуниным. После обсуждения вопроса, следует ли порвать и формальные сношения с Генеральным Советом, который потерял уже моральное признание, или следует принять выжидательную точку зрения, сформулированную в декларации меньшинства – было решено – по настоянию итальянцев – пойти на полный разрыв. Затем был принят «Договор дружбы, солидарности и взаимной защиты свободных федераций», в котором еще раз формулировалась тактика императивного мандата. Остальные резолюции имеют теоретический характер.

Бакунин начал писать в октябре 1872 г. общий ответ на нападки на него в форме длинного письма в брюссельскую «Liberté» (впервые напечатано в «Société Nouvelle», июль–август 1894 г.), но он не закончил ни этого письма, ни начатую в конце года рукопись, продолжение «Empire knouto-germanique». В виду недостаточного количества имеющихся писем и рукописей за период 1872–1873 г. г. мы можем говорить о его точке зрения на тактику Интернационала только по неподписанным, но несомненно им набросанным, резолюциям по этому вопросу итальянского конгресса, состоявшегося в марте 1873 г. (см. ниже).

Нет возможности останавливаться здесь на сочувственном приеме, оказанном резолюциям, принятым на конгрессе в Сан-Имье, федерациями, принимавшими участие в этом конгрессе. Но всетаки разрешение вопроса о созыве самостоятельного конгресса, который должен был состояться уже в марте, не подвигалось своевременно вперед, и бельгийцы, в известном смысле образовавшие правое крыло, в то время как итальянцы составляли левое, а испанцы и юрцы центр – так же как в 1871 г. после юрского циркуляра – действовали осторожнее всего. Несомненно набросанная Бакуниным резолюция для Мирандолы – в действительности конгресс состоялся в Болонье (март 1873 г.) – предлагает, чтобы на общий конгресс итальянские делегаты были допущены только под условием подчиниться договору о солидарности и с тем, чтобы у них был мандат, включающий следующие пункты: 1. Восстановление старых предпосылок («Considérants») Интернационала (в том виде, в каком они были вотированы в Женеве в 1866 г.) – 2. Солидарность в экономической борьбе, как единственное обязательное связующее начало и полная автономия во всем остальном. – 3. Уничтожение всякого авторитета и центральной власти в Интернационале и полная автономия секций и федераций. Эту резолюцию мы можем рассматривать как первое и последнее условие Бакунина для восстановления нормального положения в Интернационале. Общеизвестно, что свободнически настроенные федерации всегда чувствовали себя свободными и смотрели на Генеральный Совет только как на корреспондентское бюро. Резолюция эта положена также в основе реорганизации Интернационала, произведенной на Женевском конгрессе (сентябрь 1873 г.), и она показывает также, что существование Интернационала продолжалось и что из его рядов исчезли только марксовский Генеральный Совет и несколько секций фанатичных социал-демократов или политиканов.

Дискуссия о ближайшем конгрессе была, наконец, закончена бельгийским предложением, которое гласило, что Юрская федерация должна подготовить созыв общего конгресса в Швейцарии. Юрцы предложили тогда Женеву, где впоследствии Ф. А. Зорге создал также и авторитарный конгресс.

В конце апреля 1873 г. появился «Мемуар» Юрской Федерации, наиболее важный взнос в историю Интернационала и образец спокойного, делового изложения фактов.

Деятельность Нью-йоркского Генерального Совета не заслуживает того, чтобы мы на ней останавливались; повсюду полнейший провал и бессильное важничанье; свободнические федерации отрешаются от церкви все вместе и каждая в отдельности; уполномоченные для Франции, пользующиеся печальной известностью д'Энтрег и Ван-Геддегем, превращают свои организации в полицейские гнезда; Романская федерация женевских политиканов разлагается и т. д. Женевский «конгресс» 1873 г. увенчал конец этого вполне провалившегося предприятия, а в июле 1876 г. последовал, наконец, и формальный роспуск.

Последним ударом Маркса и Энгельса, увидевших, что все их хитроумно возведенное здание рушится, была составленная ими (вместе с Утиным) брошюра об Альянсе («L'Aliiance de la démocratie socialiste et l'Association internationale des travailleurs», 1893 г., датировано 21 июля). В основу испанской главы этой брошюры положена брошюра Лафарга. Это сочинение совершенно лживо уже в самом своем замысле и кишит извращениями в деталях; ни одной цифры в нем нельзя оставить непроверенной. Основой ее послужили исключительно документы, самой следственной комиссией по делу Альянса в Гааге обозначенные в качестве проектов, относительно действительного значения которых для какого бы то ни было времени не было приведено ни одного хотя бы самого незначительного доказательства; затем существование «Alianza» в Испании, связь которого с какой-либо организацией вне Испании не доказана; и наконец письмо Бакунина к А. Мора (5 апреля 1872 г.), в котором упоминается об Альянсе в Италии, Испании и Швейцарии, но без указания на то, в какой форме он существует. Наряду с этим не выдерживающим критики ничтожным материалом имеется обширный вымышленный материал, созданный произвольно тем путем, что каждый поступок, каждый шаг какого-либо принадлежащего к свободническому направлению лица или секции обозначается как поступок «Альянса», причем ему приписываются самые дурные мотивы. Трудно себе представить менее ценный для истории и более лживый материал. Бакунин покончил с этой брошюрой в одном письме в «Journal de Genève» (25 сентября 1873 г.).

Согласно своему плану уйти от публичной деятельности Бакунин не принимал участия в Женевском конгрессе (1-6 сентября), хотя он впрочем тогда как раз прибыл в Берн из Локарно и виделся с некоторыми из участников конгресса. Конгресс, в котором приняли участие делегаты из Швейцарии, Испании, Италии, Франции, Бельгии, Голландии и Англии, реорганизовал Интернационал на свободнических началах и заменил Генеральный Совет федеральным бюро, функции которого на первое время были возложены на бельгийскую федерацию. За Женевским конгрессом последовали конгрессы в Брюсселе (1874 г.), Берне (1876 г.), Вербье (1877 г.), продолжателями которых можно считать – не в организационном, а в принципиальном смысле – Лондонский конгресс (1881) и с'езды Женевский (1882 г.) и Барселонский (1885 г.).

После этой полной победы свободнического направления Бакунин в упомянутом письме от 25 сентября, а также в прощальном письме к товарищам Юрской федерации («Bulletin»(Яффи: ??????), 12 октября 1873 г.), заявил о своем уходе из Интернационала и от публичной деятельности. Этот шаг должен был в действительности маскировать его решение отдаться всецело широкой тайной революционной деятельности, для которой, как ему казалось в 1873–74 г. г., в последний раз, опять складывались благоприятные условия.

Проезжавшие с Гаагского конгресса через Швейцарию испанские делегаты, приехавшие в Цюрих итальянцы и некоторые другие имели накануне конгресса в Сант-Имье совещания с Бакуниным в Цюрихе, на которых частные связи, (т. е. «Альянс») были реорганизованы. К сожалению для 1872–73 г. нет почти никаких прямых источников о деятельности Бакунина. Его образ жизни в Локарно рисуют нам записки И. Соколова. Летом планы Кафиери нашли окончательное выражение в том, что было приступлено к покупке и перестройке виллы «Бароната».

В Италии после конгресса в Болонье (март 1873 г.) состоялся ряд провинциальных конгрессов, и были основаны областные федерации. Болонские резолюции, как уже было сказано, частью несомненно отредактированы Бакуниным; восьмая резолюция содержит в себе теоретическую программу Бакунина; через посредство этой резолюции конгресс признает, себя атеистическим и материалистическим, анархистским и федералистическим; он высказывается за коллективную собственность, представляя ее организацию мысли и инстинктивному действию свободной коммуны и свободной ассоциации.

События, имевшие место в 1873 г. в Испании, возбудили надежду в возможность торжества революции, и по настоянию испанских друзей Бакунин решил сам поехать туда. Это его намерение не удалось осуществить вследствие недостатка денежных средств и ареста человека, посланного достать деньги. Бакунин хотел тогда прежде всего направиться в Барселону, которая впрочем по своей роли в тогдашнем движении уступала целому ряду небольших городов – Алькои, Сан Люнар де Баррамеда и т. д. В действительности, насчитывавший так много секций и членов испанский Интернационал не выполнил того, чего от него можно было ожидать. Движение в разных местах начиналось в политической форме, и интернационалисты, ненавидевшие политику, уже слишком сторонились от него. По различным признакам можно заключить, что это не было во всяком случае точкой зрения Бакунина, который несомненно попытался бы как в 1870 г. и 1874 г. – объединить все партии, участвовавшие в движении. Возможно поэтому, что его поездка в Испанию существенно изменила бы позицию Интернационала и тем самым воспрепятствовала бы тому, что восстания были подавлены каждое в отдельности. Так пала в конце концов и Картагена после осады, длившейся несколько месяцев, 10-ого января 1874 г.

Интернационал был закрыт правительством Серраноса, и он должен был после этого в течение семи лет существовать в виде нелегальной организации, имевшей свои конгрессы, избиравшей комиссии, издававшей газеты и т. д. Без подготовительной школы, которой был испанский Альянс, это единение было бы гораздо труднее провести в жизнь.

Французские связи Бакунина в этот период ограничивались, как показывает письмо от 11 января 1873 г., немногими личными знакомыми. В Юрской федерации Бакунин более не

выступал.

В августе 1873 г. Кафиеро настоял на том, чтобы Бакунин совершенно ушел из легального движения, чтобы развить еще более серьезную тайную революционную деятельность. Согласно этому он объявил в упомянутых письмах, написанных в сентябре и октябре, о своем уходе и благодаря приобретению виллы «Бароната» на северо-восточном берегу Лаго Маджоре, к северу от Локарно, превратился как-будто в ушедшего от дел буржуа. После недолгого пребывания в Берне, с начала сентября до октября, он жил все время до июня 1874 г. в «Баронате».

Мысль Кафиеро не оправдалась. «Бароната» стала правда, приятным временным убежищем для некоторых итальянских и других членов Интернационала, и в 1874 г. в ее стенах действительно велось подготовка итальянского революционного движения. Но финансовая сторона дела не была правильно рассчитана. Необходимая перестройка дома, ряд других расходов, по устройству сада и т. д., а также непрактичный образ жизни поглотили большие суммы, и Кафиеро лишен был возможности продолжать этот эксперимент. По поводу создавшегося положения имеется, наряду с преувеличенными слухами, подробное изложение самого Бакунина, к которому я должен отослать читателя. В июле 1874 г. выяснилось, что затягивать дальше прежнее положение невозможно, и Бакунин оставил Локарно, куда он уже более не возвращался.

В то время готовилось последнее движение, в котором ему суждено было участвовать. После поражений во Франции и Испании один только итальянский Интернационал остался нетронутым. В предполагавшемся движении должны были принять участие все прогрессивные партии, и в действительности были установлены связи с гарибальдийцами и самим Гарибальди и даже с менее доктринерскими элементами из мадзинистов. Эти связи, правда, не привели к какому либо окончательному соглашению, и следы их исчезли после неудачи движения, но в то время они все же несомненно существовали. Экономический кризис, вызвавший, начиная с весны целый ряд местных голодных бунтов, дал возможность установить связь с народными массами. С января 1874 г. распространяли нелегально издававшиеся ленточки «Итальянского Комитета социальной революции». Движение должно было начаться в августе. После арестов мадзинистов в Вилли Руффи правительство начало распускать интернационалистические и демократические кружки в отдельных областях (начало августа). Все это, а также арест членов Интернационала в Равенне (26 июня) еще более ускорило взрыв движения, которое должно было начаться в Болонье.

Остается неизвестным, в какой форме Бакунин предполагал в самом начале участвовать в этом движении. Но после ряда событий, происшедших в июле 1874 г., о которых невозможно передать вкратце, он решил поехать в Болонью, где он рассчитывал умереть. 27 июля он выехал из Локарно в Шплуген, 29 июля он поехал дальше в Колико на озере Комо, а затем через Верону в Болонью, куда он приехал 30 июля ночью и где он встретился с А. Коста, главным подготовителем движения. После кратковременных поездок в Рим и Ровиго Коста был арестован в Болонье 5 августа вечером. Бывший с ним в это время Альцест Фаджиоли успел спастись и предупредить Бакунина, которого немедленно перевели на другую квартиру. После совещания 6 августа и последнего большого совещанья, состоявшегося вечером 7 августа, наступила ночь с 7 на 8 августа, в которую должно было начаться

движение. Тогда группы интернационалистов направились из Имоллы в Болонью, а местные собрались на Pratti di Carpara, за городом где раздавалось оружие. Ближайшей задачей было овладеть утром Болоньей. Но собравшиеся ночью, которых вначале было очень много, не обладали достаточным мужеством, чтобы действовать решительно. Группы, направлявшиеся из Имола, были на полпути задержаны солдатским отрядом. Самые решительные из собравшихся на Pratti di Carpara дрались в горах, но солдаты быстро обратили их в бегство, и в Болонье попрежнему воцарилось спокойствие. Бакунин, прождавший всю эту печальную ночь на своей квартире и оставленный в одиночестве между 3-им и 4-ым часом утра, решил покончить с собой в 4-ом часу, от чего его удержал возвратившийся к этому времени товарищ, тот самый, который приютил его.

Но даже и тогда, очевидно, не была вполне брошена надежда на возможность поднять движение, и от'езд Бакунина из Болоньи в Швейцарию имел своей ближайшей целью, как видно, совещание с Кафиеро по этому поводу. 12 августа он уехал из Болоньи, переодетый сельским священником, а затем отправился из Модены во Флоренцию вместе с Ф Натта, с которым он часто виделся в Болонье. Отсюда он поехал через Верону и озеро Комо опять в Шплюген, где он напрасно целую неделю ожидал Кафиеро и откуда он писал 20 августа, что он намерен возвратиться туда, откуда он приехал, т. е. в Италию.

Но и все остальные попытки движения в Италии едва только начинались или сразу же терпели неудачу. Подготовка в Тоскане привело к судебным процессам во Флоренции, Ливорно и Массе, подготовка в Сицилии, Калабрии и Апулии (где Малатеста с некоторыми товарищами действительно в течение нескольких дней действовали в Капель-Монте в качестве повстанческого отряда) привело к процессу в Трани. Несколько судебных процессов имели место в Риме и Перуджии. Самым значительным был судебный процесс в Болонье, длившийся с марта до июня 1876 г. и закончившийся оправдательным приговором. Действительное участие Бакунина в этих приготовлениях не было раскрыто во время этих процессов.

Можно доказать, что в последние дни своего пребывания в Шплюгене, 24 или 25 августа 1874 г., Бакунин решил окончательно уйти от общественной деятельности; «j'en ai assez de la politique et des entreprises revolutionnaires, ma dernière expédition m'en a décidément enlevé le gout - et je suis assez vieux pour bien avoir le droit de prendre ma démission» («Довольно с меня политики и революционных предприятий - моя последняя экспедиция решительно заставила меня потерять вкус к ним - и я достаточно стар, чтобы иметь право выйти в отставку») - так писал он вскоре после этого. Его опыт в Италии, где ему давали преувеличенные сведения о средствах, имеющихся для организации движения, а также личные огорчения со стороны людей, стоявших к нему очень близко, объясняют его тогдашнее пессимистическое настроение. 26 августа он выехал из Шплюгена через Цюрих и Фрибург в Сьерр (кантон Валлис), где с 6 сентября его след теряется. Только 9 октября мы его находим в кругу своей семьи, в Лугано, куда он только что прибыл. Там он прожил почти до самой своей смерти.

С тех пор Бакунин жил действительно в стороне от всякой революционной деятельности. Он, правда, преодолел фазу пессимизма, охватившего его в течение лета и осени 1874 г., но

реакция настолько восторжествовала, что не было никакого движения, которому он мог бы отдать свои последние силы. Связь между остатками движений различных стран также была почти прервана, и Бакунин имел возможность встречаться только с отдельными своими посетителями – русскими, итальянцами, французами и др.

Злобная клевета не оставляет в покое и последние двадцать месяцев его жизни, омраченные материальными заботами. Стараются заставить поверить, что он под конец своей жизни стал придерживаться даже умеренных взглядов, или что его умственные способности ослабели. Но как личные сообщения, так и ряд писем и отрывков рукописей совершенно опровергают эти утверждения.

В одном отрывке из письма от 13 февраля 1875 г. он пишет: «я совершенно с тобою согласен, что час революции прошел, не вследствие ужасных несчастных случаев, которых мы были свидетелями, или страшных поражений, жертвами которых, более или менее виновными, мы были, – но потому что я, к своему величайшему отчаянию, констатирую и ежедневно вновь констатирую, что революционная мысль, надежда и страсть абсолютно отсутствуют в массах, а когда их нет, то сколько ни напрягай своих сил («on aura beau se battre les flancs»), все равно ничего не добьешься»... Он восхищается терпением и выдержкой тех, кто продолжает вести пропаганду, но самого себя он чувствует для этого слишком старым, слишком слабым и уставшим и во многих отношениях слишком разочарованным («désabusé»). Он чувствует очень сильное желание отдаться научному, совершенно объективному изучению причин торжества реакции.

Между тем как во время своей пропагандистской деятельности он считал религиозные предрасудки масс в известной степени безвредными, чем-то таким что является формой выражения экономических стремлений бедняков (небо, это – утопия, социализм бедных) и между тем как он в период практической деятельности считал церковную реакцию бессильной и менее важной чем государство, с которым следовало бороться непосредственно, – он теперь, в период спокойного анализа, возвратился опять к религии и духовенству, как к самой ненавистой форме реакции. По отношению к ней ему даже Бисмарк, представитель наиболее суровой государственности, казался, заслуживающим признательности благодаря его участию в «Kulturkampf»е, и он с удовольствием следил за этим движением. 18 октября 1875 г. он писал на немецком языке следующее: «теперь мне опять представляется полезным, необходимым поднять старый, забытый клич энциклопедистов: «Ecrasons l'infâme», и как в мое доброе старое фанатичное время, когда я имел обыкновение говорить: «Что вы мне рассказываете о непартийности, мы оставим непартийность Господу Богу!», – так же и теперь я опять начинаю мало заботиться об абстрактной справедливости: все, что уничтожает церковь и попов, справедливо в моих глазах»... В этом смысле он интересовался борьбой республики против клерикализма во Франции, и он очень был обрадован результатами выборов 20 февраля 1876 г. – я думаю, что он и в этом пункте правильно предвидел будущее: рабочее движение разных стран стало с семидесятых годов на путь политики и социального реформизма и не вело с тех пор серьезной борьбы против государства и церкви, благодаря чему их власть очень выросла и укрепилась, чему мы теперь являемся свидетелями.

Приходится отказаться здесь от изображения жизни Бакунина в Лугано. Об этом много трогательного, хотя и с преувеличениями, внушенными впрочем самыми лучшими намерениями, Артура Арну. Когда Бакунин был здоров, его интересовало все, в том числе сельское хозяйство, местные дела – и, больше чем он сам себе сознавался, социалистическое движение, получившее в Италии опять несколько большую свободу проявления, но он часто болел и много страдал. Он хотел было еще раз переселиться в Италию (в Неаполь), но тяжелая болезнь заставила его поехать в Берн лечиться у старого друга, профессора Адольфа Фохта. Он приехал туда 13 июня и немедленно принужден был лечь в частный госпиталь, где его навещали до последнего часу наряду с Фохтом также и его старые друзья – семья Рейхель. После долгого, длившегося несколько дней, сонного состояния он умер 1 июля 1876 г., в полдень.

Анархизм и национализм

1931, источник: [здесь](#).

Что такое национализм? С моей точки зрения, это именно то состояние, когда нечто хорошее превращается в нечто плохое. Например, когда употребление становится злоупотреблением, индивидуализм становится эгоизмом, собственность для личного потребления становится монополией, свобода — распущенностью или тиранией. Одним словом, это состояние, когда перейдена граница, допущена чрезмерность. Именно таким состоянием вырождения является национализм.

Национальность является общей характеристикой коллектива людей данной местности, вызывающей ощущение уюта и домашности, — такие чувства, каких эти люди не испытывают по отношению к чужакам. Если, однако, из этой дифференциации возникают надменность, вражда, чувство превосходства, презрение к чужакам, тогда национализм превращается в отрицательное, антисоциальное чувство. Это вырождение естественного и вполне социального чувства, чувства солидарности в пределах данной местности, без сомнения имеет очень старые и глубокие корни во всех многочисленных причинах, разделяющих людей. Но прогресс означает уничтожение этих причин и исчезновение всех форм вражды среди людей. Национализм также представляет собой, можно сказать, профессиональную болезнь авторитарного и социального общества и исчезнет, когда общество станет свободным и социальным.

Так как анархизм больше, чем какая-нибудь другая социальная теория, стремится привести к этой смене рабства свободой, монополии — солидарностью, то естественно, что замена национальной исключительности братством всех людей является одной из многих перемен, необходимых для освобождения человечества. Все эти перемены связаны и переплетены между собой в том понимании полного (интегрального) социализма, который в настоящее время представлен только анархизмом. Нам необходимо работать по всей линии прогресса, ибо социальная организация, претерпев лишь одну или несколько таких перемен, оказывается неспособной двигаться дальше, как это все мы знаем по опыту. Одни лишь социальные перемены, как в России, без свободы, политические перемены без справедливости, национальное освобождение без солидарности людей, все это и еще другое оставляет много важной работы не сделанною и не являются подлинным шагом вперед. Только анархизм остался свободным от этой односторонности и неполноты. Его роль в социалистическом развитии неизбежно принимает более широкие размеры по мере того, как неполные формы социализма остаются позади. Необходимо, поэтому, чтобы у нас были ясные представления о всех вопросах, извращенных или затемненных под влиянием энтузиазма, споров, эгоизма, фанатизма и т.д. Одним из таких вопросов является национализм, в последние 30 лет встающий перед обществом во многих и разнообразных формах.

Исторически, в течение 10 или 12 тысяч лет, на протяжении которых можно установить связь в деятельности части человеческого рода, и в течение 2.500 лет этого периода, по отношению к которому имеется больше фактических материалов, а особенно за последние несколько сот лет, — мы видим много рас и наций, вступающих в поле зрения истории. Почти все они изменяются, сливаются с другими, разрушаются или вовсе исчезают, спустя несколько времени. Едва ли хоть одна из существующих европейских народностей может как следует доказать свое происхождение от какой-нибудь нации, существовавшей во времена расцвета древнего Египта, Греции или Рима. До этого исторического периода лежит неопределенно длинный период, когда человечество рождалось и развивалось. В течение этого периода возникали первоначальные деления племен, разбросанных на пространствах, отличавшихся различными свойствами и климатом. Позднее, путем разнообразных слияний и смешений, путем исчезновения более слабых промежуточных типов, образовались более широкие единицы, народы. Одни из них стали оседлыми, другие остались бродячими и пребывали в таком состоянии в течение периодов неизвестной продолжительности, прежде чем история, предшествуемая безымянным доисторическим периодом, оказалась в состоянии дать народам имена. Все это чрезвычайно походит на растление и дифференциацию некоторых родов животных, со всеми их местными типами и разновидностями.

Каждая из этих местных человеческих единиц развивала в себе более или менее специальные физические черты, местный язык, обычаи, религиозные взгляды, политические учреждения, формы собственности, законы против нарушителей и т.д., а также специальные местные способности к продуктивному труду, к нападению и защите, запас традиций, общие симпатии и антипатии по отношению к соседним единицам, особенно там, где возникали связи между семьями, где речь шла о престиже руководящих родов и о священных связях, установленных жрецами. Все это создавало национальность внутри малых единиц — идеал номинального родства и товарищества местных народностей. Это чувство, иногда дремавшее, но всегда бывшее налицо, иногда заглушает всякое иное чувство, делает народ недоступным рассуждениям и готовым на все для защиты того, что он считает правом и интересом своей нации, подобно тому, как люди часто приносят в жертву все для защиты семейных интересов, когда солидарность берет верх над разумом и убеждением.

Всевозможные страсти неизбежно оказывают свое действие в подобных проявлениях чувства, усиливаясь под влиянием семейных или национальных интересов, как и при всяких действиях, подсказанных интересом. А за правами национальности следуют ее требования, ее претензии и, где возможно, ее завоевания. В таких вопросах нет предела, и подобно тому, как употребление превращается в злоупотребление, так и претензии превращаются в несправедливые захваты. Старая поговорка говорит: "Прав я или не прав, а это моя страна". В этой поговорке полностью сказывается не рассуждение, а настроение, возникающее из слепой страсти.

Чего здесь не хватает, так это знания или сознания: сознания, достаточно сильного для того, чтобы отвергнуть солидарность с несправедливым деянием, а зачастую и преступлением, и знания, которое показало бы границы между тем, что правильно и справедливо, и тем, что не является таковым. Мы знаем, что является такими границами в

физических и технических вопросах, мы знаем, что является ядом для здоровья или что оказывается пределом устойчивости для данных материалов, но во многих других вопросах мы во власти страстей или неумения отличать добро от зла, что нам диктуют страсть и интерес.

Национальность, невинное и желательное накопление столь многих хороших вещей, позволяющих нам чувствовать себя дома в данной местности или территории, в то же время способна причинить бесконечный вред. Национальность может быть фактором социальным или антисоциальным, в зависимости от того, ограничивается ли она пользованием, или же употребление вещей переходит в злоупотребление ими. Национальность была и остается предметом безжалостного использования и злоупотребления на протяжении всей истории. Ею пользуются для целей братоубийства. Сильные нации поглощают и разоряют или рассеивают малые нации. Некоторые нации оказались всепожирающими и ненасытными. Азиатские монархии, Египет, деспоты Крита, Македония Александра, республиканский Рим и Рим цезарей, интеллектуально подчинившие себе народы, позднее — папский Рим, о котором мечтал Мадзини, а теперь — Рим империалистического фашизма наших дней, потом Испания времени кастильских завоевателей и американских конквистадоров, Англия времен нормандского завоевания и вплоть до нынешней империи, Франция Людовика XIV и Наполеона I, царская Россия, Византия и Константинополь, Германия средневековых императоров, Америка наших дней — страны политического и экономического империализма и т.д. Вся эта мировая масса тирании выросла из национальностей, которые, благоприятствуемые обстоятельствами, проявили больше умения и беззастенчивости, чем все другие, и подчинили других своему ярму.

Очевидно, таким образом, что национальность является сильнейшим фактором в процессе создания власти, ибо она ставит себе на службу всех людей и все ресурсы. Никакая прямая сила не могла бы это совершить, только добровольное подчинение призыву к патриотизму превращало на протяжении всей истории каждого человека в послушное орудие вождей своей страны и того, что они называли национальным интересом. Религия является другим фактором, но так как религии стремятся распространиться на все нации и при этом позднейшие кастовые религии, буддизм, христианство и т.д. занимают место более ранних местных культов, то их развитие совершается в противоположном направлении по сравнению с национализмом, который изолирует нации. Религии были бы даже гуманизирующим фактором, если бы они действительно придерживались этого принципа. Но когда дело доходит до войны, то мы все знаем, что местные культы немедленно возрождаются. "Бог" становится тогда на сторону каждой нации особо, помогает только ей и становится врагом ее врагов. Таким образом, религии никогда не умеряли местных страстей, а, наоборот, возбуждали их. Кроме того, религии сами вели много войн за свое собственное преобладание, за преобладание христиан или язычников, католиков или протестантов и т.д.

Гигантские страны всегда распадались на части или подвергались разрушению, как разрушены будут и ныне существующие империи. Однако, они оставляют после себя части империи, радующиеся своему освобождению. Эти освободившиеся части страны неизбежно заражены таким же духом господства, стремятся и сами стать большими державами. Теперешняя конфигурация политической Европы — все еще результат распада

императорского Рима, отделения востока от запада. Рима от Византии, отчуждения севера от юга, итальянцев — от тех, кого римляне называли варварами, т.е. всех северных народов, вражда жителей средней Европы внутри и вне старых римских границ, влияние римских манер и обычаев, Франция и Германия, раздел внутри романских стран, где германское население, смешавшись с латинским и с первобытным населением, жило рядом с населением южных частей, где такой смешанности населения не было, но где возникла уже примесь африканских арабов. Я укажу здесь на Францию, Италию, Испанию, где север и юг очень различаются такою смесью рас.

В других странах позднейшие сильные расы наложили свой отпечаток: норманны из Скандинавии, заняв части северной Франции, делали набеги на северную Германию и на все другие берега до самой Сицилии, а позднее совершили завоевание Англии.

Все эти царства стремились стать могущественными государствами по образцу Рима, но так как они обязаны своим возникновением военному завоеванию, то полководцы захватили большую часть земель и сами стали феодальными властителями. Церковь приобрела много других территорий, принесенных ей в дар или завещанных ей. Города часто имели возможность, благодаря своей экономической силе, добиваться некоторой независимости от королей и, в общем, местные власти с успехом защищали себя от государства, но сами становились не менее их авторитарными и угнетающими.

Эта система могла бы существовать до тех пор, пока производство и потребление сохраняли местный характер. Тем не менее торговля и финансы стали развиваться, стали возникать торговые центры, и дифференцированная местная жизнь превращалась постепенно в препятствие по мере того, как промышленность специализировалась и продукты ее распространялись путем торговли на обширные территории. Феодальные привилегии городов, рыночные монополии и т.д. препятствовали этому ходу развития. Неустрашимый ход общественного развития создал обширные экономические территории последних столетий. Современное государство казалось сначала освобождением от местной мелкой тирании. Местным центрам мы обязаны развитием гражданской жизни, промышленности и науки, например, Флоренции, Нюрнбергу, Генту, торговым центрам, как Вена и Венеция, университетским городам, где сосредоточивалась научная жизнь, столицам, где все эти факторы сочетались с жизнью правительственных и придворных центров, вроде Парижа и Лондона. Ясно, что все эти цветущие центры требовали обширных территорий, откуда они могли бы черпать свои силы и куда они могли бы сбывать свои продукты и свою культуру. Таким образом, государства, какие мы знали до 1914 года, были созданы за время — от Карла Великого до века Карла V, а некоторые и позднее, соответственно с требованиями экономического прогресса, создавшего крупное и специализированное производство.

Это развитие, включая расцвет науки, техники, гражданской жизни и требования более значительной личной свободы, сделало возможной современную жизнь, интеллектуально зародившуюся в XVI и XVII веках, очень многим обязанную XVIII веку и приобретшую силу и признание путем борьбы со старыми привилегированными классами и революций в Нидерландах, Англии, Америке, Франции на протяжении трех веков.

XIX век, — когда подлинная наука и точная могущественная техника начали свое триумфальное шествие, когда естественные науки, техническое умение, пар и электричество стали фактами, совершенно преобразившими жизнь, — сделал интеллектуальную жизнь возможной, благодаря относительной безопасности, достигнутой европейскими странами и Соединенными Штатами после уничтожения наполеоновского империализма и испанского влияния в Америке и путем утверждения независимости в Северной Америке после второй войны с Англией.

В течение ста лет, или около того, земной шар наслаждался относительным всеобщим миром, все войны были локализованы. Это сделало прогресс либеральных идей характерным для того счастливого века. И только этот всеобщий прогресс дал возможность социализму и рабочему движению развиваться, принес освобождение крестьян, рабов и крепостных, свободную мысль и некоторые формы свободной народной самодеятельности, вроде кооперации. Затем, всеобщее обучение, свободу женщин и т.д. Все это развилось и заложило фундамент, который уже никогда не будет разрушен.

Этот прогресс явственно был связан с расширением экономической жизни, свободно развивающейся на обширных территориях, при помощи железных дорог и пароходов, проникая в самые отдаленные места земного шара и распределяя естественные богатства, добытые в дальних странах, по всему промышленному аппарату или снабжая ими потребителей новейших европейских и американских стран. Под этим давлением последние видимые препятствия для развития экономической жизни на территории одной нации были устранены: маленькие полунезависимые и вполне независимые государства пришли в тесное соприкосновение между собой. Из независимых итальянских государств и присоединенных территорий была создана объединенная Италия путем войн 1859 и 1866 годов. Германские территории были соединены экономически посредством таможенного союза. Затем препятствия к более тесному политическому союзу были устранены после войн 1866 и 1870 годов. Кобден стал проповедовать свободу торговли во всех странах. Это не было достигнуто, но многое было сделано для устранения препятствий с пути развития торговли и путей сообщения. На много лет, вплоть до 1914 года, Европа, за исключением России и Балкан, представляла собой континент, где паспорта стали рассматриваться, как принадлежность древней истории, а проживание повсюду стало свободным. Такой период ~ существовал в Соединенных Штатах, где иммигранты могли свободно высаживаться в Новом Орлеане, переходить на речной пароход и устраиваться на берегах Миссури, где им было угодно, без всякого вмешательства властей.

Национализм благоприятствовал такому ходу событий в то время. Каждый мыслящий итальянец — за исключением некоторых федералистов — работал для создания объединенной Италии, каждый немец — для создания германского государства, республики или империи с общегосударственными учреждениями, способными устранить то дробление Германии, при котором через каждые несколько миль начиналось новое государство с особой монетой, законами и правилами. Это было до такой степени явно нелепым и так давно отжило свое время в Англии и Франции. Наиболее передовые люди были против уничтожения такого бесполезного разнообразия, мешавшего свободе. В известной своей брошюре, написанной в 1870 году, Бакунин резко выступает в защиту политического федерализма в Швейцарии, так как он стоял за разумность экономического единства, т.е. за

мероприятия, введенные в Швейцарии в 1848 году и устранившие внутренние препятствия к свободе экономической жизни.

Здесь я должен напомнить читателям, что национализм был неизвестен вплоть до эпохи наполеоновской империи. Причина этого очень проста: это было вмешательство больших и малых государств в так называемую национальную жизнь. Это объясняет, почему они так хорошо сохранились на протяжении всех этих веков войн и потрясений. Это делалось не из терпимости, а просто потому, что никто об этом не думал. Образование имело очень узкие границы, и литературный язык, вместе с языками латинским, греческим, французским, итальянским, испанским, английским, немецким, служил образованным классам для сношения между собой. Рядом с этим местный диалект был языком народа и удивительно сохранился. Только случаи жестокого преследования после местных бунтов или нетерпимая религиозная политика и другие причины авторитарного порядка вдохновляли и вызывали местный патриотизм и особую любовь народа к своему языку, что было неуютно властям и духовенству. Католическая контрреформация XVII века преследовала протестантские книги, напечатанные на славянском и литовском языках, нидерландский патриотизм преследовался испанцами, Швейцария укрепляла свой национальный патриотизм в борьбе с Германией и Бургундией. Все это были отдельные случаи, вызывавшие к себе всеобщую симпатию.

Только французские завоевания и оккупации, приведшие к созданию наполеоновской империи, напомнили европейским народам об их былой независимости. Прежде чем восстать с оружием в руках в 1815 году, они возродились духовно и стали усиленно заниматься своим национальным прошлым, стали разыскивать и собирать реликвии своего средневекового литературного наследия, народные песни и сказки, местную старинную мифологию и т.д. Наступила реакция против великого разочарования, вызванного французскими завоеваниями после того, как так недавно еще Франция была центром космополитизма и свободомыслия и оказала моральную и материальную поддержку Америке в ее борьбе за независимость и при провозглашении Прав Человека.

Начиная с 1815 года, идеология национализма сохранилась в общественном сознании Германии, где надежды на реформы после падения Наполеона не оправдались. Но это был либеральный и унитарный национализм студентов и части профессоров. Несколько лет спустя это направление получило поддержку со стороны промышленной буржуазии, и это придало вес экономическому унитаризму. В Италии национальный унитаризм был либеральным по тем же причинам и также получил существенную поддержку со стороны богатой ломбардской буржуазии; кроме того, он был укреплен пропагандой Мадзини, а позднее — сильным и честным мечом Гарибальди. Он имел за собой значительную тайную поддержку пьемонтской династии и государственных людей, которые таким путем приводили к неудаче всякое усиление республиканцев и народа и достигли того, что корона объединенного итальянского королевства досталась пьемонтскому королю, а с нею и вековые владения папы. В этих двух случаях национализм был только одним из факторов, содействующих неизбежному и полезному объединению маленьких и слабых стран.

В 20 и 30-х годах два других национализма выдвинулись на первый план — национализм Польши, где он жил со времен Костюшко и был подогрет в дни Наполеона, стал

воинствующим в дни ноябрьского восстания 1830 года, а после того его сторонники удалились в почетную ссылку во Францию, Англию и другие страны. Раньше того, в 20-х годах борьба Греции против Турции хотя и была высоко дипломатическим делом, в котором чувствовалась рука России, Англии и других стран, но все же эта борьба имела свою националистическую сторону, производившую сильное впечатление, вдохновлявшую поэтов, вплоть до лорда Байрона. Успешная испанско-американская борьба в дни Боливары, которой содействовали Англия (Каннинг) и Монро, стремившиеся открыть эти огромные территории для иностранной торговли, также привлекала к себе общественное внимание.

В 30 и 40-х годах славяне Австрии и Венгрии, чехи, словаки, хорваты, малороссы в России, а также сербы, все еще до некоторой степени связанные с Турцией, — все они подняли знамя национализма, который был настолько окрашен антигерманизмом, что скрытая рука России, ее агенты и рубли, панславизм, он же панруссизм, казалось, скрывались за каждым шагом этого движения. Начиная с 30-х годов и до 1914 года Германия относилась с недоверием к этому национализму, а это в свою очередь привлекло к нему симпатии Франции.

Хорошо известно, как глубоко Бакунин ушел в этот славянский национализм, которому он хотел придать федералистские формы и вызвать в нем социальные устремления. С 1846 до 1863 года он настойчиво работал в этом направлении, хотя в позднейшие годы он уже был менее настойчив и даже временами попадал под влияние тех, кто с недоверием относился ко всякому славянскому национализму по причине явных связей некоторых из его лидеров с интересами царизма. Это недоверие увеличилось и отравило атмосферу в Австрии и Венгрии и среди немцев вообще. Если верить всем разоблачениям, напечатанным чехами с октября 1918 года, тогда это недоверие, поскольку оно относилось к позднему периоду, было не лишено основания. Так произошло то, что этот национализм стал все усиливающимся фактором, к которому относились с безусловной враждой с германской стороны и безусловно дружески — с французской стороны, совершенно так же, как сам царизм со времен Гамбетты и Скобелева считался возможным спасителем и истинным другом Франции, тогда как Германия и Австро-Венгрия считали его постоянной угрозой для себя и заклятым врагом.

В годы до войны не только европейские державы разделялись на две враждебные группы, но и среди других союзников произошло деление и к каждой основной группе больших держав присоединилось несколько малых, которые обслуживали каждая свою группу великих держав и продолжали делать это до войны 1914-1918 г.г. Всем известно, до какой степени Гартвинг в Белграде держал в своих руках все нити тайных сербских организаций, до какой степени чехи считались важными персонами в Париже, а с другой стороны, как холодно относились в Париже и Лондоне к финнам, как врагам царизма, — как Пилсудскому льстили и помогали до войны австрийцы в Галиции, как немцы во время войны пытались помогать украинцам, грузинам, ирландцам, и другим антибританским националистам и т.д.

Общеизвестно, далее, что, к концу войны и после перемирия, новые национальные государства были образованы целиком под диктовку националистов, т.е. путем присоединения многих меньшинств другой национальности, которые в настоящее время живут под гнетом национальных государств, объявивших свой язык государственным языком и делают все возможное, чтобы заставить говорить на этом языке присоединенные меньшинства. Они

действуют с несравненно большей суровостью, жестокостью и нетерпимостью, чем действовали в свое время против них самих. В сущности, с ними обращались более чем либерально. Они составляли даже правительственное большинство в Австрии почти все время с 1879 года. Тем не менее, после октября 1918 года они стали обращаться с германским населением этой страны с крайней жестокостью. Пилсудский теперь является чем-то вроде диктатора в Польше, короле Югославии — монарх без конституции. Литва имела диктатора в течение некоторого времени, Греция — также.

Куда бы мы ни взглянули, все национальные государства проявляют невероятную нетерпимость, жестокость и отсутствие прогрессивного духа, вместе с ярким милитаризмом и политическим честолюбием. Социализм подавлен национализмом, бессилён, и отчаяние гонит его в коммунистический лагерь. Беру на себя смелость сказать, что даже область культуры, столь дорогая каждой национальности, страдает при таких условиях. Прежде местная национальная жизнь, при её многостороннем разнообразии языка и обычаев, процветала. Теперь из правительственных центров городская жизнь заражает своей монотонностью всю страну. Местные диалекты стушеваются и вытесняются однообразием официального языка, преподаваемого в школах и распространяемого газетами. Народные традиции исчезают под влиянием новейших веяний и т.д. Можно сказать, что политический национализм, национальное государство является могилой национальной культуры, этой высоко ценимой местным населением сокровищницы традиций. По моему мнению, она покупается слишком дорогой ценой. В результате получается полная изоляция от соседей на протяжении долгих веков. Это отчуждение и разрыв всех связей не вознаграждается, по моему мнению, связями с далекими политическими покровителями во Франции и Англии, считающими их полезными сторожевыми псами в настоящем, удобными союзниками во время войны в будущем, а во всем прочем мало интересующимися ими.

Анархисты во всем этом могут видеть пример того, к чему приводит антисоциальность. Прогресс ведет к расширению связей между людьми, к их мирному сожительству бок о бок, как духовно родственных друг другу единиц, устрояющих свои дела путем взаимных соглашений на федеральных началах. В больших странах это лучше всего можно делать путем свободных соглашений групп или объединения групп. Это не является более необычным, чем способ, с помощью которого на территории Соединенных Штатов, от океана до океана, устраиваются повседневные дела и совершаются миллионы деловых сделок, без всяких раздражающих ограничений и вмешательства со стороны, при чем лишь бесконечно малая часть этих дел дает повод для конфликтов и судебных процессов. Если бы эта территория Соединенных Штатов была разделена на 500 или 1000 национальных государств с таможенными перегородками и особыми в каждом учреждении, законами и враждебным друг другу духом, то отсюда возникло бы бедствие, которое мне не приходится описывать здесь. Это было бы, конечно, нечто противоположное тому, что каждый прогрессивный и практический человек и каждый анархист должен пожелать. Тем не менее, это именно и было бы торжество национализма, того образца, который господствовал в 1918 году и в довоенной Европе.

Если эгоизм, изоляция, взаимная вражда, растрата сил, путем усложнения политического и экономического аппарата, являются качествами, если бы все это было целью анархистов, то

они могли бы сочувствовать этому современному национализму. Но так как они желают как раз обратного, бескорыстия, товарищества, взаимного доброжелательства, упрощения общественных служб вплоть до их полного исчезновения, до их превращения в обычную работу, выполняемую там, где она нужна, всеобщего доступа к богатствам земли, исчезновения различия между богатыми и бедными странами, — так как анархисты желают всего этого и вполне правы в этом своем желании, то что могут иметь они общего со всеми этими корыстными националистами? Анархисты являются полярною противоположностью по отношению к националистам.

* * *

Все мои симпатии принадлежат национальной культуре, охраняющей творческую работу далекого прошлого в этой области. Совершенно также мои симпатии принадлежат делу охраны долгой работы природы, являющейся нам в форме прекрасных пейзажей, гор, лесов, озер и рек, а также одушевленной природы, всех видов животных и растений, охране продуктов и искусства, ибо жизнь в здоровой обстановке всегда производит их, тогда как механизированная жизнь городов жестоко давит их, а жизнь в условиях нищеты никогда не позволяет им развиваться. При всем этом истинные анархисты должны будут признать, что механизированная городская жизнь наших дней является лишь мимолетным эпизодом. Человечество восстанет против этого образа жизни, прежде чем станет слишком поздно, прежде чем она наложит свой отпечаток на грядущие поколения и станет производить живых рабов, химически откармливаемых и, быть может, разводимых, в инкубаторах. Все это представляется нам кошмаром, рассеять который может естественная и национальная культура, владеющая средствами возрождения человека.

Я провел чудесное воскресенье 3 мая в Сан Кугат, за горной цепью, которая окружает Барселону. Там, в сосновом лесу, несколько сот товарищей и их семей собрались на пикник и провели день в полном согласии, варили пищу, играли в простые групповые игры, временами слушали ораторов, артистов, декламаторов революционных стихов, и все это, не употребляя напитков, почти не занимаясь куреньем, весело распевая и отдаваясь беспредельному веселью и оживленным разговорам. Это был день, проведенный в анархической Аркадии. И этот день дал мне новые надежды. Я сразу почувствовал себя перенесенным приблизительно в 1831 год, когда современная механизированная жизнь была неизвестна. Потом я перенесся в 2031 год, когда, я надеюсь, от современных оргий рационализованного машинизма останется лишь смутное воспоминание. Эти товарищи, среди которых было несколько самых крайних анархистов, — людей, которые до наступления нынешней перемены десять раз ставили на карту свою жизнь, являются истинным звеном между более терпимым прошлым и счастливым будущим. В этом духе согласия и постоянства мы можем и должны быть истинным авангардом прогресса, и тогда многие присоединятся к нам.

Эти каталонские рабочие также стоят перед резко поставленной национальной проблемой, но они разрешают ее в ином духе, чем националисты, победившие в 1918-1919 годах. Они принадлежат к школе Франциско П. Маргала, знаменитый труд которого "Национальности" был напечатан в Мадриде в 1877 году и представляет собой испанский учебник

национального федерализма. Я не могу обсуждать здесь каталонскую проблему и только напомню тот факт, что каталонский язык, высоко развитый с давних времен, родствен народному языку юга Франции и совсем не принадлежит к испанской ветви ново-латинских языков. Каталонцы имели свое независимое государство с давних времен, и если бы это государство возродилось, как того желают многие каталонские националисты, то оно создало бы богатую и плодотворную страну, совершенно однородную в отношении языка и национальности, хотя и с очень клерикально настроенным большинством крестьян и части городского населения, а с другой стороны, здесь были бы самые передовые анархисты, синдикалисты и самые радикальные республиканские элементы в качестве сильного меньшинства.

Национальное Собрание испанских анархических синдикатов в Мадриде 23 апреля приняло следующую резолюцию, которая подробно объясняет и защищает идею против националистов-сепаратистов и их газеты "Nosaltres Sols" (что в переводе означает "Мы одни") в Барселонской ежедневной газете "Solidaridad Obrera" от 5 мая. Автор ее товарищ Ж. Пейро, один из самых выдающихся синдикалистов, каталонец из Маторо, около Барселоны. Он дает понять, что идеи этой резолюции принадлежат ему. Точный текст резолюции таков:

"В душе человека живет врожденное предрасположение быть свободным, независимым, но эта свобода, эта независимость должны быть гарантированы общей мыслью: жизнь обеспечивается путем солидарности и взаимопомощи. Разум и ясная мысль толкают народ с величайшей настойчивостью к завоеванию этой свободы.

"Каталония всегда шла во главе этого крестового похода. Другие области смотрели с симпатией на бунтарский жест Каталонии и всегда оказывались склонными помочь ей. В настоящее время проблема изменилась. Режим пал. Абсолютизм свергнут, появились заря дней новой свободы. Но эта свобода, это стремление к самому высокому, что должно быть гарантировано всеобщим союзом, может быть омрачено тенью — тенью каталонского сепаратизма.

"Национальная Конфедерация Труда не может признать сепаратизм, нарушающий единство и органическую жизнь пролетариата. Она пришла к этому заявлению не путем утверждения республики, как системы правительства, ибо юридические, экономические и гуманитарные проблемы, которые пролетариат должен разрешить, лежат далеко за пределами республики, как лежат они далеко за пределами всякой вообще системы, принижающей свободу человека. Для рабочих не существует ни режима, ни отечества, — существуют только люди, гармония, человечество. Внутри человечества существует только экономическая необходимость с ее обычаями и особенностями.

"То, что составляет подлинную сущность человека, должно уважаться при федералистической системе, которая началась в Испании, которая будет усвоена всеми другими странами Европы и охватит все человечество. Но эта система не столько разделяет, сколько соединяет, не столько раскалывает, сколько укрепляет. Поэтому сегодня, перед лицом рождающегося нового режима, Национальная Конфедерация Труда заявляет, что всей своей энергией, всеми силами, вызванными на улицы, она будет противиться всякому сепаратистскому желанию, будет ли оно исходить от каталонского, галицианского или

баскского района, применяя способы от генеральной стачки до вооруженного восстания. Начиная от пассивного сопротивления и вплоть до гражданского неповиновения, она будет применять все средства, чтобы обратить в ничто власть, которая вздумала бы нарушить это единство, ибо в истории пролетариата и Национальной Конфедерации Труда нет путей, ведущих вспять, а есть постоянное движение вперед и выше, в поисках абсолютного правового и экономического равенства. Поэтому федеративные армии, со всей силой, порожденной их историческими жертвами и их любовью к свободе, требуют сегодня, чтобы это необходимое единство было сохранено в интересах всех людей, а завтра, если это требование не будет услышано, армия осуществит его силой.

"Федеративная армия несет этот дух согласия во все области путем национальных митингов. Прологом к этой кампании послужит акт большого общественного значения в Барселоне, при котором должны будут присутствовать представители всех областей и который скажет душе всех рабов, чтобы они более твердым шагом шли вперед, объединенные стремлением к федерализму, заставляющим трепетать весь коллектив".

В этой статье от 5-го мая Ж. Пейро замечает: "Линия, отделяющая национализм от федерализма и свободы, основанных на всеобщей солидарности народов, представляет собой основу позиции Национальной Конфедерации Труда перед лицом каталонского сепаратизма. По внешности этот сепаратизм означает национальную свободу Каталонии, но в свете исторического опыта национализма не дает ни малейшей гарантии постоянной политической, экономической и социальной свободы для каталонцев"... "Н. К. Т. склонна восстать и воспротивиться всеми способами также и против испанского империализма и против каталонского сепаратизма... Н. К. Т. желает защищать, в качестве исходной точки в направлении к лучшему миру, чем нынешний, величайшую свободу для всех испанских народов внутри их солидарной федерации. И в качестве величайшей свободы, какой мы желаем для всех народов, мы считаем принцип иберийских (полуостровных) национальностей (Испании и Португалии), но без границ, с тем, чтобы ни один кастилец, галицианин или уроженец местности по ту сторону Эбро, никогда не считался бы иностранцем в Каталонии..."

Далее, Ж. Пейро замечает: "...Для анархистов и синдикалистов, свобода национальностей, целиком основанная на этических данных, не тождественна с ограждением части территории внутри границ. Язык, культура, а также различия рас не являются для нас причинами для разделения людей путем искусственных границ. Мы считаем имманентным, абсолютно неоспоримым право всех народов культивировать свой язык, развивать культуру и сохранять естественные традиции, коренящиеся в их душах. В последней глубине наших существ, как людей и идеалистов, хранится мысль, что не только области и муниципалитеты, не также индивиды, должны пользоваться величайшей автономией и свободой. И в качестве синдикалистов и анархистов, именно потому, что мы согласны с этой резолюцией, вызвавшей столько споров, мы будем бороться за то, чтобы Каталония получила максимум свободы, но мы также будем бороться и за то, чтобы право на такую же свободу было признано за другими областями..." Н. К. Т. ... "заявляет, что она будет выступать против границ, которые, желают ли того люди или не желают, являются отрицанием принципов интернационализма, которые так интересуют пролетариат Каталонии и всего мира..."

Эти выдержки из замечаний уравновешенного и опытного активиста читатель должен признать вполне согласными с моими замечаниями в настоящей статье. Величайшая местная свобода для всех неагрессивных выступлений, для всей культурной жизни, но в пределах солидарности ныне существующих больших стран или внутри той бес-предельности, какую является человечество в целом, — и такая же свобода для всех других: вот то, что анархисты не только охотно признают за национализмом, но что они считают неотъемлемым его правом, ибо каждому виду и каждому индивиду человеческого рода принадлежит право жить полной жизнью. Большого они требовать не могут.

* * *

Страны, сложившиеся в Европе до 1914 года, обязаны были своим происхождением бесчисленным интригам и преступлениям государственных людей, жестоким войнам, жадности, угнетению и проч., но если бы только это составляло их базис, то они не могли бы существовать в течение целого века с 1815 до 1914 г., претерпев лишь сравнительно немного территориальных перемен и не испытав никаких действительных перемен в общем равновесии. Это доказывает, что в главном они отвечали экономическим, географическим, историческим и другим потребностям. Произвести все огромные перемены 1918-1919 годов, дав полный простор жадности и жажде мести националистов, это означало разрушить экономическую жизнь этой части земного шара преднамеренно, а это не замедлило бы оказать свое влияние на все страны земного шара. Эта работа национализма была преступна, и очень многие народы видят это теперь. Разрушить экономическое единство Испании, после более чем 4-х столетий связи между Каталонией и остальной частью современной Испании, означало бы повторение того, что было сделано в 1918-1919 годах в других странах. В это роковое время анархисты и в сущности все рабочие оставались безмолвными и дали возможность националистам восторжествовать.

На этот раз испанские рабочие, анархисты и синдикалисты, подняли тревогу и сказали, что они не допустят этого разрыва. Это показывает, что они обладают здравым смыслом и являются крупным поражением сепаратизма, если они победят. Очень характерно, что испанские коммунисты, малочисленные, но обзаведшиеся, конечно, своими собственными большими газетами, утверждают, что их 20.000 там, где на деле их всего двадцать, и такие люди слынут в Каталонии сепаратистами и патриотами. Троцкистская фракция именно так поступает. Но так как они, в то же самое время, настойчиво обращаются к исполкому своего интернационала с просьбой вновь принять их в основную партию, то можно предположить, что они уже теперь действуют в согласии с общими коммунистическими планами. Планы же эти для Испании состоят в том, чтобы создавать расколы, столкновения, беспорядки и разрушения всеми способами. Будем желать, чтобы сепаратисты оказались столь же рассудительными, как анархисты и синдикалисты, которые зорко следят за этими врагами, шляющимися вокруг них.

Анархисты всех стран сделали бы хорошо, если бы прониклись принципами и практикой федерализма. Известно, что эти принципы очень привлекали к себе Петра Кропоткина, когда, — к несчастью, слишком поздно — он заметил отсутствие их в русской революционной психологии и стал пытаться убедить товарищей, чтобы они изучали этот

вопрос. Однако он был вынужден очень рано покинуть Москву в то время и удалиться в Дмитров. Очень мало вероятно, чтобы революция в близком будущем в какой-нибудь стране разделила бы ее на анархические группы или синдикаты, но будут перемены в структуре, которым должно быть дано федералистское направление. В Испании это хорошо было подготовлено П. Маргалом, но в других местах было сделано очень мало.

В своем журнале "Pensiero e Volonta," 1924-1926, Малатеста напечатал статьи о федерализме, который очень немногие, но замечательные авторы пытались ввести в итальянскую реконструкцию, но в этом воспрепятствовал им Мадзини со своими объединительными тенденциями.

Здесь, в федерализме, заключается настоящая задача для истинного, не-захватнического национализма. Анархическое применение этого принципа, о котором и помыслить нельзя в централизованном государстве, могло бы найти свое первое осуществление в автономных частях федеративного государства. Тем, кто заявляет "все или ничего" это не понравится, но те, кто говорит "все в свое время" и "начнем сначала," — не станут пренебрегать федерализмом.

Вот что я могу сказать теперь об анархизме и национализме. Если мне будут сделаны возражения, то я постараюсь обсудить их, ибо этот обширный вопрос не может быть здесь исчерпан.

Барселона, 1931.

Анархизм и религия

1930, источник: [здесь](#).

Единственная связь между религией и анархизмом состоит, по моему мнению, в том, что они занимают места на противоположных полюсах человеческой эволюции. Религия, в ее ранних, начальных формах, развивалась на первых ступенях эволюции, а анархизм, в его многочисленных формах, на позднейшем этапе развития человечества. Ибо религия возникла из потребностей первобытного человека защищаться против многих непонятных ему сил природы и вести борьбу с ними. Для этого ему требовалось истолкование этих сил, дающее представление о них. Он судил об этих силах, как судил о людях, принимая в соображение их силу, их волю, их цель. Он приписывал подобную же злую силу и недобрую цель силам и явлениям природы, действовавшим вокруг него. Так же он понимал животных, считая их своими врагами во всех случаях, когда они не являлись его жертвами или добычей. Он не только сражался с ними, но и пытался умиловить их с помощью различных форм культа, устанавливавших связь с животными, почитание их и бережное отношение к ним.

Помимо хитрости, нападения или защиты, метод умиловления неизвестных сильных врагов состоял в том, чтобы либо сражаться с ними, если это возможно, либо признать их превосходство путем всех видов покорности, от раздела власти с ними, до униженной покорности и приношения дани, напоминавшего жертвоприношения божествам. Эта иерархия людей и сил природы (а также, на протяжении долгого времени, и почитаемых сильных животных) вела во всех случаях к тому, что из нее выводили общие законы и обычаи и создавали охранителей их. Эти законы и обычаи никогда не шли очень далеко против интересов вождей и жрецов и всегда были более или менее согласованы между собой. Материальные интересы вождей освящались жрецами с помощью соответствующего истолкования божественной воли — и обратно, за счет всего остального племени.

Из этого тройного ряда властей — вождей, жрецов и высших животных — группа вождей стала выделяться по мере того, как население становилось гуще, личные потребности возрастали, и все шире развивались торговые отношения, делая собственность более ценной в силу ее редкости. Власть вождей превращалась в чрезвычайно развитую систему политического и экономического господства сильного и богатого. Власть жрецов, вначале бывших только искусственными лекарями, возвысилась до священной сферы абстрактного, к большой выгоде жрецов. На первых ступенях общественного развития ждали материальных результатов от предполагаемого искусства жрецов умиловлять божества. С того же момента, когда их деятельность поднялась до строгой сферы молитвы и внутренних чувств, никто уже не мог проверить результатов возносимых жрецами молитв, а это было много удобнее для благоденствия жрецов и увековечения их духовной власти. Только животные, не имевшие прямых представителей среди людей, были заброшены, и лишь некоторые выражения — "мудры, как змии" и тому подобные — напоминают нам о былом равенстве

животных с вождями и божествами.

Религия, таким образом, может быть определена, как наиболее ранняя попытка истолкования природы людьми, бывшими совершенно невежественными и неразвитыми. В их умах сохранились следы того, что думали их животные предки до того момента неуловимого, как математическая точка, — когда они перестали быть животными и стали считаться людьми. Ибо мы замечаем, что естественные явления, неизвестные материальные факторы, неожиданные события оказывают сильное влияние также и на животных. Таким образом, путем накопления бесконечно малых увеличений интеллекта, на протяжении долгого времени, эта дифференциация вела к постепенному развитию первобытного дикаря и к превращению его в современного дикаря высшего типа, который двенадцать лет тому назад, в 1914-18 г.г., истребил каких-нибудь десять миллионов своих братьев в мировой войне и который далеко еще не излечился от готовности к новым массовым убийствам.

С другой стороны, анархизм изо всех сил спешит уйти от примитивного прошлого и стремится к максимуму понимания и управления силами природы во вселенной и к их полезному применению, то есть к величайшему возможному совершенству науки и прикладной науки, техники. Он стремится также сделать людей самими собой, по личному почину создающими коллективы, храмы знания, исследования и взаимного благоволения, — всего того, что хорошо для индивида, для общины и для человеческого рода. От законов, изданных и проводимых властью вождей, королей, парламентов, от моральных правил, провозглашаемых жрецами, анархизм идет вперед к людям, становящимся своими собственными законодателями, создающими свои обычаи и привычки в согласии со своим собственным опытом, вдохновляющимся разумным и бескорыстным чувством дружелюбия ко всем людям. Уже много раз было сказано, но надо еще раз сказать, что анархизм не стремится ввести какой-нибудь новый, искусственный элемент в человеческую и социальную жизнь, т.е. он не желает навязывать что бы то ни было, даже самого себя, он только стремится строить на прогрессивных элементах в человеке. Эти элементы существуют на деле, ибо, начиная от пещерного жителя и вплоть до симпатичных людей нашего времени, которых каждый встречает даже в нынешней жалкой жизни, всегда была потребность усилить и подкрепить эти тенденции к уходу от прошлого и к развитию в направлении к свободе и солидарности.

Итак, на этом пути религия оставлена позади так же, как власть и привилегия, как невежество и предрассудки, как насилие и покорность, как нетерпимость и многие другие мощные, но роковые и бесконечно вредные факторы мрачного прошлого. Эти силы реакции образуют сплошную фалангу, но противодействующие им прогрессивные силы образуют такую же фалангу — свободу и равенство, науку и независимое исследование, взаимное доброжелательство, независимость и терпимость. Много недоразумений и неудач возникает от смешения этих двух рядов — ретроградных и прогрессивных сил. Скрещение их может быть неизбежно, ибо люди несовершенны и ими владеют многие стремления, но мы всегда должны стремиться к лучшему. Мы можем заблуждаться и уклоняться от правильных путей вследствие ошибки или слабостей, но мы не должны возвышать наши ошибки и превращать их в принципы и в правила поведения, — вот чего нельзя простить и вот что надо останавливать и подвергать критике с помощью аргументов.

Не может быть безусловной уверенности в том, что эволюция примет такое направление, и возможно, даже вероятно, что в отдаленном будущем человеческий род станет вырождаться, или что земной шар будет поставлен в такие условия, которые сделают медленное разрушение или катастрофический конец неизбежными.

Ледниковые периоды уже бывали в истории, и ни одна звезда не защищена против окончательного исчезновения или перегруппировки ее составных элементов. Однако, на протяжении очень многих веков жизни человечества, доступных нашему исследованию, наблюдается огромный интеллектуальный и социальный подъем, и все это в направлении, указанном выше. Нет оснований ожидать, что все это изменится или остановится как раз в наше время, когда великие затруднения стоят перед многими народами и когда высоко поднялась реакционная волна, которая, как и всякая волна, спадает, ни в каком случае не являясь еще предвестником интеллектуального и морального ледникового периода.

На самом деле происходит то, что огромный прогресс последних 150 лет в растущей степени проникает в отсталые части человечества, в его огромное большинство, хотя не привлекает это большинство целиком на сторону прогресса, но заставляет его трепетать за свою безопасность, за пользование властью и привилегией, средствами эксплуатации других людей и содержания их в невежестве. Короче говоря, все реакционные силы, которым до конца XVIII века бросали вызов только свободные мыслители и бунтари, которых за это угнетали и сокрушали, теперь постепенно встречают сопротивление целых населений — политически, и многочисленных отрядов эксплуатируемых масс — социально. Это вызывает сильнейшее сопротивление реакции, и она приводит в движение» небо и землю, чтобы сохранить под собою почву. В эти годы мы находимся в центре этой отчаянной борьбы.

Чарующим зрелищем является ход освобождения человечества в течение этих 150 лет и, в меньшем масштабе, ход этого освобождения из века в век в прошлые времена. Но было бы благоразумно изучать одновременно и постоянные усилия тех, кто старался остановить ход этого процесса, чтобы закрепить порабощение людей. Мы слишком легкомысленно представляем себе, что инквизиция — дело прошлого, что ведьмы более не предаются сожжению, что пытки отменены (так ли это?), что торговля неграми и крепостничество более не существует, что свобода совести и свобода слова завоеваны и что, одним словом, старый режим умер и похоронен. Мы слишком мало наблюдаем, ибо предмет этот для нас неприятен. Против прогресса велась отчаянная, фантастическая, хитроумная борьба — монархическая, аристократическая, аграрная и всякая иная борьба, путем настойчиво ведшейся пропаганды, то явной и шумной, то скрытой и неслышанной, переходившей, при всякой возможности, к диким приемам и праздновавшей жестокие триумфы торжествующей мести.

Борьба за свободу подрывалась или отравлялась. Освободительное движение встречало систематическое сопротивление со стороны Вандеи, эмигрантов, британских антиякобинцев, французской "пропаганды" (иезуиты), мистиков реставрации, вплоть до реакционных сил, повсюду действовавших, как роса, на пробужденные народы 1848 года в Европе, вплоть до клерикальных сил, организованных против всего, что было свободомыслящего в Европе 60-х и 70-х годов прошлого века.

В других случаях, антисоциализм, махровый национализм, огромный антисемитизм, жадность аграриев (повышение цен на съестные припасы) — все это систематически направлялось и организовывалось с помощью больших денежных сумм и при значительной правительственной и капиталистической поддержке. Все либеральное, свободомыслящее, социалистическое, каждый аргумент и каждый идеалистический призыв разбивались об эту стену организованной реакции, недоступной убеждению и вовсе не считавшей себя связанной какими бы то ни было правилами честной борьбы. Лишь более пристальное изучение всего этого объясняет, почему, с наступлением войны 1914 года, большая часть свобод, считавшихся окончательно завоеванными, была аннулирована. Когда война окончилась, то все ожидания, что эти свободы будут восстановлены, во многих случаях оправдались лишь в слабой степени, в то время как реакция, бесспорно, делала успехи, и целые цветущие страны, бывшие наиболее радикальными центрами на протяжении целых поколений, как Италия, были сравнительно легко и быстро поставлены на службу реакционному режиму неслыханной грубости — фашизму. В других странах фашизм нашел многих сочувствующих, даже восторженных поклонников и подражателей.

Стало быть, не совсем неожиданно все это встало на пути прогресса. Свирепая борьба началась с восстаний против Французской Революции, — если не с попыток иезуитов, организации которых были в нескольких европейских странах в прошлом поколении и которые организовали реакцию, чтобы вернуть себе утраченное. Эта борьба все еще свирепствует среди нас сильнее, чем когда бы то ни было. Несколько европейских стран находятся в лапах этих элементов в настоящее время, в их же щупальца попали большие южно-американские республики. Повсюду реакционные силы надеются остановить ход прогресса. А что произойдет потом — показывает судьба Италии с 1922 года.

Религия, власть и собственность — становой хребет этого перманентного, никогда не складывающегося оружия контрреволюционного движения, и представители каждой из трех перечисленных сил знают, что их интерес общий и один и тот же. Деньги, власть и фанатизм являются, таким образом, страшным врагом, внутренне объединенным. Тот, кто стал бы бороться против одного из них, сделал бы ошибку. Это и случилось с европейским либерализмом, боровшимся с политической реакцией и клерикализмом, но желавшим сохранить собственность — он был, и сейчас остался, почти уничтоженным. То же самое случилось с авторитарным социализмом, — борясь против собственности, но стремясь к власти для себя и считая, что он очень умно поступает, оставляя религию в стороне, весь европейский социализм оказался в неустойчивом положении. При всех своих избирательных успехах, получая на выборах голоса почти всей массы рабочих, социализм имеет против себя не только капиталистов, но и всю массу клерикальных крестьян, и бессилён даже там, где он, как будто бы стоит у власти. Антиклерикализм, свободная мысль, сами по себе также не могли оказать влияния на ход событий, и римский папа, мишень нападок либеральной Италии на протяжении нескольких поколений, побратался с Муссолини и, два года тому назад, стал святыней в Италии.

Религия, таким образом, во всех своих организованных формах оказалась жестоким и неутомимым врагом прогресса и ничем иным и быть не могла. Ибо она, даже в своих позднейших формах, продолжает поддерживать те самые взгляды, которые были сформулированы тысячи лет тому назад. Если и были нововведения, то они были продуктом

отдельных индивидов, как, например, авторы мормонской библии сто лет тому назад, или авторы "исправленной" библии, с которыми я случайно познакомился и которые, может быть, все еще живут среди нас. Чтобы заставить народ поверить во все это в XIX или XX веке, необходимо, чтобы это было сделано в ранней молодости человека, когда он не обладает еще ни критическим смыслом, ни историческим и научным знанием. Далее требуется, чтобы взрослые люди, воспринявшие такие верования в детстве, были бы постоянно укрепляемы в них. Их надо удерживать от соприкосновения с современным научным знанием, а где можно, то и внушать им недоверие и презрение к знанию, результату исследований специалистов в каждой стране, за которыми непосвященные не могут уследить, но которые — по крайней мере, главные новейшие открытия — очень скоро становятся общим достоянием всех образованных людей на всем земном шаре.

Только путем систематического содержания детей и взрослых в таком невежестве могут клерикалы школ, университетов и прочих рассадников организованной религии поддерживать свои религиозные системы — совершенно так же, как самодержавные монархи заставляют умолкать голоса либералов, а капиталисты повсюду удушают каждый социалистический голос, и все вместе делают все возможное, чтобы анархизм никогда не мог возвысить свой голос. Эта позиция религий во всем мире ни в какой мере не может быть оправдана тем, что среди верующих можно насчитать несколько прогрессивных и социально мыслящих людей. В прежние времена церковь устраняла таких еретиков самыми жестокими способами. Но вот уже несколько поколений, как такие разновидности верующих стали допускаться церковью, то получая от нее признание, то отрицаясь ею, то пользуясь ее поддержкой, то принуждаясь к молчанию, смотря по требованиям духовной политики. В некоторых случаях от скрещения со свободной мыслью нарождались либеральные протестанты и католики, а от скрещения с социализмом нарождались искренние реформаторы, которых церковь не любит и выбрасывает из своей среды. То скрещение с зажиточными крестьянами, мелкой буржуазией и государственной реакцией, которое во многих странах выдвигает христианско-социальную разновидность, полезно и Церкви, и Собственности, и Государству, и оно очень модно теперь в Европе. Я наблюдал все эти разновидности много лет и думаю, что они являются современным авангардом реакции: если сюда попадает настоящий социалист, то видит, что здесь нет места для него. Как нет белых воронов, так нет прогрессивных религиозных деятелей, а если и есть исключения, то рядом с каждым социалистом, или даже анархистом, оказываются сотни тысяч равнодушных или даже реакционеров. В серьезных вопросах исключения не могут перевесить того, что является правилом.

Поэтому, как только религия появляется в качестве активного фактора, она оказывается нашим открытым врагом, иначе и быть не может. Если ваш лучший друг предложит вам велосипед, изготовленный в 1870 году, или автомобиль производства 1890 года, то вы вежливо откажетесь от такого товара, и будете считать вашего друга человеком заблуждающимся или плохо осведомленным. Если религиозный человек представит вам создание вселенной, как оно было изображено авторами библии 2000 лет тому назад, вы почувствуете, что телескопы, и математические вычисления современных астрономов дают больше гарантий точности и будете рассматривать библейские толкования, как вы рассматриваете рассказы, собираемые этнографами, — как интересные образцы древнего фольклора. Вы, может быть, понимаете механизм ваших часов, но ваш маленький сын его не

понимает, (как и я сам не понимаю его), и потому все такие мнения необразованных людей нашего времени или прошлых веков не идут в счет.

Мы знаем тысячи религий или подобных религии верований и, вероятно, сотни тысяч божеств, и нам известно о ранних народах, считавших одушевленными и приписывавших силу творить добро или зло значительному числу деревьев, рек и так далее. Общепринят тот взгляд, что уменьшение числа этого множества божеств до одного божества является большим достижением прогресса, а многие считают это достижение конечным достижением прогресса. По моему мнению, монотеизм был реакцией, отвечающей росту абсолютной власти монархов и государств. Эта власть становилась более сильной с ходом времени. Грубый восточный деспотизм и греческий федерализм проложили себе дорогу к еврейской и римской моно-государственности. Деспотизм сокрушил многих местных богов и поставил единое Государство-Бога рядом с Богом-Государством. Мы все еще живем в этом государственном периоде, и со стороны государства Бог всегда в безопасности. Французская Революция дала ему специальный диплом на право быть Верховным Существом, которому республика разрешила поклоняться.

Русская революция на ее нынешней ступени привела к такому могуществу государства, что она отказывает богу в разрешении на существование. Всякое такое соперничество между государством и "богом" является внутренним делом соперничающих деспотических фикций, и это соперничество не может интересовать современных людей, которые думают, что пора уже отослать обоих — и бога и государство в этнографический и исторический музей.

Есть люди, подчеркивающие недостаточность и изменчивость результатов науки и отсутствие исчерпывающего решения всех научных проблем о вселенной. Очевидно, что никогда не придет день, когда ученый напишет последнюю строку какой-нибудь книги и скажет интервьюеру, что ныне разгадана последняя загадка вселенной, что отныне наука все знает и что, следовательно, отныне будет уже безопасно сомневаться в библейском рассказе о сотворении мира. Есть в наши дни и такие люди, которые считают, что вся наука оказалась несостоятельной, ибо Эйнштейн доказал, что она во всем не права, будучи только "относительной" — и на этом кончается осведомленность большинства таких людей об Эйнштейне.

А поэтому наука объявляется не имеющей значения, тогда как на самом деле наука только в XVII веке могла приступить к исследованиям с некоторой долей безопасности от клерикальных преследований и стала пользоваться полной свободой и общественной поддержкой, а также усовершенствованными инструментами, только начиная с первой половины XIX века. Утверждения книги, написанной тысячу лет тому назад, в десять тысяч раз менее ценны, чем некоторые современные и временные результаты или гипотезы. Бесполезно дольше спорить с людьми примитивного умственного развития, продолжающими считать Библию выше науки. Я упоминаю о них только потому, что такие люди встречаются среди нас массами, влияют на общественные дела и удерживают общественное мнение на чрезвычайно низком уровне. Очень часто такие люди агрессивны и увлекают за собой равнодушных, увы, входящих в союз Религии, Собственности и Власти.

Разумеется, многие готовы пройти мимо всего этого и подчеркивают значение религии, как наиболее пригодного механизма для внедрения моральных доктрин и для поддержания добропорядочного поведения среди молодых и старых людей. Так было в допотопные времена, когда животные инстинкты постепенно превращались в человеческие обычаи. Это было действительно важно, ибо обычаи смягчали (как я думаю) силу инстинкта (приобретенные привычки). Свобода действий (отличающая людей от животных) не имела возможности развиваться в более широкую и подлинную свободу (сознательную и социальную). Она как будто требовала принуждения и, таким образом, (а отчасти также путем защиты слабого против опасности) возникла власть — сначала среди людей, а потом она стала приписываться также обожествленным силам природы и наиболее сильным животным. Племенной "свод законов" стал, таким образом, строже применяться, так как ему стало приписываться божественное происхождение, и он был поставлен выше споров и поправок (за исключением тех случаев, когда это требовалось в интересах власти).

Разве мы не выросли из этого примитивного периода, не переросли его"? Религиозные люди хорошо это знают. Умеренные люди наших дней придерживаются социальных принципов, возникающих из социальной жизни и из их собственного сознания. Религия ничего не может им сказать такого, чего и без того не знал бы живущий приличной жизнью человек. Зато религия сообщает им много бесполезных знаний и сама она давно уже превратилась в воскресную церемонию. Так ее понимает множество религиозных конгрегаций, не имеющих практического влияния на общественную жизнь.

Все выше сказанное правильно также относительно религий, при которых люди, находящиеся под влиянием религиозных верований, объявляются пророками, мистиками, ясновидцами и т.д. Исходя из других сведений, исследований или самостоятельной мысли, эти люди создают религии, как поэты создают поэмы, или как романисты пишут романы, и все такие продукты творчества могут найти друзей, спешащих откликнуться на такие учения. Так как подобные ясновидцы в некоторых случаях обладают моральной силой, позволяющей им подняться над ортодоксальной религией и так как ими движут бескорыстные мотивы, то их творчество может быть открыто для социальных или даже либертарных чувств, но какое может это иметь значение? Нормальные люди всегда будут иметь другие способы для ознакомления с такими идеями. Люди, создающие эти идеи, не могут, по-видимому, сами себе помочь, но это их частное дело.

Что касается претензий учителей оккультизма, например теософов, связать свои доктрины на протяжении веков с древними доктринами, символами и прочее, то возможно, что существуют подпочвенные связи, известные или вновь открытые, или являющиеся предметом более или менее вероятных гипотез. Чем древнее и чем более устойчивее такие заявления и доктрины, тем меньше их ценность, ибо давно известно, что наиболее древние учения являются, как правило, и наиболее отсталыми, и наиболее ошибочными. Нет сомнения, что в каждом организме, в том числе и в человеке, по необходимости очень значительно число разнообразных действующих сил природы, дающих импульсы изнутри, или получающих импульсы извне, ибо нет линий, полностью отделяющих одни организмы от других. Но об этом мы знаем бесконечно мало, и если специалисты по оккультизму или их древние предшественники знают больше, то совершенно невероятно, чтобы такое знание осталось до сих пор "оккультным".

Во все времена были люди, чувствовавшие, что существует подсознательная деятельность, и над некоторыми людьми, одаренными исключительно тонкой организацией, были сделаны наблюдения. Но все это дело чистого научного исследования. Моральные и эмоциональные идеи, основанные на таких (окультиных) доктринах, не имеют никаких собственных заслуг. Это правильно в применении, между прочим, к утверждению о том, что зло, причиненное в предыдущей жизни, искупается в нынешней жизни, или о том, что зло, содеянное в нынешней жизни, будет искуплено в будущей жизни. Это правильно также в применении ко всей фикции о метасихозе (переселение душ из тела в тело). Это — произвольное видоизменение фикции о рае и аде, существующей во многих религиях. Все эти фикции о "загробной жизни" возникли из работы мозга во время сна человека, из сна, во время которого мы приходим в соприкосновение с отсутствующими людьми, с живыми или мертвыми знакомыми и многими незнакомыми, и который ставит нас самих в странные, а часто и физически невозможные положения. Вся религия целиком может быть построена на этой основе. Загробная жизнь и фикция о душе несомненно возникли в этом богатом мире, который столь странным образом сопутствует нашей повседневной жизни.

Во многих людях живет такое ощущение, как будто (по их словам) эта безбрежная Вселенная или этот сложный земной шар должны иметь творца и направляющую мысль. Но это — пустая словесность, ибо "создатель" бесконечной Вселенной должен быть больше Вселенной, а его, в свою очередь, некто еще больший должен был раньше создать и воспитать и снабдить его материалами и инструментами, и так до бесконечности, а это — пустая болтовня...

Где бы мы ни повстречались с религией, мы видим, что она безнадежно погрязла в примитивной нейтральности. Эта фаза соответствует первым попыткам интеллекта разобраться в необъяснимых явлениях природы, попыткам ребенка одушевить куклу или склонности дикаря приписывать душу часам, когда они слышат, как часы тикают. И так далее. Только потому, что религия является таким превосходным орудием для выражения желаний власти для того, чтобы держать народ в умственном детстве на протяжении всей жизни, и для того, чтобы удовлетворять их жалобы путем обещаний, подлежащих осуществлению в воображаемом раю, имея платоническое удовлетворение думать о том, что угнетатели народа будут жариться в воображаемом аду, только будучи таким образом, вплоть до сегодняшнего дня, орудием власти, собственности и реакции, только таким образом религия смогла сохраниться в виде пережитка и остаться препятствием, барьером на пути прогресса, как союзник тех, кто желает держать человечество в угнетении и невежестве, бедности и покорности воле угнетателей и эксплуататоров.

Отношение социалистов к религии было чрезвычайно различным, не к выгоде для нашего общего дела. Нет сомнения, что новые религии строились по большей части на более прочном базисе, чем старые религии, которые они стремились заместить. Так поступило христианство в противоположность иудаизму, язычеству Греции и Рима и восточным религиям. Мы знаем, как быстро этот примитивный идеализм, смешанный с кое-какими социальными учениями, пришел к концу и уступил место официальной римской церкви. Все европейские бунтари средних веков собирали своих приверженцев более или менее во имя восстановления первоначального идеала христианства. Так поступали христиане во время

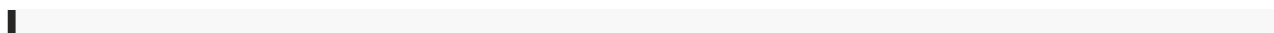
своих восстаний и анабаптисты XVI века. Французская революция имела против себя священников, ибо она выступала в качестве нарушителей их привилегий и посягнула на их богатства. Священники сумели придать их делу внешность народного дела и стали в позу мучеников, но после 1815 года они снова стали орудием самой жестокой реакции во Франции, Испании и Италии.

Протестантские церкви, в особенности же кальвинисты и английские пуритане, стали на сторону поднимавшегося капитализма и сделались духовными союзниками империалистических завоевателей. Они сочувствовали капиталистическому производству и суровому принципу "дай" и "бери", резко отличавшемуся от более добродушных нравов капиталистических стран, которые в то время были превзойдены протестантскими странами в виде накопления богатств. Ранние социалисты знали все это. Они видели, что религией пропитаны все бедные люди, католики или протестанты. Поэтому некоторые из них думали, что лучше будет не касаться религиозных мнений народа вовсе. Некоторые социалисты даже пытались выдать свои собственные учения за новую религию (Сен-Симон), или же связывали новейший коммунизм с примитивным христианским коммунизмом (Кабэ), или, как Роберт Оуэн и Шарль Фурье, — наиболее прогрессивные из социалистов того времени, — излагали свои собственные идеи независимо от их несовместности с религией (особенно Роберт Оуэн поступал так). В Англии, где религия заняла такую позицию в общественной жизни, начиная от Годвина и Оуэна, она мало влияла на социалистическое и рабочее движения, вплоть до 1848 года, пока христианские социалисты (сравнительно не очень ханжеского типа, вроде Кингслей и Ф. Д. Мориса) и Мадзини, с его теоретическим псевдосоциализмом, не овладели положением.

Во Франции после сенсимонистов, Ламенэ и Огюст Конт дали социализму 30-х и 40-х годов совершенно спиритуалистическую основу, и период 1848 года проходил под теми же влияниями. Только в 60-х годах молодые бланкисты и прудонисты подняли знамя самого решительного атеизма. То же самое сделал Бакунин в своих интимных писаниях, предназначенных для кружка ближайших друзей. Он считал существенной задачей подготовительную работу Интернационала, направленную к собиранию миллионов рабочих, готовых подать друг другу руки для борьбы с капиталом, независимо от политических и социальных мнений каждого рабочего и от его религиозных убеждений. Его революционный катехизис 1866 года (который не следует смешивать с документом 1869 года, относящимся ко временам Нечаева) начинается так:

"1. Отрицание существования реального, потустороннего, личного бога и, следовательно, всякого поклонения и всякого божественного вмешательства в дела вселенной и человечества. Уничтожение церковной службы и культа божества. 2. Заменяя поклонение богу уважением и любовью к человечеству, мы объявляем человеческий разум единственным критерием истины, человеческую совесть основой справедливости, индивидуальную и коллективную свободу — единственным творцом порядка в жизни человечества..."

Те же самые принципы "международного революционного общества" называют среди существенных условий нового общественного порядка:

"Коренное уничтожение всякой официальной религии и всякой привилегированной или хотя бы только защищаемой государством, оплачиваемой государством и содержимой государством церкви; полная свобода совести и пропаганды для каждого с неограниченным правом для каждого воздвигать в честь его богов, каковы бы они ни были, столько храмов, сколько он желает и оплачивать жрецов его религии"

“Церкви рассматриваются, как религиозные корпорации, и не будут пользоваться никакими правами, присвоенными производительным ассоциациям (они не могут ни наследовать, ни пользоваться сообща имуществом, за исключением их домов, или мест молитвы), и им не разрешается воспитание своих детей, ибо их единственная цель жизни — систематическое отрицание морали и свободы и прибыльное знахарство...”.

В своей замечательной речи на Бернском Конгрессе (24 сентября 1868 года) Бакунин дал обзор преступлений религий и расцвета свободной мысли в исторической перспективе подлинной красоты. Он также выразил свой личный взгляд в заключительных словах:

“...Итак, кто хочет Бога, тот хочет порабощения человека. Бог и ничтожество Человека, или свобода Человека и уничтожение божественной фантастики. Такова дилемма, и здесь нет середины, поэтому мы должны сделать свой выбор...”

Но он также сказал:

“...Религия — не только извращение мысли, она также, и, прежде всего, является страстным и постоянным протестом полноты человеческой сущности, бесконечного богатства человеческого сердца против узости и убожества жизни. Встречаясь на этой земле только с глупостью, несправедливостью и нищетой, человек в своем воображении создал призрачный мир, к которому он воссылает свои надежды, чаяния и свой идеал. Он сделал небо богатым, сделав землю бедной. Так была создана религия, и религия будет всемогуща до тех пор, пока неразумность и несправедливость будут править на земле. Создадим же справедливость здесь, вернем земле то, что ей принадлежит — счастье и братство... чтобы разрушить религию, чтобы рассеять и заставить исчезнуть всю эту божественную фантастику, которая порабощает нас и делает нас столь грубыми и жалкими, интеллектуальная пропаганда недостаточна — для этой цели необходима социальная революция”.

Произведения Бакунина в период с 1867 г. до 1873 года содержат прекраснейшие мысли о теологических софизмах и о космогонических и антропологических исследованиях, основанных на известных в то время результатах науки в области истории земли, происхождения человека, развития религии и пр. Отсылаю читателя к его книгам:

"Федерализм, Социализм и Антитеологизм", "Философские рассуждения о божественной фантастике, о подлинном мире и о человеке" и к той части большой рукописной работы, которая была издана отдельно под заголовком "Бог и Государство".

Если бы это постепенное расширение Интернационала с 1864 г. до 1869 года, а также другие попытки Бакунина и его ближайших друзей собрать активных революционеров и вдохнуть в них целостное социалистическое сознание, волю, смогли бы развиться, то общий результат мог бы быть иным. При сложившихся же обстоятельствах, вследствие нетерпеливого желания Маркса увенчать организованный социализм своей собственной программой, и в силу того, что война 1870-1871 годов вызвала раздоры среди народов Европы и привела к обострению социальной борьбы во время Парижской Коммуны 1871 года, с её славным подъемом и жестоким уничтожением, — при всех этих условиях раскол социалистического фронта в 1864-1869 годах был ускорен, и полное разделение на два фланга последовало в 1872 году.

Начиная с того времени, авторитарные социалисты, превращаясь в политические социалистические партии с завоеванием власти путем выборов в качестве ближайшей цели, стали заботиться о приобретении голосов прежде всего и оставили религию в покое, объявив ее в своих программах частным делом (как это сделали немцы) или ограничились антиклерикализмом (как сделали французы). Дело свелось к отрицанию требований и нападкам клерикальных партий вместо борьбы против принципа религий.

Английские социалисты на протяжении многих лет не имели избирательных успехов и охотно принимали в свои ряды религиозных социалистов, которые со своей стороны, обыкновенно, вели себя тактично, т.е. создавали отдельные маленькие организации, издавали собственные газеты и не пытались навязывать церковные доктрины основному ядру социалистов. Помимо всего этого, политические социалисты несомненно вели в своей среде кое-какую пропаганду в защиту свободной мысли, ибо активные религиозные организации были их заклятыми врагами и с ними надо было бороться. Это вмешательство духовенства в социальные движения создало партии социал-клерикализма, по внешности реформаторские, а в действительности глубоко антисоциалистические, руководимые духовенством, которое стояло за их спиной и дергало их за веревочку. Великий вред причинялся и до сих пор причиняется таким образом с целью отделить сельское население от городских рабочих и сделать их заклятыми врагами — такова последняя укрепленная позиция фанатизированной реакции.

Анархические социалисты со своей стороны развернули полностью свою программу атеизма, коллективизма, анархизма (как это сделал испанский и итальянский Интернационал). И, действительно, хотя никакой специальной пропаганды не проводилось, но как мог бы человек приобрести умственную свободу, необходимую для того, чтобы чувствовать себя анархистом, если бы он одновременно не освобождался от религиозной фикции? Здесь предстояло добиться тройного освобождения — интеллектуального (свободная мысль), социального (свободный доступ к производству и свободное пользование продуктами труда) и политического (безвластие, свободное взаимное соглашение). Это тройное освобождение представляет собою единое неделимое целое.

Наука сделала такие успехи со времени 40-х годов XIX века, что руководящая роль философии, достигнувшей полного расцвета при Гегеле, отжила свое время, и теоретический материализм XVIII века — в духе учения Гольбаха — отныне уступил свое место материализму естественных наук — учениям Молешотта, Фогта, Бюхнера. Начиная с 60-х годов, руководящая роль перешла к эволюционной теории, представленной развивающимся дарвинизмом. На идее дарвинизма вырос Кропоткин и стал восторженным последователем его и самостоятельным наблюдателем. Он ввел социальные идеи (прогресс путем взаимопомощи) наряду с идеями, подсказанными капиталистической средой (прогресс путем соперничества и борьбы за жизнь) в социальные аспекты и выводы, построенные на росте естественных наук.

Нет места для Бога, "нет необходимости в этой гипотезе" ни в одной из этих наук или социальных идей — таков вывод, подсказывавшийся результатами наук. Эти результаты исправлялись в подробностях и росли вширь и вглубь из года в год, и враждовавшей с наукою теологии уж никогда более не удалось потрясти эти выводы.

Анархизм был и есть достаточно широк и достаточно крепко обоснован для того, чтобы быть в состоянии дружески приветствовать резкую критику Льва Толстого, направленную против политической власти и в то же время звать к социальной солидарности и не обращать никакого внимания на религиозные выводы Толстого. Анархизм может также оказать гостеприимство многим реформаторам, подобным толстовцам, крестьянским коммунистам (Голландия), Евгению Генриху Шмидту, Фредерику ван Эдену и многим другим антиавторитарным мыслителям и движениям с религиозным уклоном, соприкасающимся с более значительными и более цельными течениями анархизма. Чем более мы прогрессируем, тем менее будет возможно и желательно, чтобы все эти движения концентрировались вокруг общих программ, платформ и тому подобное, тем больше будет дифференциации.

Ввиду трудности доступа к полному анархизму для многих из тех, кто ныне привязан к авторитарной среде, незаконченность и отсутствие цельности взглядов будут здесь неизбежны, и эти недостатки не должны встречать высокомерного отношения со стороны счастливых обладателей законченного образования (какими себя считают некоторые люди), а наоборот, им надо оказать дружеский прием, чтобы закрепить подлинную солидарность, ибо всякая добросовестная попытка сотрудничества с нами всегда желательна.

Я не знаю, какие события или течения, после всего сказанного, делают это отношение анархистов к религии предметом спора в настоящее время в разных анархических группах. Спор идет теперь в Швеции, где христианские анархисты, посетившие Кропоткина в 1920 году, утверждают, что они открыли в нем религиозные склонности в ту эпоху. Я считаю это утверждение безусловной ошибкой и высказал это мнение на страницах стокгольмской газеты "Бранд". Никто не мог бы строже придерживаться точки зрения науки, какова она сейчас, и, следовательно, никто не мог бы быть дальше от "примитивных догадок" доисторических дикарей, из которых все еще состоит религия, чем Кропоткин.

Другой спор о религии завязался недавно в Нью-Йорке на страницах еврейской "Freie Arbeiter Stimme." Есть еще московские мистические анархисты, с теориями которых я

совершенно расхожусь и с претензиями которых, если они заявят такие претензии на универсализацию их доктрин в анархическом движении, я бы столь же решительно разошелся бы. Помимо того, какие возражения можно было бы выдвинуть против них, как дружественных и неполных разновидностей анархизма на толстовской (или сходной с ней) либертарной основе? Они существуют, и мы не являемся инквизицией для уничтожения еретиков, желающих жить по-своему.

В своей исповеди 1851 года Бакунин дал императору Николаю поистине блестящую картину народного энтузиазма в Париже в феврале и марте 1848 года, после революции. Рассказав обо всех революционных известиях, получавшихся и восторженно приветствовавшихся, он заканчивает следующим гиперболическим парадоксом: если бы кто-нибудь стал распространять известие, что Бог был изгнан с небес и что на небесах объявлена республика, то народ, в своем безграничном энтузиазме, поверил бы этому известию и приветствовал бы небесную республику.

В наши же дни скорее можно сказать, что если бы распространилось известие о том, что на небесах объявлена диктатура и что Бог избран каким-нибудь военным диктатором, то этому известию могли бы поверить. Диктатуры носятся в воздухе, и религия благословляет Муссолини. В такие времена становится даже более возможным внедрение религии в анархизм. Теперь это более вероятно, чем в либеральные периоды. Вообще говоря, перед лицом общего расцвета авторитарного начала в эти годы, надо как можно тщательно охранять от этих влияний наши либеральные чувства и мысли. Там, где мы не можем завоевать новую почву новыми силами, мы, по крайней мере, не должны терять почвы вследствие халатности и беззаботности.

За девять месяцев до своей смерти Бакунин, с чувством удовлетворения наблюдая за борьбой с клерикализмом в то время, написал своему старейшему немецкому другу Августу Рейхелю в Берне (Лугано, 19 октября 1875 года):

“...Теперь мне кажется, что было бы опять полезно и необходимо поднять старый, забытый клич энциклопедистов: "раздавите гадину!" (то есть церковь) — и, как в дни моего старого фанатизма, когда я часто говорил: что вы толкуете мне о беспристрастии, мы беспристрастие предоставим Господу, — так теперь я опять начинаю очень мало заботиться об отвлеченной справедливости: все, что уничтожает поповство и попов, хорошо и правильно для меня...”

Таков совет умирающего Бакунина в момент, когда попы поднимали головы, и о котором надо вспомнить теперь, когда они, по-видимому, снова поднимают головы под крыльями нынешней всеобщей реакции.

Федерализм и централизм

Источник: [здесь](#).

Из неразрывной связи каждой органической части со всей совокупностью Вселенной, — связи, проявляющей себя в направленных к самоутверждению действиях, — возникают все колебания между автономией и солидарностью, индивидуализмом и социализмом, изоляцией и организацией, национализмом и братством людей, а также, между тем, что именуется федерализмом и централизмом. В той степени, в которой органические части сосредоточены на самих себе и являются самостоятельным микрокосмосом, они отказываются от слияния в коллективы, лишённые даже кажущейся независимости. Однако, предоставленные самим себе, оставаясь в полнейшей изоляции, они хиреют и засыхают, подобно капле воды, целиком испарившейся. Между тем, соединение многих таких капель имеет некоторые шансы на длительное существование, хотя, разумеется, существовать бесконечно они не могут, а могут только обновляться — путем превращения в пар, в индивидуальные капли, которые в свою очередь снова превращаются в потоки и моря — и так происходит вечный круговорот.

Мы можем, таким образом, сделать заключение, что такова природа и что ничто не существует и не может существовать, оставаясь устойчивым и, вместе с тем, сохраняя свою односторонность. Не может существовать капля воды, как не может и море вечно хранить бесконечное число капель, если оно не жертвует соответствующим количеством их, чтобы дать им возможность вести опять независимую жизнь, а затем вновь воссоединиться с коллективом. Одним словом, изоляция невозможна, и то, что кажется изоляцией, оказывается или временно самодовлеющей единицей, обладающей ограниченной продолжительностью жизни, или единицей, обречённой на разорение от истощения. Между двумя полюсами притяжения и отталкивания каждая частица материи существует вечно, обычно образуя на первых порах маленький мир вокруг себя, родственные себе частицы материи, и затем это маленькое целое отталкивается от одних внешних влияний, притягивается другими и соединяется с более крупными единицами или же вовлекается — вольно или невольно — в более значительные коллективы. В этом последнем случае они могут переживать процессы брожения, восставать и освобождаться рано или поздно от несвободы.

Не могла быть иною и судьба самого человечества, которое в ранние времена представляло собою беспомощное стадо, жившее группами, сосредоточившимися вокруг женщин (матриархат), затем меньшие группы сосредоточивались вокруг мужчин (патриархат, семья) в качестве первоначальных единиц. Эти группы соединялись с другими группами данной местности, с племенем, ибо лишь такие, более крупные единицы могли обеспечить себе относительную безопасность, выгоды сотрудничества (совместная обработка земли и пр.), культурный прогресс (обмен услугами по мере развития разделения труда и т.д.). От этих зачатков культуры и до настоящего дня индивид и общество остаются неотделимыми, но их взаимные отношения сильно изменяются, и в настоящее время мы все сильнее чувствуем, в

каком именно направлении эти отношения должны улучшаться и какие препятствия стоят на этом пути.

Федерализм и централизация являются выражениями желаний сделать сотрудничество людей возможно более продуктивным в каждом отдельном случае. Ни федерализм, ни централизация не являются решениями сами по себе и могут существовать отдельно друг от друга. Полная федерация была бы агрегатом автономий, совершенно неравных федераций, не обещающих плодотворного сотрудничества в коллективе. Полная централизация была бы системой всеобщего принуждения для разъединенной массы, лишенной индивидуальной энергии. Федерация, основанная на солидарности, предполагает волю и желания наиболее сильного, богатого и прогрессивного, направленного к помощи слабейшему, беднейшему и отсталому. Она таким образом является в моральном смысле образцом централизации, признанием всеобщей воли и всеобщего благополучия высшими благами, чем индивидуальная воля и индивидуальное благополучие. Централизация, равномерно применяемая, становится нелепой и бесплодной. Если она желает жить, то должна признать разнообразие местных потребностей; другими словами, она должна морально вдохновляться федерализмом. Мы не можем уйти от этих упрямых фактов, как не можем уйти и от индивидуализирования и коллективизации тенденций решительно во всем. Выход отсюда состоит в надлежащей пропорции обоих факторов в данном организме.

Пропорция является великой естественной необходимостью, регулирующей жизнеспособность и выживание организма. Человек уже научился познавать ее в своих технических и эстетических произведениях — теперь очередной задачей нашей является умение применять ее в области общественной жизни. В этом деле анархисты являются наиболее приспособленными для того, чтобы указывать путь. Почти из каждой аморфной клетки и агрегатов таких клеток, путем чисто материального размножения, выросли в гигантские пресмыкающиеся раннего геологического периода и становились все крупнее и крупнее. Таким же путем выросли травы и растения, и гигантские деревья, но все это оказалось непропорциональным по отношению к ограниченным естественным ресурсам земного шара и могло только идти к упадку и исчезновению. В то же время дифференцированные формы животных и растений распространялись, пресмыкающиеся превращались в птиц, цветы развивались на ранее не знавшей цветов земле, а неприспособленные существа ранних периодов голодали и погибали. Одному из существ, развившихся позднее других, именно человеку, удалось там и здесь превратить часть земного шара в сад, в истинный рай, в то время как во многих других частях земли, вплоть до сего дня, человек превращал землю в ад и подражал созданию своего собственного воображения — Богу, метал адский огонь с небес на Шанхай и другие места земли, подобно тому, как Бог поступил с Содомом и Гоморрой: это — еще один пример неуравновешенности, возникающей из отсутствия моральной пропорции.

Технически, употребление инструментов и оружия обучало людей пропорции. Обезьяна, размахивающая ветками дерева, как оружием, или для того, чтобы сбить орехи с веток, на опыте научилась, что это орудие или инструмент должен иметь соответствующие размер и твердость, чтобы отвечать своему назначению. Идя этим путем опыта, первобытный человек, научившись применять огонь и т.д., теми же приемами стал строить для себя дом, готовить пищу и постепенно развился в более высокий тип человека, создал эстетические

идеалы, правила социального поведения и первые представления о нравственности. Во всем этом ему приходилось выбирать и решать, где именно должны быть границы механического увеличения, и останавливаться там, где расширение и размножение приводило только к неспособностям и бесполезности. Такие границы оказывались и в деле насильственного присоединения территорий, соединения универсальных монархий, спустя некоторое время распадавшихся по мере возникновения монопольных богатых торговых центров; каждый из этих центров, в свою очередь, имел свой день величия, после которого наступало падение и разрушение. Такие границы встречала тирания, для которой рано или поздно наступала гибель, такие же границы оказывались и для религий, — а победительницей всех их была неодолимая сила прогресса, делающая застойные формы жизни непрактичными¹ и приносящая разрушение повсюду, где люди пытаются поддерживать в них жизнь искусственным путем.

Машины сделали устаревшими все формы самодовлеющей жизни и долгое время были силой централизующей. Но на протяжении жизни последних двух поколений машины настолько распространились по всему земному шару, что старые промышленные центры увидели рождение новых центров, и борьба на жизнь и смерть между первыми и вторыми явилась одним из важнейших последствий нынешнего промышленного кризиса. Был предел готовности людей покупать продукты машинного производства почти исключительно в крупных центрах, был предел также готовности рабочих быть целиком поглощенными жизнью промышленных городов и отказаться от зеленых полей и свежего деревенского воздуха. Короче говоря, в то время, как старые центры все еще очень могущественны, их дни все же сочтены, ибо они не могут помешать стремлению к более гармоничной, независимой и целостной, т.е., более планомерной жизни. Фурье, Роберт Оуэн и Кропоткин видели это тяготение к более гармоничной жизни. Замерев на время под всепобеждающим напором машин, это стремление пробуждается и проявляет себя в воле к децентрализации, автономии, обновлению домашней жизни, к природе и красоте, к личной свободе и к интеллектуальному самоопределению.

Машины и та сила, которая ими движет, сами указывают путь. Еще сорок лет тому назад Кропоткин понял, что, подобно тому, как паровой двигатель вызвал такое огромное усиление централизации, электричество, наоборот, положит начало веку децентрализации. Ручная работа, первобытные инструменты и некоторые местные машины прежних веков, затем концентрированная промышленность с ее мощными паровыми машинами, прикрепленными к данному месту, и центры добывания электрической энергии, распределяющие ее на огромных пространствах, покрытых городами и деревнями и содействующие промышленной и земледельческой работе, — таковы три монументальные стадии в истории человечества. Период усиленной централизации длился недолго и теперь в муках умирает, причиняя великие страдания, но, тем не менее, теряя почву под собой. Очень возможно, что наступающий период принесет с собой больше возможностей в деле добычи местной движущей силы и таким путем уменьшит необходимость в передаче ее из отдельных центров. Когда это случится, то последние препятствия к гармонической местной жизни, солидарному анархизму, должны будут пасть среди мыслящих людей.

Политически государство было создано для обслуживания всех интересов, связанных с соответствующим общественным строем, и для их защиты. Государство вплоть до XVIII века,

а в некоторых странах даже того позднее, обычно воздерживалось от вмешательства в местную жизнь населения: не существовало признанного федерализма, но под именем старых провинций, свободных городов, владений местных династий и т.д. существовало большое разнообразие обычаев, правил, даже законов, некоторых местных прав и привилегий. В сущности, на практике, федерализм существовал, хотя между ним и монархом возникали постоянные разногласия, а иногда возникала и открытая борьба. Средневековому монарху приходилось считаться с очень многими местными факторами повсюду — с баронами, епископами, городскими советами и т.д., прежде чем ему удавалось получить подати и оброки деньгами, военной помощью и проч. С возникновением парламентов центральная власть оказалась под их контролем и ее авторитет часто оспаривался. Стюарты в Англии погибли при попытке подавить волю местного населения. Людовик XIV в ту же эпоху сумел, однако, сокрушить местную власть, но, 100 лет спустя, Людовик XVI взшел на эшафот в 1793 году, подобно тому, как Карл I был казнен в 1649 году, а последний из Стюартов был изгнан в 1688 году, как последний из французских Бурбонов был лишен трона в 1830 году и, наконец, испанский Бурбон был низложен в 1931 году. Парламентаризм своей основной сущностью означал защиту местной независимости против королевской централизации. Соединенные Штаты возникли и провозгласили Декларацию Независимости в 1776 году во имя как раз этой цели, подобно тому, как Швейцария освободилась из-под власти средневековой Германской империи, а Нидерланды из-под власти королей Испании именно в борьбе за местные права против центральной власти. Такие победы над центральной властью не привели, впрочем, к подлинному федерализму. Конституции Швейцарии, Нидерландов, Англии 1688 г. и Соединенных Штатов очень далеки от истинного федерализма. Объяснение этого заключается в том, что победившие местные силы преклонялись перед единством государства, полезным для тех, кто хотел, чтобы местная промышленность снабжала своими продуктами возможно более обширные внутренние рынки и продавала бы их за границу под защитой флага могущественного государства. Таким путем сами парламенты становились нейтралистскими, прямыми представителями государства, сокращавшими местную власть повсюду, где только можно было, и поддерживавшими местные привилегии и права только в форме единоличных злоупотреблений и подкупности. Стремление же рабочих к парламентскому представительству действовало в том же направлении — к централизму: для них парламент никогда не казался слишком могущественным и централизованным, ибо социал-демократические вожди убедили их в том, что завоевание парламента означало завоевание государства и победу над капитализмом. Федерализм, таким образом, был ослаблен, урезан, почти изгнан отовсюду со времени Французской Революции, на протяжении всего XIX века и вплоть до сегодня: с точки зрения широкого развития промышленной жизни и борьбы за расширение торговли, а равно и в понимании государственных социалистов и, наконец, с точки зрения современной России, необходимо всемогущее государство, считающее федерализм государственной изменой и посягательством на его универсальное всемогущество. Это мощное орудие власти — государство — создано было таким образом и отточено в угоду промышленным и торговым интересам. Оно питается и поддерживается авторитарными социалистами, надеющимися овладеть им единым взмахом, как это было в России осенью 1917 года, и затем использовать его.

Федерализм, таким образом, должен был бороться за существование на протяжении всего века капитализма и государственного социализма, когда даже примитивный либерализм

встречал на своем пути ожесточенных врагов. На наших глазах эта эпоха завершилась 10 лет тому назад победой итальянского фашизма, не говоря уже о других диктаторских режимах во многих европейских и американских странах. Много было причин, объясняющих это временное поражение бесспорно привлекательной прогрессивной концепции человеческого общежития; главные причины коренятся, однако, в характере самих федералистов.

Только свободные общества могут искренно федерироваться между собою, т.е. поддерживать социальную и политическую жизнь, основанную на местных особенностях и склонностях, только такие общества могут сами давать пример солидарности и ждать того же от других свободных обществ, организованных в том же духе, хотя и по иным планам. Между такими обществами должно быть некоторое сходство в смысле уровня жизненных условий, настроений и характера. Такое сходство существовало в средние века среди альпийских областей в Швейцарии, где пастушескую жизнь вели почти все. Такое же сходство наблюдалось среди множества средневековых городов, причем это сходство не сопровождалось борьбой торговых интересов. Наконец, подобное же сходство существовало между крестьянскими коммунами в некоторых горных областях ранней Испании. В других местах федерации охватывали только провинции или малые государства с ограниченными пределами солидарности. Здесь оппозиция центральному правительству не всегда носила прогрессивный характер, как, например, в Вандее, в Баскских провинциях, во многих германских княжествах, в наиболее отсталых частях этой страны, где преобладал национальный фанатизм. В 1868 году, когда парламент издал закон об обязательном прохождении восьмилетней элементарной школы для всего населения в упомянутых отсталых областях страны, то попы, стремясь к преобладанию церковной школы над светской, стояли за шестилетнюю школу, и это было очень федералистично, но вместе с тем и очень реакционно. Лет 40 тому назад, когда бой быков был введен в южной Франции и вскоре запрещен был там, согласно общегосударственным законам, то это почиталось оскорблением федералистических чувств Юга, и там возникли бунты. Элизе Реклю писал по этому поводу:

« "...Не позор ли это, что жестокая страсть к зрелищу боя быков овладела столькими городами юга и что их старый дух независимости восстал против центрального правительства, вина которого состояла в том, что оно хотело применить для защиты животных законы, изданные в XIX веке, — законы, которые, по правде сказать, никак не могут быть названы драконовскими."

Бакунин не колебался написать в своем оправдании федерализма ("Медведи Берна и медведи Санкт-Петербурга," Февраль, Март 1870 года).

"Швейцария стоит сейчас перед дилеммой: она не может желать отодвинуться назад, к своему прежнему режиму политической автономии кантонов, который сделал из них конфедерацию политически самостоятельных и друг от друга независимых государств. Восстановление такой конституции (отмененной в 1848 году) неотвратимо повлекло бы за собой обеднение Швейцарии, положило бы конец всем крупным экономическим достижениям, сделанным ею, ибо новая централистическая конституция опрокинула все

преграды, отделявшие и изолировавшие кантоны. Экономическая централизация является одним из существенных условий развития благосостояния, а такая централизация была бы невозможной, если бы политическая автономия кантонов не была уничтожена.

“С другой стороны, опыт двадцати двух лет (1848-1870) доказал нам, что политическая централизация также гибельна для Швейцарии. Она убивает ее свободу, угрожает ее независимости и делает из нее раболепного жандарма всех могущественных деспотов в Европе. Уменьшая ее моральную силу, она подрывает также и ее материальное существование”.

Бакунин продолжает: "Что же в таком случае сделать? Идти назад, вернуться к политической автономии кантонов — вещь невозможная. Сохранить же политическую централизацию — нежелательно.

"Дилемма, таким образом поставленная, допускает одно единственное решение: уничтожение всех политических государств, кантональных и федеральных штатов, и преобразование политической федерации в экономическую федерацию, в национальную и интернациональную федерацию.

“Такова цель, к которой в настоящее время явно движется Европа”.

Бакунин, как показывает его строгое осуждение Южно Американской Конфедерации, не признавал обращения к федерализму во имя эгоистического или ретроградного интереса. Такие интересы являются вызовом человечеству. Именно из таких интересов исходят все государства, большие и малые, считая себя вправе делать это внутри их государственных границ и, кроме того, в качестве независимых организмов, навязывать свои требования другим, если они это в силах сделать путем войны и завоеваний. Никакие безнравственные привилегии не могут исторгаться во имя федерализма, иначе это прекрасное слово только покрывало бы любой недостойный акт. Прогрессивный дух человечества может быть очень терпимым в отношении ритма прогресса, который не везде бывает одинаково быстрым, но он не может допустить того, чтобы прогрессу приносился ущерб во имя автономии, иначе ему пришлось бы подчиниться требованию любого тирана, как только он выразил бы пожелание, чтобы никто не покушался на его самодержавие.

Этот вопрос совершенно не является вопросом для искренних прогрессистов, хотя он легко может быть извращен и на самом деле извращается софистикой фабрикантов общественного мнения в интересах тех, кто стремится расширить свою власть и завоевания. Исходя из таких именно побуждений, создавались все колониальные империи — Египет, Южная Америка, Марокко, — все они были захвачены насильно, Австро-Венгрия была разрезана на куски, Россия была подвергнута блокаде и вооруженной интервенции, Япония сейчас цивилизует Китай с помощью бомб, и фактически буржуазия повсюду стремится "цивилизовать" рабочих, держать их в подчинении, брать на себя заботу об их деньгах, в то время как церкви цивилизуют народ, а правительства и печать также занимаются цивилизаторством и т.д.

Это всеобщее вмешательство одних людей в дела других, в интересах многих темных, нечестных и постыдных целей, подвергается общему нашему осуждению, но чего мы не можем сделать, это дать федеральным учреждениям право не допускать вмешательства в свои дела. Тот, кто претендует на подлинную свободу от вмешательства, должен знать, как действовать, чтобы не повредить подлинным общим интересам человечества. Но все эти вопросы все еще стоят вне круга действий истинных гуманистов, ибо всякая политика является областью заинтересованных сфер, как промышленных, так и финансовых, областью страстей, возбуждаемых правительством и печатью, областью бездушных дипломатов и плохо осведомленного, зараженного предрассудками общественного мнения.

При таких обстоятельствах искренняя федерация между государствами никогда не становилась актуальным вопросом, и там, где существует монополярная федерация внутри государства, она никогда еще не была в состоянии предупредить гражданскую войну, как, например, в Швейцарии 1847 года, в Соединенных Штатах 1861-1865 годов, во всех испанско-американских государствах, от самых крупных до самых малых. Бакунин писал в 1867 году, обращаясь к комитету наиболее передовой организации того времени, к "Лиге Мира и Свободы":

"...Соединенные Штаты Европы никогда не смогут быть образованы из таких государств, какими европейские страны являются сейчас, принимая во внимание чудовищное неравенство между их относительными силами. Пример покойной германской конфедерации (1815-1866) окончательно доказал, что она бессильна гарантировать мир и свободу народа".

Эти слова еще более приложимы к современному положению, когда европейские государства враждебно противостоят друг другу, зараженные военными страстями, держа в руках договоры, освящающие такое положение вещей, которое осуждается широчайшими массами народа, причем около сорока национальных меньшинств в Европе горько жалуются. В сущности, построить номинальную "Пан-Европу" при таких условиях значило бы издеваться над людьми перед лицом страшной нужды. Женевская Лига Наций, Конференция по разоружению, все конференции об экономических взаимоотношениях, мировая конференция в Генуе и все прочие конференции показывают, что государства и не думают о соблюдении взаимных интересов даже тогда, когда колеблются самые основы экономической жизни, и над источниками, из которых оплачивается стоимость государственного аппарата, армии и т.д., нависает угроза.

Таким образом, внутренний федерализм сохраняется. Но какие же возможности открыл он в Европе? В возрожденной Италии слабое федералистическое течение, защищаемое очень способными писателями и мыслителями — Карло Каттанео, Чезаре Канти, Джузеппе Черрари, героическим Карло Писаконе, Саверио Фриchia и др. (некоторые из них были друзьями Прудона и Бакунина) в то время как другие выступают в роли союзников духовенства, защитников федерации старых итальянских государств, возглавляемых папой. Это течение родилось еще до союза объединенной республики Бога и Мадзини и много раньше практического решения о распространении пьемонтской монархии на всю Италию и о создании, таким образом, единой Итальянской монархии, — решения, которые признал, уходя в отставку, сам Гарибальди.

Германская Конфедерация (1815-1866) была центром интриг тридцати или более государственных образований, кристаллизовавшихся вокруг Пруссии и Австрии и разорванных на части войною 1866 года. В сущности, после перемен 1866 года ограниченная Конфедерация продолжала существовать вплоть до 1871 года при империи, а автономия и номинальная федерация, административная автономия и экономическое единство, сохранились до 1918 года. После же добровольного объединения многих государственных образований Конфедерация продолжает существовать до сего дня и не желает исчезать. Здесь, таким образом, мы имеем зародыши федерализма в форме множества местных образований, комбинированную экономическую жизнь и два крупных государственных образования — Пруссию и Баварию, а также Саксонию — спаянных вместе. Эти государства заключают между собою бесконечные внутренние договоры и совместно несут все тяготы и ответственность. Очень немногие желают заменить этот порядок централизацией, очень немногие также стремятся к более радикальному устройству государства: все как будто чувствуют, что внутри нынешней системы частичные и поверхностные перемены не могут быть ничем иным, как только починкой старья.

Великобритания является другим примером номинальной федерации фактически автономных политических и экономических единиц таких размеров, как Канада, Австралия и Южная Африка. Но патриотическая, военная и т.д. связь этих государств и солидарность их интересов не требуют никакого прямого сотрудничества в экономических вопросах, или требуют ее в минимальных размерах. Подготавливаемая ныне новая форма государственности в Индии с самого начала будет включать в себе три различных элемента: индусов, мусульман и местных принцев, при отсутствии всякой солидарности между этими элементами.

Там, где разные национальности жили в одном и том же государстве, они поделились и образовали из одного государства несколько — мирным путем, как Швеция и Норвегия (1905), или путем войны и договора, как Австро-Венгрия, или в результате войны, как Россия, или же они живут вместе до сих пор, принужденные к тому насильем, как Бельгия (валлоны и фламандцы), Югославия, македонцы, хорваты, Чехословакия, словаки.

Таким образом, во всей Европе только Испания является страной, где федерализм в XIX веке исповедуется большой политически-передовой федералистической партией, возглавляемой людьми, бесспорно выдающимися, особенно в лице Франциско Маргалла, классического автора теории передового и социально настроенного федерализма, — человека близко стоящего к Прудону по силе его федералистского чувства. Кроме того, в Испании силен традиционный и живой федеральный дух, родившийся из насильственного объединения географически различных областей, старых исторических объединений, отделенных друг от друга различием народного языка. Федеральный дух питался здесь старыми народными обычаями и соглашениями между отдельными группами деревень, между населением островов, между ремесленниками и купцами южных городов и т.д. Все эти самостоятельно заключаемые договоры, руководящиеся местными интересами, основывались на обещании, что они останутся более или менее в силе при объединении областей, проводившемся королевской властью в целях создания единой монархии, управляемой из кастильских королевских столиц. Однако, эти обещания не были исполнены, централизм стал всемогущим, упомянутые народности до сих пор еще стонут в цепях, сковавших их местную жизнь,

и стремятся сбросить с себя централистское ярмо. Таким образом, федеральная республика стала идеалом наиболее передовых людей, в том числе всех испанских анархистов 60-80-х годов, пришедших из федерального лагеря под влиянием учений Прудона и Бакунина к ассоциационно-федералистской практике организованных рабочих, главным образом, каталонского промышленного и андалузского земледельческого района, а также под влиянием Международного Товарищества Рабочих, основанного в 1864 году.

Эти рабочие мудро понимали, что только социализм и анархизм могут дать им — и любой стране — подлинный федерализм. Ибо односторонний федерализм невозможен: его сущность есть взаимность, в основе своей сочетающаяся с терпимостью, взаимным уважением, а истинным выражением их является социализм, взаимная солидарность и анархизм, как практика свободы и взаимного уважения каждого человека к свободе другого человека.

Для того, чтобы быть осуществленным, прежде чем социалистические и анархические настроения овладеют значительной частью нации, федералистские учреждения, заслуживающие этого имени, требуют осуществления, по крайней мере, зачаточных условий, т.е. взаимного благожелательства, великодушия и ослабления привычной покорности в отношении централизации, а также веры в его превосходство. Против всего этого ведут борьбу централизованные государства, постоянно подчеркивая свою собственную важность непрерывной открытой и настойчивой пропагандой, воспитанием и печатью, преодолевая всякое сопротивление, сокрушая его, где можно, привлекая новые таланты в свой собственный лагерь, вызывая международные осложнения в расчете на создание для себя выгодного положения защитников и спасителей нации и т.д. Капиталисты обычно находят выгодным для себя поддерживать централизацию, ибо она, как им кажется, способна добыть для них самый широкий внутренний рынок, при наличии значительной государственной силы, — и иностранные рынки. Церковь гонимается одновременно за двумя зайцами: она стремится к власти над большой объединенной страной, но в то же время она поощряет и местные, ретроградные движения, проникнутые преданностью религии, с тем, чтобы при случае использовать эти движения, как ударную физическую силу против всех частей страны, где население более культурно и где церковь находит менее почвы для себя.

Таким образом, попытки осуществления федерализма встречаются с противодействием всей мощи государства и фальсифицированного общественного мнения. После восьмидесяти лет централизованных республик и монархий, когда якобинский централизм все еще был политическим идеалом республиканцев, когда учение Прудона оставалось в пренебрежении или забвении на протяжении многих лет после его смерти (1865-70), федерализм не имел уже шансов на популярность в новой французской республике, провозглашенной в сентябре 1870 года. Бакунин и некоторые другие проповедовали его на Юге, выдвигая различные виды его, начиная от анархического, отрицающего государство, федерализма, идей которого Бакунин отстаивал в Лионе, до умеренного федерализма инициаторов лиги Юга, федерации южных французских городов. Федерация коммун Франции, которую Парижская Коммуна провозгласила 18 апреля 1871 г., выдвинула программу, за которую не последовали тысячи других французских муниципалитетов, за исключением большого числа южных городов, где коммунальное движение носило очень решительный характер. Однако

здесь, как и в других местах Франции, движение окончилось неудачей.

Дистанция между столетним идеалом централизации, как ее понимали якобинцы, империалисты и буржуазия, идеалом всемогущего и неделимого Французского государства, — до федерации французских коммун, не могла быть преодолена общественным мнением. Коммуна рассматривалась, как разрушительница единства страны и государства. Армии дана была полная свобода утопить ее в крови десятков тысяч жертв. Идея федерации, достаточно таким образом оцененная уже, не возродилась к жизни в качестве социального и политического фактора во Франции. Она живет теперь, в культурном смысле, в форме самостоятельности округов. Идея такой самостоятельности подкрепляется старыми историческими провинциальными делениями, отмеченными революционным централизмом французской республики, а также местной культурной жизнью, поэзией, искусством, обычаями, местными диалектами, или независимым южным, провансальским языком, — родным братом каталонского языка. Административная децентрализация предлагалась тысячу раз на подобных началах, но парижский централизм неумолим. Социалисты здесь, как и везде, являются врагами федерализма, ибо они рассчитывают захватить государственную власть целиком и держать ее в своих руках, поэтому они желают, чтобы она была возможно шире, и считают себя законными наследниками ее.

Испанские республиканцы-федералисты одни только пытались в 1873 году осуществить федерализм прямым действием и в самой решительной форме, провозгласив автономию (за которой должна была последовать добровольная федерация) многих южно-западных городов и окружающих территорий (деревень и проч.) — кантонов, как их называли, т.е. маленьких единиц, обладавших необходимыми ресурсами для самостоятельной гражданской жизни в городе и деревне. Они были сурово подавлены военным централизмом и исчезли после жестокой борьбы. Но идея продолжала жить, и испанская революция 14 апреля 1931 года была совершена во имя федеральной республики, имя которой было на устах и в сердцах многих, но далеко не всех.

Каталонские, арагонские, валенсианские, андалузские, галицианские, баскские и другие территориальные единицы были готовы для федерации, Мадрид же и другие части страны сопротивлялись ему, сначала негласно, а затем все более надменно и свирепо. Федерализм, как я уже сказал, может быть осуществлен только в духе благожелательности и искренности, так как он требует от всех доброй воли, доверия и честности. В противном случае он вызывает горечь и мстительность и превращается в беспощадное государственное принуждение по методу централизма, ведет к полному разрыву, к сепаратизму, а сепаратизм означает национальное государство, новый централизованный и милитаризованный бюрократический, авторитарный организм, при том весьма авторитарное государство, честолюбивое, мстительное и ищущее силы в союзе с другими государствами, ибо никакое государство в настоящее время не может стоять одно, в стороне от других. Мир "недостаточно безопасен" даже для целых государств.

В Испании борьба все еще не решена. Надежды на законченный федерализм сокрушены, а то, что предложено нейтральными, представляет собой такой жалкий минимум, что остается вопросом, принесет ли такой минимум пользу, тем более, что Мадрид, буржуазия и авторитарные социалисты все еще стараются свести даже этот минимум к еще меньшему,

почти к нулю. Федералисты колеблются, ибо простой сепаратизм никого не удовлетворит.

Это — показательный пример минимальных шансов федерализма в авторитарной среде. Другим таким примером была Советская Россия, допустившая некоторую областную культурную самостоятельность, но держащая политическую, административную и экономическую власть в руках центра совершенно так же, как это делал и царизм. Поддержка Кропоткиным Лиги Федералистов в Москве зимою 1917-18 г.г. не дала результатов, тем более, что вскоре он был выслан из Москвы и изолирован в Дмитрове до дня его смерти. Вопрос о федерализме был вновь поднят значительно позднее им и анархистами вообще. Все они находились под очарованием Парижской Коммуны, крестьянских бунтов, генеральной стачки, и все они слишком верили в то, что социальная революция снесла бы вместе с социальной и политической властью буржуазии, также и привычную авторитарную и покорную по отношению к властям настроенность всего народа. Бакунин видел положение ясно, когда настаивал, что коммуна слишком мала по сравнению с государством и что федерация коммун губернии или другие какие-либо крупные и реальные единицы находятся между коммунами и государством, хотя бы и революционным. Такие крупные единицы (провинциальные федерации) позднейшими анархистами рассматривались, как бесполезные организации, источники новой власти. Таким образом, когда пришла революция, то распыленные федералистские элементы, как отдельные лица, так и целые группы, оказались неподготовленными перед лицом нового государственного аппарата, оказавшегося в руках весьма авторитарных лиц, на которых очень мало можно было рассчитывать в смысле местного планирования, подготовки и крепких баз для операций.

Все это показывает, что первая необходимость с точки зрения анархических задач состоит в том, чтобы отвести антиавторитарной идее надлежащее место в интеллектуальных и моральных концепциях очень многих людей. Вопрос же о том, каковы первоначальные экономические взгляды этих людей, не мог бы иметь при этом большого значения; все дело в том, чтобы они научились уважать мнения других людей, не вмешиваться в действия их, если они бескорыстно прогрессивны, а также в том, чтобы они не позволяли их партиям, правительствам и странам вмешиваться. Признание истинного федерализма является одним из способов обеспечить движение прогресса, ибо федерализм делает возможной дифференциацию, облегчает осуществление наиболее практичных местных задач и путем такого беспрепятственного местного прогресса содействует всеобщему прогрессу. Это очевидно на примере университетов, лабораторий и т.д., где никто не вмешивается в социальные исследования, и открытия делаются здесь и распространяются потом на весь ученый мир, ибо это безусловно неизбежно, если открытия оказываются ценными. Если бы Россия после 1917 г., а Испания после 1931 г. были в состоянии действовать независимо в области социального прогресса автономных областей, автономных городов и меньших единиц, то результаты уподобились бы блестящему прогрессу в мире науки и изучения. А между тем, при нынешнем положении вещей централизм таких возможностей не создал: все должно совершаться по указке правительственных комиссий, совещательных учреждений, бюрократических самодержцев и т.д., что означает, что почти всякая ошибка ведет к разорительным потерям и что каждый шаг вперед приходится покупать страданиями жертв.

Федерализм, таким образом, содействует жизни, централизм же ведет к застою и к минимальным результатам. Однако, и федерализм также не должен быть пустой фразой, а должен быть наполнен доброй волей, терпимостью и великодушием: он должен уметь давать, тогда он сможет также и получать сторицей. Простой обмен равных ценностей оставляет людей и целые федерации людей чужими друг к другу и отнимает душу живую от всего, что они делают.

Очевидно также, как я уже заметил выше, что в вопросах живой жизни нет точно обозначенных неподвижных границ и линий. Вопрос о том, должны ли к той или другой практической проблеме применяться федералистские или же нейтралистские методы, должен разрешаться каждый раз наново, и бескорыстное, свободное от предрассудков общество именно так и будет поступать. Пропорция — ключ к индивидуальным решениям. Работа одного, сотрудничество 2000, 2200, 2 миллионов может быть технически необходимо для той или иной работы, и в этом случае так и будет сделано разумными людьми. Мир будет свободен, когда такие слова, как федерализм и централизм, будут забыты, когда меньшие и большие задачи будут требовать только правильного расчета необходимых условий и выбора надлежащих инструментов. Федерализм, конечно, заслуживает и теперь всяческой поддержки, ибо все силы застоя и реакции, включая руководящих государственных социалистов, ставят ставку на централизм и пытаются удушить и вырвать с корнем всякую другую индивидуальную и коллективную инициативу. Федерализм помогает сломать тот лед, который власть накладывает на жарко бьющиеся сердца человечества. Это не анархизм и не суррогат его, а шаг в правильном направлении, заслуживающий всяческой поддержки. Централизм же мы видим за работою повсюду вокруг нас в этом жестоком современном мире — и отвращаем свое лицо от него.

Взаимная ответственность и солидарность в борьбе рабочего класса

1924, источник: [здесь](#). В этой статье я хочу поднять важный вопрос о некоторых новых видах и формах борьбы в рабочем движении. На данный вопрос, насколько мне известно самому и приходилось слышать от других, до сих пор было обращено недостаточно внимания. А между тем желательно, чтобы анархисты обсудили его тщательно и высказались бы, в какой мере здесь предлагаемые способы целесообразны для достижения полного освобождения, и стоит ли нам, анархистам, защищать их.

По моему убеждению, рабочее движение развивается очень медленно. Мрак невежества и застарелые предубеждения народных масс так еще всеильны, что самые ясные мысли и до наглядности простые истины, легко доступные каждому из нас, остаются чуждыми и недоступными громадному большинству; сомнительно даже, чтобы народные массы могли усвоить их без фактического их применения к действительной жизни. Даже в странах, где эти применения к жизни до известной степени осуществлены, где экономическая солидарность рабочих доказана не на словах, а действительной материальной выгодой, хотя и не очень значительной, — как, например, в тред-юнионах (английских рабочих союзах) и в кооперации, — массы народные до сих пор остаются чуждыми им, несмотря на целое столетие пропаганды и агитации.

Верен или нет этот пессимизм, во всяком случае он вызывает полезное стремление найти новые приемы для большего усиления борьбы пролетариата, и даже были предлагаемы, даже пробовались за последние годы, некоторые виды такой борьбы. Так, например, делаются попытки организовать всеобщую стачку, стачку военных, международную стачку рудокопов, устраивать массовые походы рабочих без работы и стачечников на столицы, как то было несколько лет тому назад в Соединенных Штатах и в последнее время во Франции; некоторыми французами предлагается саботаж, или медленная и плохая работа, "go sanny" ("работай исподволь"), как выражаются англичане. С другой стороны, пытаются воспользоваться существующими рабочими организациями для непосредственного экономического осуществления солидарности, как то видно в нескольких устроенных кооперативных колониях, в совместном действии потребительных обществ и тред-юнионов, в устройстве "бирж труда" для прямого обмена продуктов вольного труда по американской системе.

Со своей стороны, и я беру на себя смелость указать еще на некоторые приемы действия, по отношению к которым анархистам следует держаться той же тактики, какой они держатся

относительно выше перечисленных, а именно, содействовать им на деле, но — сохранять в чистоте пропаганду наших принципов и социального строя, основанного на свободе личности в свободном обществе.

Одновременно с пропагандой анархических идей и истинно революционной борьбы следовало бы всеми силами пробудить в народе сознание свободы и личного достоинства, взаимной солидарности и желание жить согласно этому сознанию. Особенно важно, чтобы люди сознали, как тесно связаны между собою эти начала. Без такого сознания свобода и личное достоинство, истолкованные поверхностно, могут породить личную деятельность исключительно ради своей индивидуальной выгоды, даже в ущерб товарищам; а что касается до взаимной солидарности без свободы и личного достоинства, то современный строй, с его возмутительными учреждениями, с его конкуренцией, патриотизмом, религией, политическими партиями и прочее, есть тоже плод компактного единства большинства невежественных масс. Поэтому, полное и сознательное представление о неотделимости свободы от солидарности становится обязательным, особенно в виду того, что люди с подобным передовым пониманием, конечно, будут восприимчивее к нашим воззрениям.

.Мне кажется, это положение может быть принято за основное, за своего рода пробный камень при выборе средств и приемов действия, при чем последние должны быть, по возможности, приспособляемы к нему.

Но прежде чем приступить к изложению моего доклада, мне следует оговориться по двум пунктам, в которых, мне кажется, я немножко еретик относительно господствующих экономических воззрений, — во всяком случае, относительно обычных доводов, употребляемых в агитации. Мои последующие выводы основаны на этих двух пунктах.

Первый пункт касается так называемой публики, значение которой в рабочем движении, по моему, было мало оцениваемо. Члены данного ремесла организованы и упорно борются за улучшение их экономического положения; то же самое делают хозяева, которые могут быть вынуждены на уступки труду удачными стачками, или единодушным и сильным тред-юнионом. Но потребители продуктов ремесла, обыкновенно, вовсе не организованы и не делают ничего для ограждения своих интересов потребителей, для получения лучших продуктов по наименьшей их стоимости. Вследствие этого, капиталисты стараются, да и успевают, вернуть свою сумму, уступленную ими труду, усиленную эксплуатацией неорганизованного потребителя. Как известно, рабочие нимало не думают о публике и ее интересах в ее борьбе с капиталом, а это неизбежно ведет либо к повышению цен на продукты, либо к ухудшению их достоинства. Таким образом, публика платит из своего кармана капитализму всю сумму, которая бывает вырвана у него борющимися рабочими.

А из кого, спрашивается, состоит публика? — Из потребителей, конечно. Одна часть их состоит из людей достаточных и богатых, для которых повышение цен на продукты имеет малое значение, и мы в нашем анализе, можем оставить их в стороне. Другую и гораздо более многочисленную часть составляют люди малых достатков и бедняки. Для них повышение цен означает лишения, обрезывания расходов, а часто и обеднение. Многие из них, убежденные социалисты и анархисты, с удовольствием несут возросшее бремя, зная, что "оно есть результат успеха товарищей рабочих; другие готовы терпеть это повышение

по чувству солидарности и по любви к справедливости: не даром мы возлагаем все наши надежды на лучшее и светлое будущее. Но было бы большой ошибкой предполагать, что и та часть народных масс, которой не коснулись ни прогрессивные идеи, ни возвышенные чувства, питает в этом случае симпатию к организованному труду. Если бы этой массе не были чужды прогрессивные идеи, — разве современный строй мог бы долго просуществовать?! Их отсутствию я и приписываю, что масса не только остается безучастной к победам организованных рабочих, но, может быть, встречает их даже враждебно. Вообразим себе, например, семейного чернорабочего, сочувствующего стачке углекопов и охотно подписывающего несколько пенсов на поддержку ее. Вряд ли его жена, которой приходится еле-еле сводить концы с концами по их грошовому хозяйству, будет вполне разделять его симпатию, так как при том же заработке мужа ей придется покупать уголь по очень возросшей цене. Если при этом между ними не будет прямого разлада, то особенного согласия тоже быть не может.

Таким образом, стачки этого рода в общем ничего не изменяют экономически и нравственно, даже в случае победы стачечников. Денежная уступка хозяев взваливается на плечи потребителей и тяжелее всего чувствуется беднейшим из рабочих; и нравственный подъем духа у стачечников и их энтузиазм вполне уравниваются сетованиями и глухой враждой действительных плательщиков выигрыша.

Поэтому было бы хорошо и полезно найти средства заинтересовать большинство рабочего населения в материальных выгодах стачки, а не ограничиваться одной нравственной стороной дела. Раз заинтересованные материально, потребители могут помочь стачке гораздо существеннее, чем сборами и симпатиями: они, как потребители, могут наложить бойкот на хозяев, — всемогущее средство в экономической борьбе. Таков мой первый пункт.

Вторая моя ересь касается ответственности рабочих за исполняемую ими работу. Об этой ответственности до сих пор не было и речи. Принято считать честным всякого, кто работает за жалованье, не разбирая, что именно он делает. Нет, кажется, такого низкого и презренного вида труда, который вызвал бы угрызение совести у людей, им занятых. Не говоря о возмутительном соперничестве людей всяких профессий и общественных положений, заявляющих желание занять место палача, — разве не самое задушевное стремление многих стать в один прекрасный день полицейским? И не полицейских ли с солдатами откармливают простодушные кухарки и другие нищие духом? Английские солдаты, например, вербуемые добровольно, знают очень хорошо, что их назначение вовсе не "защита родины", на которую никто и не думает нападать, а что им придется усмирять — то бунт их бедных сограждан, то восстания плохо вооруженных дикарей, и что усмирять эти бунты и восстания им следует самым беспощадным и кровавым образом, дабы задушить их в зародыше и помешать им распространиться. И молодые люди без угрызения совести поступают добровольно на эту службу полицейского и палача, и никому не придет в голову постыдиться водить дружбу с солдатом. Точно также никогда не бывало недостатка в сборщиках податей, арендных и квартирных денег, или в поземельных агентах в Ирландии, ни в их судейских крючках и сутягах. А общественное мнение, падкое на разглагольствования о человечности и о цивилизации, как бы не замечает присутствия в нашей среде этих хищников, а если и вспоминает о них, то разве для того, чтобы пожалеть

об них, как о неповинных жертвах.

Но и этого мало. Названные хищники, в конце концов, считаются единицами или десятками, тогда как вредными ремеслами и производствами занято несравненно большее число людей, которых никто и не думает укорять в этом. Здесь я имею в виду громадное число рабочих, занятых постройкой скверных домов, выделкой плохой одежды, дурной пищи и так далее, и тем самым отравляющих жизнь и понижающих умственную деятельность и энергию организма их же собственных товарищей рабочих.

В самом деле, кто строит трущобы и — что еще хуже — кто их постоянно поддерживает замазывая, подпирая, подкрашивая? Кто шьет скверное платье и приготовляет отвратительную пищу и напитки, — продукты покупаемые исключительно бедняками? И кто, в довершение всего, сбывает, навязывает их бедноте со всевозможными ухищрениями, со лживыми уверениями и прямо обманом после того, как другие подмазали и подчистили их снаружи, лишь бы сбыть с рук? Все это продельвается взрослыми, добросовестными, хорошо организованными и всеми уважаемыми строителями, ткачами и приказчиками; хотя, конечно, делают они это по приказанию и по требованию капиталистов, и единственно для их выгоды. По моему, особенно возмутительно тут то, — и я не нахожу этому факту оправдания, — что до сих пор никто не только не пытался уничтожить это зло, но даже никому не приходило в голову изучить или хотя бы констатировать его.

А все, в сущности, сводится к давнишним оправданиям, что, мол, "моя хата с краю". "Я обязан работать; у меня нет другого выбора". "Если не я, так кто-нибудь другой это сработает". "Мне от этого нет выгоды; и сам бы я рад работать над чем-нибудь действительно полезным". "Не моя в том вина; ответ на хозяине, приказавшем мне так работать".

По моему мнению, пока подобные лицемерные и грошовые увертки будут признаваться правильными, все будет идти по старому, и лучшему, светлому будущему никогда не осуществиться. Согласно с этими взглядами, капиталистам всегда удастся иметь одну часть рабочих для угнетения другой половины. Капиталисты могут еще очень долго держать массы в умственном и нравственном унижении, в состоянии истощения, дряблости и неведения даже о существовании самых высших наслаждений жизнью: мрачная и подавляющая обстановка, отвратительное питание организма, ослабляя мозговую деятельность, мешают развитию энергии в массах. И все эти условия создаются самими же рабочими, непосредственно и лично страдающими от них вместе с другими. Как прямое убийство, хотя бы солдатами стачечников, так и косвенное убийство производством отвратительной пищи, ужасных жилищ и прочее, над чем работают сами же потребители и чем они губят других рабочих, — и то и другое одинаково пагубно и должно быть признано таковым прежде всего, даже раньше, чем думать об общественной реформе.

Это и есть то, что я разумею под ответственностью рабочих за продукт их труда. Я даже прибавлю, что отсутствие подобного сознания о нравственной ответственности одинаково унижают как рабочих, так и их жертвы. Никто не станет отрицать, что полицейские и солдаты нравственно изуродованы их гнусным ремеслом охотников на людей, коварно убивающих издали. Я без стеснения заявляю, что то же самое происходит с рабочими

ремесел, занятых недобросовестным производством. Возьмем, например, водопроводчика, уверяющего всех и вся, что он чинит водопроводные и сточные трубы, хотя в действительности он и не думает об их починке; или возьмем приказчика, целый день навязывающего покупателю не тот товар, который нужен последнему, а тот, от которого он сам хочет избавить хозяина, потому ли, что товар залежался, или потому, что на нем выручается больше барыша. Не думаю, чтобы характер этих людей, как бы честны, трудолюбивы и добросердечны они ни были при начале, мог улучшиться от такой практики; вероятнее, что они станут скорее черствыми и равнодушными, чем чуткими и отзывчивыми. Точно также и толпы производителей продуктов низшего качества не могут быть заинтересованы в их собственном труде. А человек не может жить без интереса к своей работе, — без этого его способности глоснут, мозг тупеет и, в конце концов, он не будет в состоянии думать ни о свободе, ни о восстании против несправедливости, а еще меньше об их выполнении. Сравнив подобных людей с описанными Вильямом Моррисом в "Возрождении Ремесел", "Вести Ниоткуда" и других произведениях, станет ясно, что я хочу сказать.

Таким образом, каждый обречен быть жертвой указанного отношения к труду, как всякий, кто действует против интересов общества, рано или поздно становится жертвою своих собственных поступков. Всякий рабочий презирает шпионов и доносчиков; большинство из них презирают заместителей стачечников; и до тех пор, пока не установится подобного же отношения ко всем, занятым производством, вредным для общества, пагубным для их же собратий рабочих, — мало надежды на будущее.

Таково мое второе предварительное положение. Теперь я приступаю к моей основной мысли, в изложении которой я могу быть очень краток, благодаря этим вступительным объяснениям.

Мне хотелось бы найти приемы действия, облегчающие народу усвоение настоящих понятий о свободе, о человеческом достоинстве, солидарности и нераздельности их интересов, об их единстве.

Подобные приемы могут быть выработаны, если только что нами указанные два элемента будут, как следует, применяемы на деле; если будет создана необходимость заинтересовать экономически общество (большинство всех рабочих) каждой стачки в такой мере, как в ней заинтересованы стачечники; и с другой стороны, если в рабочих будет пробуждено сознание ответственности перед обществом за характер и род ими исполняемой работы, и тем вызвана в них решимость не братья за вредящие человечеству производства.

Это возвысило бы чувство личного достоинства и самоуважения, чувство взаимной солидарности, и повело бы народные массы к желанной свободе, расположило бы их к восприятию нашей пропаганды, ибо в этом случае уже не будет существовать, как теперь, противоречия между идеалом и действительностью.

Практическое выполнение такой задачи, по моему, требует, чтобы рабочие, отказавшись выполнять работу, вредную для общества, в то же время выступали с объяснением к самому обществу, насколько оно обмануто, как страдают его интересы. Что же до сочувствующих

стачке, то их долг звать общество на поддержку подобной стачки, защищающей его интересы, и стараться вызвать симпатию и организовать бойкот. Такая стачка будет прямым выигрышем и для общества, и для стачечников; если в ней кто пострадает, то, разумеется, капиталист, и на этот раз он пострадает фактически через понижение спроса, а стало быть прибыли. Конечно, этим еще не будет вырван с корнем существующий строй, как и вообще стачка не подрывает корней существующего порядка. Этого может достигнуть народ только решительным отказом работать на других, всенародной общей стачкой, социальной революцией. Но такой способ экономической борьбы может еще теснее связать рабочий класс; стачки потеряют их нынешний характер и станут делом общественным, и поддерживаться будут они не личными симпатиями отдельных лиц, в силу их идейной солидарности, как теперь, а в силу экономических общественных интересов.

На деле этот новый прием борьбы может принимать самые разнообразные формы. Лишь бы только он был усвоен тред-юнионистами и социалистами; а потом в практических попытках недостатка не будет.

Если, например, организованные строительные ремесла решили бы, что ни один их член не приложит рук ни к поправке, ни к постройке зловонных лачуг и трущоб для бедных и если в то же время они обратятся к обществу с разоблачениями вредного и губительного характера этих построек в санитарном отношении, — то вопрос о здоровых жилищах для бедных в больших городах был бы поставлен на обсуждение и разрешение несравненно резче и энергичнее, чем то делается теперь комитетами, митингами, прессою и агитацией. Нечему тут удивляться, если до сих пор народ остается безучастным к агитации по этому вопросу. Они видят воочию, что все остается по-прежнему; что их друзья и соседи, если они члены строительных ремесел, своими починками, заплатами и подмалевываниями увековечивают существование грязных лачуг и притонов нищеты и заразы. А с другой стороны, мелкие торговцы и приказчики, быть может, и сами-то живущие в этих лачугах, воздают лишь должное строителям, продавая им гнилую пищу и отравленные напитки. Они других надувают и душат на пользу капитализму. Правда, иногда эти гнилые лачуги объявляются вредными рассадниками заразы, раздаются требования об их разрушении;

но это обыкновенно происходит не по инициативе строивших и чинивших их, не по требованию их обитателей, а под давлением санитарных властей, старающихся оградить от опасности заразы, распространяемой этими логовищами бедноты, жилища богатых. У самих же жертв этой системы слишком ничтожно развито чувство личного достоинства и вполне отсутствует инициатива. Всеми силами надо стараться вызвать у них и то, и другое, и сознание о взаимной ответственности есть одно из средств для этого.

Пусть члены строительных ремесел Лондона решат не прикасаться ни одной рукой к бесчисленным гнилым лачугам Восточной и Южной части города. Одним этим решением был бы выдвинут на первый план не только вопрос о жилищах рабочих, но сразу был бы поставлен ребром вопрос о поземельной собственности и о лендлордах. Ответом публики на подобное решение было бы: "Долой наемную плату!" А приказчики могли бы помочь, отказавшись от дальнейшей продажи отравительной, испорченной пищи. Это могло бы вызвать у обитателей бедных кварталов желание поближе взглянуть на дома богатых и попристальнее присмотреться к доставке пищи в гавани и доки. Во всяком случае, явилась

бы некоторая возможность отделаться от гнуснейших сторон жизни бедных кварталов, — а это чего-нибудь да стоит! — тогда как строительные ремесла вполне бы вознаградили себя за свою стачку заработками на постройках новых хороших домов и в здоровой обстановке.

Так могли бы отказаться и ткачи производить дрянные сукна из старых лоскутьев и гнилой шерсти. Даже меньшинство из них, те, кто заняты наведением ворса и лоску на эти сукна, достигли бы кое-чего уже простым отказом и заявлением публике о причине своего решения.

То же самое относительно химической техники, с ее адом производства свинцовых белил и подобных продуктов. Тут уже сама работа убийственна для организма и никакими соболезнованиями и административными мерами делу нельзя помочь. Чтобы подобные мастерские могли когда-нибудь запустеть, следует стыдом и презрением преследовать тех, кто продает себя в них на смерть. Их следует стыдить, потому что они поддерживают своим трудом существование подобных заведений; а пока последние будут существовать, они будут притягивать к себе новые жертвы, часто даже не понимающие всей вредности своей работы.

Разве приказчики не добились бы от хозяев многих из своих требований, если бы они решили, что лгать перед покупателем ради хозяйской выгоды унизительно для их человеческого достоинства? Конечно, публика в этом случае стала бы за приказчиков и бойкотировала бы лавочника с его лавкою и скверным товаром. При теперешнем же положении дела в торговле — публике трудно сочувствовать приказчикам и рабочим. Мы можем соболезновать об их долгом рабочем дне, можем добродушно переносить раннее закрытие лавок, но мы хорошо знаем, что все наши симпатии не помешают приказчику всучить нам гнилую пищу за свежую, если того потребует хозяин.

Одним словом, как потребители, мы не можем сочувствовать слугам капиталистов, а так как в обоих случаях большинство состоит из рабочих, то они и остаются разбитыми на два враждебных лагеря, объединить которые удастся только практическим осуществлением взаимной солидарности.

Убеждение и чувство — прекрасные вещи, но они далеко не во всех случаях пригодны для этой цели.

Приведенными примерами моя основная мысль более или менее выяснена, хотя она ими не исчерпывается. Я вполне сознаю всю трудность почина в этом деле, почему я и предлагаю на первое обсуждение вопрос о взаимной ответственности. Раз данная мысль усвоена, хотя бы и немногими, неминуемо появятся желающие осуществить ее, сначала, быть может, даже неподготовленные и неорганизованные для практического действия. Движение может начаться самой ничтожной мастерской, рабочие которой могут побросать свои инструменты и решительно отказаться от продолжения вредного, противообщественного труда; или же оно может быть начато обычным порядком — через решение конгрессов и прочее. Во всяком случае, моя мысль является шагом вперед к альтруизму. Ведь мы презираем являющегося на работу во время стачки заместителя за его содействие хозяину в борьбе против своих товарищей, за его противообщественный поступок. Почему же мы делаем исключение и

допускаем другое отношение к другим родам противообщественных поступков, как вредная для общества работа и тому подобным? Если часть рабочих с первого раза не усвоит подобного отношения, пусть сама публика установит его и действует согласно с ним.

Все это может показаться жестоким бессердечием. Но перед нами только два выбора: или быть сентиментальными и, не слушая голоса рассудка, соболезновать всякому, прощать все и вся, проливать слезы над убитыми и ранеными солдатами, над потерпевшими полицейскими при выполнении их обязанностей, или же быть логичными, и в таком случае мириться с господствующим характером отношений разве только в виду неподготовленности общественного мнения, над выработкой которого мы и должны работать. Игнорировать или прямо отрицать принцип ответственности возможно только при поверхностном сентиментализме или же при такой степени нравственной дряблости, когда люди готовы свалить вину со своей головы на чужую, вместо того, чтобы смело вдуматься в истину, хотя бы и нежелательную. Нежелательной я называю ее потому, что она увеличивает нашу подготовительную работу социального переворота; но ведь настоящий переворот и не может совершиться, пока люди останутся при нынешних отношениях.

Из всего сказанного легко видеть, что я предлагаю две вещи: во-первых, развитие сознания ответственности; а во-вторых, применение этого сознания к организации, так сказать, общественных стачек в интересах всего общества, как то было указано выше. Если окажется, что подобные стачки неосуществимы, следует искать иных способов применения этого сознания ответственности, верного в своей основе и могущего влиять благотворно. По моему глубокому убеждению — наносить какой бы то ни было вред своему ближнему по приказу капиталиста не простительно никому, и оправдание, что "я-де только орудие" прямо постыдно. Все это подстать мирящимся с существующим общественным строем, довольным своим положением слепого орудия капитализма и поработителей. Но те, кто, отрицая современный строй, в то же время совершают подобного рода противообщественные поступки, являются, допустим, бессознательно, его пособниками, которым никогда не разбить его.

Мне хочется, чтобы люди стали прежде всего свободными умственно; потом, чтобы они отказались от работ, способствующих развитию нищеты и укреплению современного порабощения, и тем самым вызвали бы в массах ту широкую волну взаимной симпатии и солидарности, которая станет самым могущественным связующим началом в дальнейшей борьбе.

Важность экономической борьбы, по-моему, лучше ценится теми, кто сознает себя свободным и видит в свободе окружающих лучшую гарантию для своей собственной свободы. Если своим отказом работать на капиталиста они не положат конца современной системе, то, во всяком случае, они постараются не работать больше во вред себе подобным, не заботясь о том, отвечают ли последние немедленно взаимностью и солидарностью, а повинуюсь в своем решении лишь голосу совести и чувству личного достоинства. Таков настоящий способ действия анархистов: "делай сам то, что ты хочешь, чтобы делали другие".

Люди, признающие политическое действие и власть, обыкновенно омывают руки от этого и всенародно провозглашают неизбежность вышеуказанного, чем они содействуют дальнейшему процветанию злоупотреблений, а вместе с тем — надеются, что кто-нибудь да совершит то, чего они сами не могут или не хотят делать. Но мы, отвергнувшие эти софистические тонкости в политике, обязаны отвергнуть их и в области социальных отношений в самом широком смысле слова, а потому мы и выдвигаем на первое место требование об ответственности каждого в исполняемой им работе.

Оговорюсь еще, что при обсуждениях этого вопроса слово "нравственность" должно быть употреблено не в том смысле, будто бы я требую от рабочих быть нравственнее. Не в этом смысле я употребил его. Я желаю рабочим быть прежде всего свободными и полными сознанием своего личного достоинства, самоуважения; а тогда уже их собственное чувство подскажет им решение отказа от всякого противообщественного дела, как теперь они отказываются стать доносчиками и паршивыми хозяйскими затычками во время стачек. Легко говорить: прежде всего уничтожим капитализм и современный строй, а тогда уже рабочие приобретут эти качества. Но, спрашивается, кто будет разрушать современный строй, когда мнимый закон Маркса, что капиталисты со временем поедят друг друга, нас больше не убаюкивает, как издавна убаюкивал социал-демократов?

В заключение повторяю, что у меня нет ни малейшего намерения уменьшать важность какого бы то ни было приема современной пропаганды, но мне было бы желательно, чтобы предлагаемый метод пропаганды был обсуждаем, особенно при встрече анархистов с тред-юнионистами. Это может, в конце концов, повести к превращению борьбы с тред-юнионистами из обыкновенной узко-ремесленной — в борьбу за общественное освобождение, что неминуемо вызвало бы симпатию всех свободных людей, которым дорога и свобода других.

На переломе: уходящий авторитарный и восходящий либертарный век

1932, источник: [здесь](#).

Нынешнее трудное экономическое и политическое положение во всех странах вызывает всеобщие волны недовольства, а часто и отчаяния, но оказывает различное влияние на население разных стран, так как их прошлая история и события с 1914 до 1918 года поставили каждую из них в особое положение, подвергли их различным влияниям и, таким образом, создали различные умственные и материальные условия. Здесь — безумное отчаяние, в других местах — надежда. Может быть, что самые превосходные свободники, имеющие долгий опыт, чувствуют так, как товарищ мне пишет, говоря, что ему кажется по временам, что мы являемся еще одной религиозной сектой, проповедующей этику в неэтическом мире. Так, по временам, кажется одному она существовала много столетий; возможно, она будет существовать и в дальнейшем в другой форме, но сейчас мир — сумасшедший, власть является доминирующей идеей, а мы все — мечтатели в холодном и жестоком мире. Так "по временам" кажется одному из лучших. Несомненно также, следующее: что нынешняя общественная жизнь обещает стойким, то может вызвать у некоторых пессимизм. Но я думаю, что это только действие борьбы между прошедшим и будущим, которая затемняет мечту. Мы находимся посередине самой ожесточенной схватки между грубыми силами власти и моральными силами свободы. Большинство так захвачены борьбой, что мы не можем охватить взором все поле сражения и заметить признаки, указывающие на возможность победы свободы.

Что касается меня самого, то я должен сказать, что нынешний кризис дает мне такую надежду, какой я не имел с моих ранних дней. Я попытаюсь объяснить причины, так как я думаю, что это самая важная проблема, стоящая перед нами: преодоленная пессимизмом, наша жизненность сокращается; рожденные с надеждами, наши силы ободряются и увеличиваются; в дополнение к этому, по моему убеждению, течение эволюции направлено в нашу сторону и мы должны плыть, так как оно принесет нас к нашей цели.

Это существенный пункт в анархизме: он идентичен с самыми совершенными формами прогресса. Он — не система устройства жизни, а сама жизнь, освобожденная от

искусственных препятствий. Поэтому, анархический дом не будет домом, построенным по каким-нибудь официальным планам, созданным анархическими архитекторами, но домом, который не будет изуродован скупостью домовладельца, жадностью строителя, неопрятной работой плохо оплачиваемых рабочих, интересами бизнеса и объявлениями, плохим вкусом невежественных квартирантов и другими факторами, которые в большинстве случаев сегодня являются главными: он будет производством бескорыстных чертежников и, рабочих, любящих свою работу, в согласии с интеллигентными людьми, которые будут знать, как придать своему дому индивидуальный характер, не увлекаясь эксцентричностью, которые сделали бы дом отвратительным для соседей и негостеприимным или бесполезным для других, которые позже захотели бы поселиться в нем. Каждый будет делать все лучшее, как это делается и сегодня среди друзей, в семьях, даже среди незнакомых людей в особых общественных случаях, когда все чувствуют себя счастливыми и веселыми, как это делается нормально порядочными людьми в их отношениях к людям. Нет абсолютно никакой причины, вследствие которой эта увеличивающаяся обходительность не может стать всеобщей, по которой чувство солидарности, общего владения, бескорыстия и отсутствие частных желаний, что оживляет всех, посещающих национальный музей, общественную библиотеку, городской парк и т.д., не следует сделать всеобщим. Разве мы хотим взять домой картины из музея и редкие книги из библиотеки? Нет, наоборот, мы рады тому, что эти предметы освобождены от частной собственности и находятся сейчас в безопасном распоряжении каждого, как будут находиться в распоряжении всех в будущем. Хотим ли мы быть собственниками тех домов, лавок и земли, мимо которых проходим? Мы о них совсем не думаем, как только поднимаемся немного выше хлебной очереди и можем немного украсить свою жизнь. Те, в ком живет постоянная жажда обладать всем, — или совершенно бедны и находятся в отчаянии, или же ненормальные люди, страдающие отсутствием общественных чувств. Но они являются меньшинством, которое следующим социальным сдвигом будет выведено из действия, а также лишены возможности повредить, которую они имеют теперь.

Все это — бескорыстие, общественность, благоразумное поведение — характерные черты людей образованных, моральных, интеллигентных, изысканной жизни и анархического поведения. И когда люди увидят, что все их лучшие вдохновения совпадают с анархизмом, они будут на пути к нему и будут стараться узнать, как удалить препятствия, мешающие его полному осуществлению.

Эти препятствия, опять таки, точно такие же, какие большинство людей чувствует на своем собственном пути. Кому нравится государство? Любит ли кто-нибудь сборщика податей? Кто имеет настоящую веру в политиков? Кто не уверен в том, что работа, сделанная "государством", предписанная чиновниками и исполненная другими чиновниками или жадными подрядчиками, является дешевой, неудовлетворительной и принудительной по своим последствиям? Для кого — как бы кто ни был подготовлен теоретически для признания государства — государство во всех его практических действиях не представляет собою беспокойства, расточительности и некомпетентности? Или судьи, полиция и военщина — кто не рад, если не имеет ничего общего с ними, кто не боится самого худшего, если попадает в их руки?

Муниципалитеты хороши в абстракции, но на практике не означают ли они хозяев и разного рода крупного разврата и расточительности? Или обратим внимание на капиталистов, банкиров и хозяев, Если даже по учебникам политической экономии все они считаются чрезвычайно полезными гражданами, на практике большинство людей теперь не доверяют банкирам; они видят, что мультимиллионерство капиталистов имеет очень малое значение для их карманов, они имеют представление о жестоких делах многих компаний, капиталистических магнатов и частных хозяев. Кто, кроме непосредственно заинтересованных лично, питает симпатии и уважение ко всякому существующему учреждению, поддерживающему капитализм и государство в их подлинной работе, а не в такой номинальной абстракции? Очень немногие сейчас настолько наивны и ограничены в области мышления; большинство людей видят, что они окружены сетью, которая означает для них столько же добра, сколько добра означает сеть паука для мухи. Какое учреждение не было так сурово раскритиковано, как только анархисты могли это сделать, которое не представляло бы ярких образцов вредности, бесполезности или некомпетентности?

Это применимо к нынешнему положению каждой страны, большой или малой. Государства знали только вооружаться, устраивать войны. За 14 лет они не могли найти пути к разоружению и к установлению настоящего мира. Государства знают, как воздвигать новые крепости, как затруднять торговлю при помощи новых тарифных стен, но они не знают, несмотря на настаивания экономистов, как устранить все эти препятствия. Капиталисты умеют приказывать своим техническим экспертам "рационализировать" продукцию, а рабочим — трудиться с повышенной интенсивностью и чудовищно увеличивать объем продукции, но они не понимают, как заставить государства — их собственные исполнительные органы — не разрушать рынки при помощи их злых действий даже после 1914 года, разоружиться, сократить другие их губительные расходы на бюрократию, не толкать другие страны в пучину гражданской войны, губительной для бизнеса. Те, кто контролирует общественное мнение — политики, пресса и кафедра, учителя и люди науки, — не умеют ни устранить военные настроения, созданные чувствами страха и мести, ни распространить доверие, взаимную добрую волю и практический здравый смысл среди людей. Одним словом, каждая попытка облегчить последствия четырехлетней мировой оргии взаимного постыдного убийства и подлой клеветы кончалась неудачей в течение этих 14 лет. Основной организм современного общества, изуродованный и обессиленный четырехлетним разрушением, с тех пор не был исцелен, воспитан или сделан выздоравливающим, но излечивался при помощи разного рода жульничества, отягощения, поджигательства и разложения таким путем, что в настоящее время исцеление по старым методам безнадежно. Больше того, эти старые методы не могут быть даже применимы, ибо в настоящее время находятся в действии те силы, которые в действительности продолжают войну, готовятся к новому взрыву и, логически, не стоят на пути к исцелению.

Вооружение, военные долги, тарифные стены, финансовые взаимоотношения, национальные ожесточения, самолюбие политиков и партий, безразличие, предупреждения, фанатизм и действительное невежество масс — над всеми этими и другими областями таких неизбежных народных и общественных интересов господствует хаос, разъединение или преобладает деспотическая воля сильнейших. Золото приказывает, существующее вооружение приказывает, смелая готовность к войне приказывает, национальный фанатизм приказывает — разум бессилен, человеческие чувства отсутствуют, практический здравый

смысл кажется исчез — все это может быть достигнуто в 1933 году, как и 14 лет тому назад, может придти в самой бессмысленной форме, чтобы отложить дела до следующей конференции после 34 конференций, состоявшихся во все эти годы.

Это означает не только политическое и экономическое, но и интеллектуальное и моральное банкротство системы, основанной на монополии частной собственности, связанной с принудительным подчинением народа силе государства. Обе составные части системы были сильны, когда успехи были с ними: невзгода показывает их пустоту и практическое отсутствие настоящей власти. Ибо, что такое государство, если не бюрократия, предполагающая управлять общественными делами с умеренными успехами? Если они загонят народную телегу в болото, как это они делали, там она и застрянет, как каждая телега застрекает; если они не смогут ее вытянуть, как это ясно из этих 14 лет, это логически означает банкротство, которое ведет к ликвидации — слово, которое прудонисты и другие анархисты всегда употребляли, когда говорили об упразднении государства. Тогда это был утопический сон в глазах многих. Сейчас он очень близок к действительности. Что касается частной собственности, то такая собственность должна найти рынки для сбыта, но такие рынки исчезают; она должна найти потребителей, покупателей, а разоренные и безработные не в состоянии покупать. Так тускнеет ореол, окружающий частную собственность — бездействующие фабрики, железные дороги и пароходы с малыми грузами стоят перед опасностью потерять свою ценность, как теряют ее запасы товаров в складах, а голодающие люди, безнадежно безработные, по всей вероятности, могут проявить нетерпение. Вооружения "требуют обновления, а это требует новых денег в виде налогов или займов, а они не поступают с прежней скоростью и неистощимостью.

Вкратце, в течение многих лет можно было поддерживать настоящую систему выплаты старых долгов новыми займами, в сущности никогда не погашая долгов. Но каким-то образом доверие теперь поколеблено и высокое здание разваливается; его основная сущность слишком мала, чтобы перенести благополучие чрезмерно большой государственной бюрократии, а также военных, капиталистических и ростовщических классов наряду с созданными ими депрессией и безработицей. Шар, упавший в пустыне развалин, созданной разрушением и 14-ью потерянными годами, никто не может надуть еще раз.

* * *

В этом анализе нынешнего положения я не имел случая упомянуть социализм. Я указываю здесь на две большие вариации авторитарного социализма, на социал-демократию и на коммунизм (русский советизм). Что в самом деле они сделали? У них не отсутствовали возможности: целая Россия — Сибирь со сравнительно малыми усилиями подчиняется большевизму в течение 15-ти лет, а в большинстве других европейских стран социал-демократы были у власти частично или полностью в послевоенные годы. Они считаются безопасной правительственной партией и имели все возможности, во Франции с Мильераном, Брианом и др. в течение 30 лет, в Германии с 1918 г., в Англии со времени рабочего правительства в 1921 г., в Швеции, Дании и в других странах. Тем более нужно сказать, что итальянский фашизм есть смесь государственного социализма, капитализма и национализма, организованный опытным бывшим социалистом. В Соединенных Штатах

организованный труд занимает место социализма и не без средств, дабы дать себя почувствовать, если он действительно имеет что-нибудь сказать.

Таким образом, авторитарный социализм, много соревновавшийся и очень неразвитый фактор общественной жизни 60, 50 и даже 40 лет тому назад, внезапно выдвинулся вперед после 1917 и 1918 года... не во всех случаях при помощи своей мощи и усилий, но главным образом потому, что капиталисты во всех их плачевных делах с 1914 года желали разделить ответственность с рабочими, а в незначительной степени разделяли даже доходы, как делали это военные индустрии, давая большой заработок; официальные карьеры внезапно становились открытыми для лидеров и, как ничто другое, были желательны и приемлемы для капиталистов, ибо благодаря этому продолжалась доставка рабочих для военных заводов, рабочих для военных барачков; это вызывало довольство рабочих классов, сложение с себя обязанностей и порождало патриотический восторг от таких взаимных соглашений. Россия" была пятном на этих схемах, которые так хорошо вырабатывались на Западе; также в Германии, Италии капиталистические намерения были нарушены.

Результатом всего этого был нынешний государственный социализм в России, который я не нахожу нужным обсуждать здесь. Это не привлекательная форма социализма для России, а попытка навязать его другим странам содействует только сокращению и подрыву социал-демократических партий, в то время, как само население не решается принять всецело странную и неудовлетворительную систему, вследствие ее непривлекательных действий в современной России. Социал-демократические и лейбористские правительства не позаимствовали ниоткуда великодушной и талантливой инициативы, чтобы серьезно улучшить общее критическое положение. В действительности, им нечего было сказать и они никогда ничего не скажут, кроме чего-нибудь в абстрактной форме в парламентах. Все эти партии являются не чем иным, как избирательными машинами для создания наибольшего количества депутатов, что может быть достигнуто при помощи оболъщения широких масс избирателей реформистской и национал-патриотической фразеологией, но, конечно, не при помощи предъявления им социализма и социальных проблем в их истинных цветах.

Все это означает в действительности, что авторитарный социализм уничтожает сам себя « России своим огромным самолюбием, несолидарностью, а во всех других местах вследствие превращения в чисто-политические партии, связанные с поддержанием существующей системы — как раз в те годы, когда эта система шатается и крошится — и заботящихся о разделении власти с врагами социализма, государством и капиталом. Это делается с той целью, чтобы оказаться в выигрыше в обоих направлениях — или спуститься к власти в качестве сотоварищей и помощников буржуазии или захватить власть при помощи государственного переворота (coup d'Etat), как это сделали большевики, а затем узурпировать и монополизировать государственную власть, как они делали и продолжают делать. Никакими успехами не может увенчаться это предательство социализма, как показывает ненадежное положение большевизма после 15-летнего существования; это означает пребывание у власти и поддержание ее, а это является достаточным обвинением для новой социалистической бюрократии, готовой занять место старой капиталистической бюрократии или объединиться с нею. Рабочие — это беспомощные массы индустриальных рабов, как налогоплательщики, являются беспомощными платящими массами капиталистических партий. Но эта тесная связь с разлагающейся системой заразила и

сделала дряхлыми социалистические партии быстро и фатально: из бывшего, по крайней мере по их мнению, авангарда социалистического прогресса, они превратились сейчас в прочные опоры закона и порядка, в самые отсталые, самодовольные и болеутоляющие элементы.

Они наслаждаются властью; они защищают существующую систему, — они не могут показать ничего своего собственного даже там, где вся полнота власти находится в их руках, за исключением нынешнего советского государства, где они тиранизируют огромный народ, как это делал царизм; в таком случае, к какому веку они принадлежат: к Прошедшему или к Будущему? Муссолини восстановил средневековье; большевицкое управление похоже на царское; социал-демократы и люди из Рабочей партии поддерживают нынешнюю капиталистическую систему — какие больше нужны доказательства для того, чтобы показать, что все они уносятся из отвратительного Настоящего в мрачное Прошлое. Больше того, они не делают серьезных попыток, чтобы преодолеть нынешний кризис. Они не могут. Они интеллектуально и морально отреклись, как социалисты. Их вера в социализм исчезла; они верят в государство — принудительное урегулирование общественной жизни всего человечества. Но развитое человечество всегда будет презирать такой обман: если человечество волнуется, оно волнуется не для того, чтобы быть деспотически управляемым социалистами подобного рода, после того, как оно деспотически управлялось феодализмом, капитализмом и государством.

Это очень ясно видно в Испании, где авторитарные социалисты, как министры и депутаты, депортируют анархистов и синдикалистов, преследуют во всех направлениях синдикалистскую организацию (С.Н.Т.), которая является опорой сегодняшнего сопротивления испанских рабочих в их рабочей борьбе, надеждой на завтрашнюю возможность и организацией идеальных анархических и анархо-синдикалистских концепций. С этой массой, приблизительно в миллион рабочих, обращаются как с врагом и как недругом официальных социалистов: ожидает ли кто-нибудь, что после этого такой "социализм" будет желателен в новом обществе? Нет, этот социализм показывает свой настоящий цвет теперь, он обрушивает мщение на анархистов теперь, он не будет снова желателен. Или же немецкий Носке и другие, русский Сталин и другие, будут ли они все желательны для управления в новом обществе? Очевидно, нет: их время было, еще существует теперь, а после этого — все будет кончено.

Эти веские и ясные факты, о которых мы думаем, с каждым днем становятся яснее. Если новое общество придет, оно будет либертарным. Это слово означает разные применения свободного или добровольного социализма, как многие формы анархизма, добровольная кооперация, а также свободные формы синдикализма, если в свободном мире настоящие синдикалисты будут держаться вместе, так как теперешняя система спаяла их для рабочей борьбы. Больше похоже на то, что они присоединятся к анархическим группам по выбору и родству. Или, может быть, технически полезные большие единицы рабочих еще будут называть себя синдикалистами, между тем они были бы только нейтральными группами, кооперирующими свою деятельность, а сами индивидуально группирующиеся по своему усмотрению. Не имея никого впереди себя для борьбы, настоящие синдикалисты рассеются, как и единицы армии. В этой сфере новое общество создается бы без принуждения, государственности, авторитета, в котором, как это наблюдается сегодня, никто не позволил

бы отсталому, невежественному человеку исполнять какую-нибудь деликатную, утонченную работу, поэтому не было бы необходимости управления авторитарных социалистов в новом обществе.

Маркс и другие, вплоть до Ленина, сами сознавались, что анархизм следует за их периодом диктатуры. Так и будет; но так как они имеют диктатуру сейчас против буржуазии (Россия) или совместно с нею (другие страны), то их "историческая роль", подарим им этот титул, закончена теперь. Это наверняка будет разочарованием для их последователей, которые замечали очень мало, особенно мало хорошего для них от этого исторического явления, но их лидеры имели очень много от него. Маркс наслаждался диктатурой всю свою жизнь, с 1844 г. Энгельс пиршествовал в ней до своей смерти в 1895 г. Жорес был духовным руководителем Франции целые годы. Бебель, Либкнехт, д-р Виктор Адлер, Грейлих, Вандервельде, Мильеран, Бриан, Ферри, Турати, Иглесиас, Гайндман, МакДональд, Брантинг, Ленин, Троцкий, Сталин и все другие были действительно некоронованными королями европейского пролетариата. Эти династии уже вымирают: настоящее поколение не создало имен, которые можно было бы запомнить. Поэтому почва сейчас свободна; и те, которые хотят видеть авторитарный социализм, стоящим перед собою, в самом деле, наивны: они никогда не увидят его в большем масштабе, чем мы уже видим. И этого совершенно достаточно.

Не будем заблуждаться или огорчаться из-за настоящего укрепления авторитарности во многих странах. Это результаты неустойчивых экономических условий и нетерпимости с неработоспособностью всех находящихся у власти, включая социалистов, — управляющих или влияющих на большие партии. Эти народы имели мало доступа к либертарному учению, даже к либеральным идеям, так как в течение 70 лет авторитарные социалисты делали все, что могли, чтобы устранить эти идеи, от либерализма (как это делал Лассаль) до анархизма. Поэтому анархисты всегда имели двух жестоких врагов: государство и социал-демократов; и, несмотря на то, что его последователи твердо выстаивали против государства, не всегда было возможно твердо устоять против социал-демократов, так как они в ранние годы представляли социализм и, как социалисты, не считались врагами, между тем, как они всегда считали анархистов хуже врагов. Поэтому почва недостаточно подготовлена (исключая значительные части Испании), но рассеяние иллюзий об авторитарном социализме уже пришло, какие бы ошибочные формы он ни принимал перед людьми, которые не знают лучшего. Они знают даже то, что социал-демократические лидеры, депутаты и министры не помогут и не спасут народ. Теперь время для либертарианцев говорить к людям, объяснять им свои идеи более подробно, более широко, чем до сих пор делали, и делать это во всех странах и на всех континентах.

Где эта работа серьезно началась, как в Испании, чудесно смотреть, как скоро падают ограничения, которые мы сами в ранние годы позволили налагать на анархические идеи.

Были времена, когда анархисты-коммунисты считали необходимым отвергать индивидуализм, когда Малатеста часто подвергался нападкам за то, что был слишком усердным организатором, когда другие смотрели на анархизм совершенно так же, как смотрел Кропоткин в "Завоевании Хлеба", не представляя его ни в каких других формах, когда терпимость рассматривалась как измена, а наличие двух или больше концепций

анархической жизни рассматривалось, как нечто губительное. Все эти и другие особенности свойственны детскому или книжному возрасту, когда программы, памфлеты и несколько ораторов, казалось, захватят и овладеют неизменяемой и непогрешимой доктриной. Этот период сейчас прошел, по крайней мере, там, где товарищи находятся в настоящей связи с народом, как это наблюдается сейчас в самых больших частях Испании. Здесь всеобщий идеал — это свободный коммунизм.

Короче говоря, товарищи чувствуют, что анархическое сознание и анархические действия являются существенными факторами, которые должны исходить от каждого, согласно его собственным качествам, возможностям, ритму и темпераменту. Вот почему платформистские доктрины кажутся такими пошлыми испанским рабочим, из которых очень многие знали их еще раньше (1926), когда были в изгнании во Франции, и, за небольшими исключениями, всегда отвергали их. К свободному коммунизму, безотлагательной мере, присоединилась свободная коммуна (*municipio libre*), как непосредственная среда действия, а также интер-солидарность, как организация, Национальная Конфедерация Труда — это прообраз ее, как метод расширения местной активности и создания необходимого базиса для соответствующего производства и распределения существеннейших предметов. Это в истории анархизма решительный шаг от теории к практике, от изучения в лаборатории к мастерским, от отвлеченных ожиданий к действительности, подготавливающейся сейчас в головах и сознании многих.

Если бы только свободники других стран заговорили, а также воплотили свой идеал в конкретную форму перед всем обществом, в котором, кроме всех отчаянных государственников, ожидающих помощи в прошлом, в большем принуждении, в новом закреплении, существуют хладнокровные и либеральные элементы, которые едва ли или совсем не слышали об этих сегодняшних аспектах анархизма. Они находятся под впечатлением, что анархизм означает точное воспроизведение личных концепций Кропоткина, или что при помощи кровавого реванша он может установить царство террора более жестокого, чем даже большевицкий, или что мы являемся только толстовскими нравственными проповедниками, не подходящими для наших жестоких времен. Они игнорируют то, что для очень многих из нас этот сектантский период закончился. И, конечно, если бы старые учителя анархизма были живы сейчас, они первыми заметили бы это и сделали бы большой шаг вперед.

Положение созрело сейчас, государства и капитализм потерпели банкротство. И чем дольше они существуют, тем больше несут потерь. Народ сознает, наученный опытом, что государственный социализм тоже обанкротился и может высосать последние ресурсы из народа, если он успеет осуществиться и принудить народ к нему подчинению. Созревает также очевидное пробуждение народной воли для создания перемен: всеобщее волнение, которое никто не может усмирить теперь. Социалисты — самые консервативные части населения теперь, потому что они были воспитаны верить в Маркса теоретически, повиноваться своим лидерам практически и ожидать чего-то с высот — если не с неба, как религиозные верующие, то хотя бы от государства, — если не от священников, то хотя бы от общественных политиков. Не-социалистические массы не воспитаны в таком духе, поэтому здесь они присоединяются к коммунистам, а там они очарованы и замануты националистами и фашистами. И приходится горько сожалеть о том, что свободники не внимательны к

настоящему положению и распространяют свои идеи не в современных и прямых формах, а — как это часто делают — кружным путем пробуждения интереса к анархическим мыслителям прошлого — очаровательное изучение несомненно, но недостаточно привлекательное для измученных, полуразоренных, полуголодных, нервных и озлобленных масс настоящего времени.

Общество достигло разделения между старыми авторитарными методами, доминирующими в религии, как привилегии, монополии, государство и капитализм, авторитарный социализм, выражающийся в практическом бесстыдстве, разрушении и бессилии всех этих одно время сильных и хвастливых учреждений, — и реакцией человеческой свободы, достоинства и счастья либеральными методами, которые всегда были двигающей силой искусства, создателем науки, мотором эволюции Этики, духа Прогресса. Солидарность и Великодушие являются либеральной стороной этого разделения и с их помощью начинающиеся источники и маленькие ручейки Свободы скоро объединятся и станут быстрыми течениями и мощными реками. «Авторитарность, так сильная в прошлые века, уменьшается, как ручьи уменьшаются, когда мы поднимаемся выше разделения. На стороне будущего, дальнейшей стороны разделения, все однажды начавшееся, увеличивается в силе; на стороне авторитарности оно делается малым и не имеет больше полезности, когда мы отстраняемся от прошлого так непреодолимо, как непреодолим сам Прогресс, индивидуальные и социальные формы его неотделимы от него.

Мы, по моему убеждению, в лучшем положении, ближе к нашим заветным целям, чем нам кажется и чем я думал сам не так давно. Не по нашему достоинству, которое действительно малое, но благодаря подавляющей силе Прогресса, течение которого также является нашей движущей силой. Прогресс обозначает развитие от менее совершенного к более совершенному, применение Прошлого к Настоящему, подготовки Настоящего к Будущему. Будущее может быть только не самолюбивым счастьем; но всегда является стремлением всех хороших людей и стремлением всех анархистов. Власть, возможно, была пеленкой в детстве, возможно, была роговой оболочкой, охраняющей куколку, но совершенно не нужна вылетевшей бабочке; она теперь, как коричневая шелуха, покрывающая листья почек на деревьях, которые покрывают почву в лесу весной после того, как зелень разрывает их и они раскрываются по своей воле и силе. Весна наступила для человечества и поэтому все эти охраняющие покрытия, имевшие свое время, падают на землю. Так марксизм, социал-демократия, большевизм имели и имеют свое время, свой полный простор; теперь они стали пеной, как бесполезные органы.

Когда будущие поколения глянут назад на настоящее время, они сразу увидят, что все это не могло быть иначе. Оно должно произойти само по себе, по своей энергии и воле. Никто не думает об освобождении почек от их шелухи; их собственная энергия, когда появится настоящая сила, игра ветра, луч солнца, несколько капель росы или дождя достигают целого мира деревьев — в международном масштабе. Немногие анархические группы и газеты не могут создать анархизм, но пробуждающееся человечество может и создаст. Но мы можем указать путь и помочь очистить его; прежде всего мы должны предупредить тех, которые теперь бродят, ища света, и находят приют в старых авторитарных ложных понятиях.

Мы не "мечтали в холодном и беспощадном мире", если посмотрим настоящему положению прямо в лицо. Мир огненно-красный от возбуждения и горит от злости и негодования, от того, что плачевно, жестоко и цинично обманут всеми учреждениями, в которые он веками учился верить. Эти учреждения сейчас закрыли ставни, как и многие банки, и действующая сила теряет свою стоимость в мире банкротств и безработицы.

Будущее, скорое будущее, достигнет высшего момента, и если не будет панического страха к примитивному карабканию сильнейшей универсальной морали, если не физического каннибализма, — путь вперед должен быть указан и выработан, путь солидарности, благородства, свободы, которая идет в одном направлении с анархизмом, пока оба пути не сольются в один: в свободную жизнь свободного Человечества.

Это, по моему мнению, наша настоящая миссия: указать, что авторитарное прошлое дошло до такой границы, что только можно описать, как плох долг несостоятельного должника, и что время для нового начала в направлении свободы давно уже начертано, настало. Это не голос пророка, не сон утопистов, не вера сектантов и фанатиков, как мы называемся, а настойчивый призыв Прогресса, требования времени. Анархизм, как мы понимаем теперь, не мог вступить в практический контакт с жизнью, поскольку, как это было не так давно, все авторитарные силы были мощны и благополучны, но теперь может и должен, когда естественная и неумолимая эволюция сама обратила в бегство всех государственников, включая и социалистов. Этот колоссальный исторический факт устанавливает контакт и мы теперь можем быть непосредственно полезными Человечеству, указать дорогу к Свободе; это также очистит нашу собственную дорогу и наше дело выиграет, так как оно дело самого Человечества, борющегося и прогрессирующего.

Против утопий «переходного периода»

1930, источник: [здесь](#).

Анархический прогресс путем непрерывной эволюции

Иногда случается, что тот или другой анархист, совершенно искренно отчаиваясь в быстром осуществлении анархизма, превращается в сторонника идеи "переходного периода". Он не видит, что полный, искалеченный социализм и без того окружает нас со всех сторон. Чем иным является диктаторский коммунизм, политическая социал-демократия, реформизм, лейборизм и разнообразные другие виды несвободной организации? Чем иным являются они, если не социалистическими достижениями, без надежд впереди, отвергшими свободу, как ненужную роскошь, и тянущимися к государству, к вождям? Здесь искусственные рамки заменяют волю, инициативу, разумное согласование усилий, стремлений и способностей. Эти организации не обладают такими качествами, ибо им не хватает энергии, чтобы воспитать и упражнять их. Такой анархист не видит, что за этими недостатками и несовершенствами идеала открываются новые перспективы и встают новые люди. Видя, какое болото создали коммунисты и социал-демократы, эти люди верят, что все дело можно поправить силами высшей, всепроникающей власти, силами суровой государственности, которая каждого поставит на свое место и будет держать его на посту железными цепями. Идеал средневековой христианской церкви ныне стал реальностью в управляемых фашистами странах. Разве этого недостаточно, разве мы не стонем повсюду, где разлагается общественная жизнь, где воцаряется звериное начало? Эволюция идет вспять повсюду, где люди действуют под влиянием факта отступления от цельного социализма и сдачи им позиций, внешне практичной, близкой и осуществимой "постепеновщине," системе "выплаты в рассрочку."

Система "рассрочки" не оправдала себя в деловом мире, она создала иллюзии, которые неизбежно должны были рухнуть в один прекрасный день. Такой же вред эта система причинила социализму. Истинные социалисты, обладающие стойкостью, являются в настоящее время очень редкими птицами, тогда как десятки миллионов социалистических избирателей, привлеченных тем или иным пунктом социалистической избирательной платформы, являются неустойчивыми и туманными нереальностями, подобными дыму.

После этого, введение идеи "переходного периода" в анархизм являлось бы, со стороны тех, кто выражает подобные мнения, отречением от высокого идеала цельного социализма. Такое отречение является личным несчастьем для тех, кто в нем повинен, временным или хроническим уменьшением их силы, как это бывает во время болезни, ослабляющей людей и отнимающей у них способности. Но разве мы видим тех, кого поражает болезнь, пропове-

дующими, что их болезненное состояние является достижением, что оно есть настоящий путь, на который должны добровольно стать все? Нет, этого мы не видим. А между тем, именно к этому сводится защита идеи "переходного периода" некоторыми из ее жертв.

Психологически поведение таких людей объясняется значительным различием и дистанцией между подлинной жизнью и той упрощенной формой, которую получают надежды и чаяния людей в руках приверженцев окаменевшей догмы. Даже такая полная надежды идея, как идея свободного развития и дружественного, солидарного сожительства разумных людей, свободных от бремени и цепей мрачного и жестокого прошлого, не всегда понимается, как просвет в новую и лучшую жизнь. Правильно понимая эту идею, мы можем содействовать ее осуществлению нашим собственным поведением, направляемым этой великой целью. Однако чаще бывает так, что эта мысль понимается, как готовая система, которая может и должна убедить всех после социального переворота. А так как универсальность такого приятия анархизма кажется неправдоподобной, то анархизм отсрочивается и придумывается "переходный период". Эти догматически мыслящие люди ждут, что такого рода переходная система будет принята из их рук всеми. Разумеется, может найтись много людей из числа тех, которые придумывают эти системы в настоящее время, или из числа тех, которые каким-нибудь способом дорвутся до власти и смогут распорядиться делами, — какие люди смогут создать, а в некоторых случаях даже на время укрепить множество разнообразных, искусственных и воображаемых общественных построек.

Такие действия являются в высокой степени авторитарными, эгоцентричными и лишенными всяких гарантий, ибо при таком порядке один или несколько человек претендуют на точное знание того, каким ритмом должен развиваться прогресс, где именно люди должны останавливаться, чтобы отдохнуть в "переходном периоде." Здесь будет не только множество таких предложений и навязанных схем, но и, кроме того, эти схемы будут следовать одна за другой. Ибо, если возможна одна остановка в качестве "переходного периода", то почему бы не быть и нескольким таким остановкам? Короче говоря, все это является ничем иным, как игрой в правительство, управлением сверху, насильственным навязыванием, которое не приведет ни к чему. Доказательством тому служит извращение всей социальной жизни в России, Италии, Германии. К анархизму такой ход вещей не приведет.

Я, однако, обращаю внимание читателя на то, что уже в 1910 году Малатеста написал о чаяниях анархистов, о том, чего они, по здравому рассуждению, не могут ожидать, и о том, на что они имеют основание рассчитывать, и что, следовательно, они должны поддерживать всеми средствами. Сошлюсь на его статью "На пути к анархии", опубликованную 25 июня 1910 года в "Le Reveil," в Женеве (Швейцария).

"Довольно широким распространением пользуется та мысль, — писал он, — будто мы, называющие себя революционерами, полагаем, что анархия должна придти сразу, как непосредственный результат восстания, которое насильственно ниспровергнет все существующее и заменит его новыми учреждениями. И, говоря откровенно, нет недостатка в товарищах, которые таким образом представляют себе революцию.

"Это предубеждение объясняет, почему столь многие добросовестные противники считают анархизм невозможным. Это объясняет также, почему некоторые товарищи, видя, что при нынешнем уровне морального развития народа анархия не может придти быстро, колеблются между догматизмом, который ставит их вне действительной жизни, и оппортунизмом, который заставляет их забывать на деле, что они анархисты и должны стремиться к анархии..."

Не является ли этот оппортунизм как раз тем, что делают сторонники "переходного периода" и что они советуют делать другим? Малатеста продолжает:

"Нет сомнения, что победа анархии не может быть результатом чуда и не может произойти в противоречии со всеобщим и непреложным законом эволюции, а именно, что ничто не случается без достаточной причины и что ничто не может быть сделано, если нет достаточной для этого силы.

"Если бы мы хотели заместить одно правительство другим, т.е. навязать нашу волю другим людям, тогда было бы достаточно собрать воедино материальную силу, необходимую для свержения нынешних угнетателей, и занять их место.

"Но вместо этого мы стремимся к анархии, т.е. к обществу, основанному на свободном и добровольном соглашении, в котором никто не может навязывать свою волю другим и все могут поступать так, как им нравится и добровольно содействовать общему благу. Следовательно, анархия не может быть осуществлена окончательно и повсеместно, если все люди не перестанут желать, чтобы ими управляли другие, или чтобы они сами управляли другими, пока люди не поймут выгоды солидарности и не научатся умению творить общественную жизнь без тени насилия и принуждения.

"И так как сознание, воля и способности постепенно развиваются и находят возможность и способы развития в постепенном изменении окружающей среды, то отсюда следует, что анархия может осуществиться лишь постепенно, понемногу возрастая в силе и широте охвата.

"Таким образом цель состоит не в том, чтобы осуществить анархию сегодня или завтра, или через тысячу лет, а в том, чтобы идти к анархии сегодня, завтра, всегда..."

Никогда не лишне прислушиваться к Малатесте. Он не может более говорить, но я приведу несколько выдержек из его статьи "Постепенность", опубликованной 15 лет спустя в его журнале "Мысль и Воля" (Рим) от 1 октября 1925 года, — статья, которая перепечатана множеством анархических газет и переведена на другие языки:

"...Анархизм может быть понят, как безусловное совершенство, и хорошо, если такое понимание всегда будет налицо в нашей мысли в качестве

идеала и светоча, направляющего наши шаги. Но очевидно, что этот идеал не может быть достигнут одним прыжком, путем внезапного перехода от современного ада к чаемому раю.

“Авторитарные партии... могут поддерживать надежду (разумеется, тщетную надежду), что, захватив власть, они смогут подчинить всех и навсегда своей воле, силою законов, декретов... и жандармов...”

Это невозможно для анархистов, объясняет Малатеста, как сказано в приведенной уже выдержке, но вместе с тем это не означает, — прибавляет он, — что мы должны ждать, пока все станут анархистами.

“...Наоборот, я верю, — и вот почему я революционер, — что лишь небольшое меньшинство, при особенно благоприятных условиях, сможет подняться до понимания анархии и что было бы химеричным надеяться на всеобщее обращение в анархизм, если та среда, в которой процветают власть и привилегия, не будет изменена. Именно по этой причине я считаю необходимым, чтобы как можно раньше, — т.е. как только будет завоевана достаточная свобода и как только анархисты окажутся достаточно многочисленными и будут обладать достаточными способностями для осуществления их идей и повсеместного распространения своего влияния, — мы организовались бы сами для применения анархии или той доли анархии, которая постепенно станет возможной.

“Ибо все не могут быть обращены одним ударом, и мы не можем жить изолированными; в силу жизненной необходимости и в интересах пропаганды мы должны стараться найти путь к осуществлению наибольшей возможной доли анархии среди людей, которые не являются анархистами или которые являются таковыми в различной степени...”

В этой и других статьях Малатеста, как всегда, подчеркивает неотложную необходимость создания условий социальной, интеллектуальной и этической жизни, которые были бы благоприятны для подлинной, ударной и успешной анархической пропаганды. Он видел и указывал, что современная повседневная жизнь и жестокая борьба за существование, унижающая и разлагающая нужда, авторитарная практика управления сверху, пропитывание повседневной жизни авторитарным началом, не дают возможности большому числу людей стать анархистами. Это подтверждается нашим собственным опытом. Путем самонаблюдения и наблюдения над нашими товарищами мы приходим к выводу, что в большинстве случаев особые и благоприятные условия и случайности превращают нас в анархистов, тогда как очень многие, живущие бок о бок с нами, подвергаются влияниям, которые делают из них властников, или безразличных людей, или, наконец, очень, очень умеренных либералов и т.д.

Отсюда возникло убеждение Малатесты, что наиболее существенным делом является содействие всеобщему прогрессу и ускорение его путем устранения искусственных, злонамеренно создаваемых и уже ослабевающих препятствий, — таких, например, как власть во всех ее видах, как угнетающая эксплуатация, сделавшая народ неспособным поднять голову над повседневной рутинной и нищетой из-за умственного и физического истощения. Этот взгляд сделал Малатесту другом и участником всех революционных движений прогрессивного типа, больших и малых, и другом всякой реформы, — не в качестве сторонника тактики завоевания реформ, а просто в силу того, что реформы означают большее или меньшее увеличение энергии, могущей быть использованной для дальнейшей борьбы.

В таких лучших условиях пропаганда могла бы развиваться и углубляться, и тогда анархисты стали бы более многочисленными и могли бы оказать помощь в направлении дальнейших шагов вперед. Это сделало бы их "посте пенно" (Малатеста не стыдился этого слова) социальным фактором, достаточно сильным для того, чтобы настаивать на праве вести образ жизни по собственному выбору, — не в качестве изолированной коммуны, но в качестве части общества, располагающей соответственной долей общественных средств производства и прочим социальным достоянием, и с помощью пропаганды и примера постепенно расширяющих сферу своего влияния до тех пор, пока они не займут места, — как мы надеемся, — соседних социальных групп в качестве наиболее совершенной и наиболее привлекательной общественной организации. Разумеется, в этой области возможны будут не один, а много методов либертарного сожительства, и только опыт устранил несовершенные методы и даст возможность усовершенствовать прочие методы.

Все это при условии, что другие общественные группы не будут вмешиваться, при помощи власти, средствами контроля и принуждения. В последнем случае будут иметь место сопротивление и восстания, неизбежные спутники нынешних попыток контроля и принуждения. По этому поводу Малатеста писал:

“Непримиримо выступая против всякого принуждения и против капиталистической эксплуатации, мы должны быть терпимыми по отношению ко всем социальным воззрениям различных групп человечества, при условии, что они не будут причинять ущерба свободе и равным правам других групп. Мы должны довольствоваться постепенным прогрессом в той мере, в какой будет подниматься моральный уровень людей и будут расти материальные и интеллектуальные средства, которыми располагает человечество. При этом мы, разумеется, должны делать величайшие усилия, путем изучения действия и пропаганды, к тому, чтобы ускорить революцию в направлении ко все более высоким идеалам”.

В статье 1910 г. Малатеста говорит также:

“...Каждый раз, когда власть ослаблена, каждый раз, когда удается большую долю свободы завоевать, а не выпросить, — это является прогрессом в направлении к анархии...” "Каждая победа, как бы она ни была

мала, рабочих над хозяевами, всякое усилие против эксплуатации, всякая доля богатства, отнятая у собственников и переданная в общее распоряжение, будут прогрессом, шагом по пути к анархии..."

Малатеста заканчивает статью указанием на анархию, как... "систему экспериментирования, перенесенную из области исследования в область социальных осуществлений". Это означает, что, подобно тому, как наука достигла такого огромного подлинного прогресса только с тех пор, как стала пользоваться методом опытов, так, поэтому, и практическая, справедливая, привлекательная форма социального общежития может быть результатом только свободной группировки и перегруппировки личностей и больших или малых социальных единиц, пользующихся свободой и имеющих возможность по-своему устраивать свою жизнь. Наука не могла прогрессировать до тех пор, пока была парализована властью, — властью религии, которая навязывала веру в семидневное сотворение мира и в неизменность видов, ибо Бог не мог якобы создать виды несовершенными и не сделать их неизменными. Наука была, кроме того, парализована авторитетом великих учителей и наставников вроде Аристотеля, а позднее, в XVII столетии, авторитетом таких людей, как Линней. Наука начала жить только тогда, когда подвижность, движение, развитие привиты были ей разумом свободных и смелых мыслителей. Точно таким же путем, влиянием таких же несвободных, неразвитых человеческих умов, политические и социальные системы получили неизменную форму, свыше освященную и постоянную, при чем оказывалось, что каждый поставлен на принадлежавшее ему место божественной властью, или судьбою, или мудростью старых законодателей, или обычаями и установлениями, хотя держался он на своем месте только благодаря материальной силе, когда это соответствовало интересам тех, кто держал в своих руках власть.

Так наступило время, когда революции стали необходимыми для изменения этой принудительной неподвижности. Легче всего это было сделать путем политики и власти. Подобно тому, как иной возница, сменивший старого возницу, по-прежнему гонит и бьет ту же упряжку лошадей, так и смена правителей или смена их методов — вещь весьма простая, и как раз сюда относится французская народная поговорка: — чем больше все меняется, тем больше все остается по старому.

Лишь в конце XVIII века и в XIX веке в науке зародилось понимание того, что успехи научной мысли требуют полной свободы, ибо, если одна какая-нибудь догма была признана неудовлетворительной, то почему догма, занявшая ее место, должна рассматриваться, как неизменная и постоянная? Здесь человеческий разум пробудился, наконец, полностью. То же самое в значительной степени произошло и в области искусства, и, в более узком кругу, также и в области нравственности. Человеческий разум позднее всего и в наименьшей степени пробудился до сих пор в социальной области, ибо эта область тесно связана с жизнью людей, пользующихся удобствами, роскошью, высшим образованием, привилегиями и другими благами, которые владеющие классы все еще считают своим исключительным правом на вечные времена. Эти люди объявили свои права, освященными Господом Богом, но это не мешает им чрезвычайно заботиться об охране этих прав силами государства, проще говоря, полицейскою силою.

Это упорство в самозащите тех, кто пользуется монопольными правами и привилегиями, привело к тому, что мысль об отнятии у привилегированных их привилегий путем социальной революции, внезапно народилась и стала распространяться. Эта мысль о внезапном перевороте, о политической революции нашла себе сторонников также и среди тех, кто, подобно анархистам, понимает, что такая внезапная перемена не может автоматически заставить огромное число людей уверовать в идеи, которых они раньше не придерживались. Анархисты не имеют никаких возражений против внезапного переворота, ибо он устранил бы величайшие препятствия — государственную власть и власть монополизированного богатства. Однако, их собственная задача не достигается и не завершается таким переворотом, она только начинается по настоящему и лишь при лучших условиях, чем прежде. Авторитарные же социалисты считают, что такой переворот дает в руки одной части их — той, которая успевает перехитрить другие фракции и нанести им поражение, — неограниченную власть, подобную той, которую одна из таких фракций захватила в России в 1917 году и до сих пор удерживает. Упрочение такой власти является смертельной опасностью для социализма, ибо такая система является препятствием там, где возникает величайшая нужда в ничем не стесняемом движении вперед. Такая власть немедленно становится консервативным фактором и получает лишь вынужденную неохотную поддержку со стороны лишь части народа, а потому вынуждена бывает прибегать к принуждению и жестокости для поддержания своей внешней и показной устойчивости.

Именно это должно случаться каждый раз, когда будет наступать так называемый "переходный период", придуманный искренними, но близорукими анархистами. Они желают содействовать великому социальному перевороту, развязать социальную революцию, чтобы дать народу глоток воздуха свободы, — а после этого они предполагают обратиться к народу (или принудить его: кто знает, как они это устроят?) с предложением остановиться, не идти дальше, а вступить "в переходный период". Этот период, таким образом, является чем-то вроде Чистилища. Пробыв в этом "промежуточном периоде" (как долго? в каких условиях? и т.д.), они будут считаться созревшими, или заслужившими того, чтобы когда-нибудь перед ними раскрылись врата рая и чтобы они приступили к осуществлению анархизма. Эта мысль представляется мне одним из самых слабых, узких и непрактичных социальных воззрений среди тех, которые теперь в моде. Она не может быть обоснована, как это пытались когда-то сделать на чем-либо, исходящем от таких людей, как Бакунин и Кропоткин. То, что писал Малатеста, — чего я не могу воспроизвести здесь полностью, — решительно опровергает ее. Но я приведу выдержку еще из другой его статьи "Еще о революции на практике":

“1). Анархия не осуществляется силов (Малатеста хочет сказать: не навязывается силов). Анархический коммунизм, применяемый полностью и дающий наилучшие результаты, возможен лишь тогда, когда широкие массы народа, содержащие в себе все необходимые элементы для осуществления более высокой цивилизации, чем нынешняя, понимают и добиваются его. Можно представить себе группы, живущие друг с другом и с другими сходными группами в отношениях, созданных добровольной и сво-

бодной коммуной. Было бы хорошо, если бы такие группы существовали. Наша задача в том, чтобы создавать их для опытов и в качестве примеров, но эти группы не являлись бы еще коммунистическим анархическим обществом. В гораздо большей степени они были бы примерами самоотвержения и самопожертвования во имя великого дела впредь до того времени, пока эти группы не станут включать большинство населения. На следующий день после насильственной революции, если такая революция случится, задача, следовательно, будет состоять не в том, чтобы осуществить анархический коммунизм, а в том, чтобы подвигаться вперед в направлении к нему.

"2). Обращение масс в анархизм и коммунизм — и даже в самую умеренную форму социализма — не возможно до тех пор, пока нынешние политические и экономические условия продолжают существовать. А так как эти условия... увековечиваются с помощью грубой силы, то необходимо, чтобы они были изменены революционной работой сознательных меньшинств. Отсюда, если принять принцип, что анархия не осуществляется силой без сознательной воли масс, можно видеть, что революция не может быть осуществлена для немедленного и прямого установления анархии, а лишь для создания условий, которые сделают возможным быстрое развитие в направлении к анархии..."

Нуждается ли эта аргументация в дальнейших пояснениях? Мы явно представляем собой меньшинство. Наше желание таково: — не управлять, но и не быть управляемыми, а жить социально, не подвергаясь эксплуатации и никого не эксплуатируя, рядом с нашими собратьями: это и есть анархия. Мы эмансипировались сами, поскольку могли, от склонности к власти, от веры в нее, которую столько могущественных факторов в прошлом и настоящем внедрили в каждое живое существо. Мы можем пропагандировать наши взгляды многими способами, но не может упустить из виду тот факт, что много миллионов людей, также интересующихся социальными вопросами, в силу атавизма пошли по широкому течению авторитарного социализма, а другие миллионы остаются равнодушными и очень часто, как это показывают фашистские движения, оказываются пропитанными бешеной враждебностью к нам. В таких условиях ожидать, что мы привлечем к себе десятки миллионов пропагандой, означает тешить себя иллюзиями и топтаться на одном месте из года в год, от поколения к поколению. А ждать, что социальный переворот путем крушения капитализма или прямой социальной революции даст маленькому анархическому меньшинству физическое влияние или моральный вес в глазах сотен властнически настроенных и властнически предубежденных миллионов — чистая химера. И надеяться, что все эти властники самопроизвольно пожелают осуществить анархизм, как мы его понимаем, также является химерой.

Никакое усилие воли с нашей стороны не устраним существующих различий и не сократит существующих дистанций. Но все мы можем содействовать созданию условий, которые позволят народу развиваться быстрее нравственно, и только это начнет и ускорит выравнивание различий и сократит дистанцию. Вот что разумел Малатеста под "движением к анархизму". Мы не можем силой загнать людей в анархизм, ибо это угашает самую идею

анархизма — свободу, добровольность. Мы не можем убедить людей оптом. По крайней мере, до сих пор массы не приходили миллионами, чтобы слушать нас. Но мы можем и должны всегда содействовать созданию все более свободных и лучших условий, которые могли бы увеличить способность широких масс прислушиваться к голосам подлинной свободы.

Это улучшение условий может быть ускорено путем организации труда и повседневной работой организованного труда над защитой своих позиций для завоевания лучших позиций повсюду, где это возможно. Чего не хотят анархисты, — это сделать из сказанного вывод, что надо содействовать созданию синдикального режима, который мы теперь именуем "синдикальным государством", т.е. искусственного создания устойчивости. Анархизм всегда будет означать подвижность, развитие, биение жизни, а синдикальный режим захочет быть постоянным, могущественным, окончательным, совершенно так, как и всякий другой режим. Я знаю, что именно это и есть "переходный режим", придуманный некоторыми, и что изобретатели иногда основываются на глубоких и широких симпатиях Бакунина и Кропоткина ко всем видам организованного труда и ко всякому солидарному действию рабочих. Ссылками на Бакунина и Кропоткина пытаются доказать, что они были бы сторонниками такого "синдикального государства". Оба теоретика одобряли всегда рабочих, когда они выходили из своей изолированности и организовывали британские труд-юнионы, Интернационал, французскую Генеральную Конфедерацию Труда, Испанскую Федерацию Рабочих, большие кооперативные федерации и т.д. Но они не больше стремились к громоздкой и устойчивой экономической организации, чем к "народному государству" германских социал-демократов. Они стремились уничтожить современные государства. Как же могли бы они, в качестве анархистов, желать создания новых, промежуточных, "переходных" государств? Нет, они этого не желали, и ошибочно было бы пытаться создавать впечатление, что у них такое стремление когда-либо было.

Возможно, что когда анархизм будет действительно осуществлен путем массового действия, то первые свободные коммуны будут отличаться от всего, что было написано и сказано в течение столетия изучения и пропаганды. Возможно, что они будут несовершенны и примитивны, но они будут созданы людьми на местах для их собственных надобностей, в меру их понимания, и такие коммуны будут развиваться, распространяться и совершенствоваться путем сравнения и опыта. "Переходный период" должен был бы отличаться необычайной приспособляемостью, чтобы соответствовать требованиям в подобных условиях. А между тем, природа заранее придуманных схем такова, что они всегда оказываются весьма однородными и единообразными, всегда, поэтому, требуют центральных органов и управления сверху. Перед лицом этих фактов Гриффюль, наиболее опытный и революционно настроенный секретарь Французской Генеральной Конфедерации Труда, социалист бланкистского толка, писал в 1909 г., что совершенно иллюзорными являются попытки предвидеть новые положения, создающиеся в ходе общественного развития, и пытаться применять к ним заранее придуманные схемы, вроде тех, о которых упомянуто выше. Кто, например, из числа наиболее передовых мыслителей Франции, людей вроде Дидро, Вольтера и Руссо, мог бы до 1789 года предсказать, какое направление примет Французская Революция? В самом деле, в 1789 или 1790 кто мог предсказать, что народные герои этих годов будут посылать друг друга на эшафот в 1793 и 1794 г.г.? В эти годы расцвета республиканского движения кто мог предвидеть, что через 12 лет во Франции будет создана Директория, появятся консулы и император? Кто в 1906 году, когда

Генеральная Конфедерация Труда бросала вызов всей Франции, мог предвидеть, что несколько лет спустя и до сего дня она будет одной из самых тусклых реформистских организаций? Кто предвидел, что русская революция примет такое направление? — Поэтому пытаться рисовать план "переходных периодов" социальной эволюции это все равно, что рыть маленький канал в песке и ожидать, что океан изменит свои течения и потечет по этому маленькому каналу.

Власть и свобода являются лишь другими выражениями для понятий неподвижности и движения, смерти и жизни. Человек не может удержать вечно развивающуюся жизнь, он может лишь дать некоторые подобия ее в форме мысли, абстракции, слов. Он обычно стремился навязать такие абстракции жизни, подчинить себе жизнь, регулировать, анализировать ее, управлять ею. Это — власть схем над действительностью. Она причинила много вреда в ходе до-исторического периода и истории. Так создан был миф о богах, так человека обращают в раба и до сего дня. Позднее, другие абстракции стали господствовать над людьми; власть, послушание, дисциплина, государственные соображения являются именно такими абстракциями и наиболее жестокими орудиями тиранов, самыми верными выражениями их взглядов и злом для людей. Свободная мысль, наука, свободная общественная жизнь стремятся свергнуть власть этих отвлеченных идей над людьми, но их авторитарные противники снова выковывают эти цепи в наши дни, с более враждебными намерениями, чем когда бы то ни было.

В течение некоторого времени существовало, по крайней мере, четкое разграничение между авторитарными и либертарными идеями, внутренне непримиримыми. Такие уклоны, как "переходный период", являются попытками соединить их воедино. Против этих попыток либертеры должны решительно возражать и вести борьбу с попытками, исходящими из авторитарного лагеря. Жизнь, испытывающая влияние столь многих неисчислимых факторов, редко выполняет наши желания полностью. Если мы сами будем ослаблять и принижать наши чаяния, то от них немного останется. Мы не возражаем против каких-либо видов деятельности современного синдикализма и желаем им полного успеха, но никто, даже синдикалисты, не должен диктовать будущему, чтобы оно подготовило грядущее господство над жизнью человечества. Кто желает этого и трудится для этого, всегда может создать лучшие условия для распространения анархических идей и для ускорения первых анархических осуществлений. Этим много сказано и это дает много надежд. Кто советует ослабить такую деятельность, руководясь мыслью о "переходных периодах", тот отнимает жизненные силы у нашей борьбы и тем вредит самому себе: однажды сделав шаг назад, он отрывается от всего передового и, вольно или невольно, будет отброшен назад, еще и еще дальше, пока не попадет в авторитарный лагерь. Надо побудить таких людей наново продумать этот вопрос и сделать выбор между прогрессом и регрессом.

Крушение авторитарного социализма и пути к новой прогрессивной деятельности

1935, источник: [здесь](#).

В наше время несомненно существует глубокая пропасть между либертарными чаяниями и авторитарными фетишами, шарлатанами и жестокими, свирепыми людьми, которых массы во всех странах либо почитают, либо подчиняются им, либо, наконец, покорно, равнодушно и без рассуждения примиряются с ними, как с фатальной неизбежностью. Похоже на то, как будто век прогресса, начавшийся приблизительно в середине XVIII века, внезапно прекратился после почти 180-ти лет развития.

Экономический кризис и грубая сила, употребляемая против всех либерально настроенных людей, даже вместе взятые, не могут полностью объяснить это полное отречение современного человека от своих прав перед лицом возродившихся темных сил прошлого. Затруднения, бедствия, преследования обычно пробуждают силы сопротивления, пробуждают мысль, обостряют чувства человеческого достоинства. На этот раз, однако, этого не случилось, или пока еще не наблюдается в сколько-нибудь заметной степени. Как можно все это объяснить и что может быть сделано, чтобы помочь делу?

Продолжительное накапливание зол достигло, по-видимому, такой степени, при которой возник кризис, — кризис не экономических естественных сил, причиненный нуждой или катастрофами, а кризис моральных и интеллектуальных устоев. Это — кризис сил сопротивления всего общества. Природа подчинена человеку, техника достигла необычайной высоты, естественные запасы сырых материалов далеки от истощения, но морально люди слабеют миллионами и ползут под защиту ближайшего диктатора, мозгового треста или другого какого-нибудь самозванного защитника. Это явление может быть сравнено с дикой паникой стад животных, с паникой рогатого скота в швейцарских горах, например, когда животными внезапно овладевает паника, и они бросаются в пропасть. Можно также сравнить это явление с тем редким случаем среди людей, который произошел в 1789 году и получил название "великого страха": вскоре после разрушения Бастилии в Париже необъяснимые коллективные нервные припадки волною прошли по городам французской провинции, при чем жители закрывали ворота, брали оружие и

организовывали защиту против неизвестной и невидимой опасности. Лопнула струна, власть сошла с ума, и разрушение приняло мировые размеры.

Власть была величайшим врагом человека во все времена. Наконец, в середине XVIII века, после столь многочисленных отважных изолированных покушений, власть стала подвергаться коллективным нападениям целой фаланги мыслителей, целых наций, боровшихся за независимость. На власть стали нападать наиболее угнетенные классы населения, крестьяне и ремесленники, гуманные и преданные борцы во всех областях человеческой деятельности. Жестокие кодексы обычаев и привычек, религиозные оковы, извращенное воспитание, все было отмечено или потрясено. Правда, все это делалось не повсюду, это верно, и об этом не следует забывать. Все же это было сделано в наиболее развитых странах лучшими людьми, которые в то время внушали уважение также и многим другим из тех отсталых людей, которые до поры до времени стояли в стороне, выжидая, чтобы узнать, чем кончится великая борьба за прогресс.

Во второй половине XVIII века люди видели перед собой спасение ближе, чем когда бы то ни было раньше и, к несчастью, чем когда бы то ни было после того. Великие дела были совершены в те времена и позднее, но препятствия были слишком велики, полная победа была невозможна, и широкий мощный поток разбился на ручейки, быстро утратившие свою первоначальную силу. Препятствия выросли снова и, наконец, достигли современных размеров, когда они закрывают путь к прогрессу почти с такой же силой, как и в минувшие века.

Быть может, не следует "плакать над разлитым молоком", но анализ причин великого заблуждения никогда не бывает неуместным, ибо враждебные силы редко бывают единственной причиной бедствий.

Ошибки делаем мы сами, хотя мы не всегда признаемся в этом. Признание ошибок может быть полезно, по крайней мере, тем, кто не желает повторять их и кто не слишком горд для того, чтобы признать правильность старой поговорки: "лучше поздно, чем никогда". Очень часто мы пытаемся стать под защиту воображаемых причин, в то время, как ошибка находится гораздо ближе.

Особенно модно скрывать наши недостатки с помощью большого пыльного облака "экономических" доводов, которые во многих случаях имеют не большее значение, чем шаблонные извинения; тем не менее, доводы такого рода производят некоторое впечатление на людей, не имеющих возможности проверить их. Манипуляции "экономическими" доводами лишь умаляют и унижают нас самих и мешают нам видеть многие экономические и интеллектуальные факторы, имеющие первостепенное значение.

Гуманисты и бунтари XVIII века ставили себе целью полное пробуждение, возрождение и освобождение человека. Они знали, что самые напряженные усилия необходимы и что к поставленной ими цели нет кратчайших, "царских", путей, нет единоспасающих средств в их распоряжении, что только тяжелой и настойчивой работой можно добиться осуществления цели, которую они выдвинули, как отважные пионеры. Они не создавали социалистических платформ и не возлагали своих надежд исключительно на трудящиеся

классы.

Они знали, что борьба идет между развивающимися прогрессивными частями человечества и их вечными угнетателями и эксплуататорами — привилегированными и богатейшими элементами, в то время, как огромные массы неразвитых людей, жертв пренебрежения и лишений на протяжении веков, все еще лишены значения и обычно являются послушным орудием в руках власть имущих.

Эти массы все более тяготятся своей нищетой и застоём, но и до сих пор еще не настолько пробудились, чтобы быть решительными и способными сторонниками прогресса. Старый порядок был сильно потрясен в те годы. Значительные массы народа участвовали в этом, другие же стояли в стороне. Возможность новых привилегий, новых взяток, новой власти явилась и была с жадностью использована образованными, но низко стоявшими в нравственном отношении людьми. Результаты были неудовлетворительны и, например, во Франции после многих подъемов и упадков движения, периодов самой суровой диктатуры (Наполеон), мрачнейшего клерикализма (Людовик XVIII, Карл X), только июльская революция 1830 года повысила уровень современной жизни до той высоты, на которой она потом развивалась в течение века, вплоть до нашего времени, сопровождаясь дальнейшими подъемами и упадками и предвещая такой же ход движения и в дальнейшем.

Великая борьба была действительно успешна там, где она велась непрерывно, как, например, в области науки. Наука была запрещенной книгой всего лишь несколько веков тому назад. Она была под властью религии, была обречена на застой в пределах учения Аристотеля и идей Библии, в руках рутинеров-компиляторов. Она завоевала полную свободу развития и выработала целесообразные инструменты и методы, разрослась во всех направлениях, проникла повсюду, создала чудесную технику и указала способы ее наиболее полезного применения.

Искусство также освободилось и развилось. Моральные пути были сброшены. Личная жизнь стала независимой, защищенной и во многих отношениях вылилась в новые формы. Но даже эти результаты, столь осязательно благодетельные для всех, находятся в опасности теперь.

Наука работает теперь на службе у капитала или в интересах государств. Она унижена до роли орудия, совершающего "благородное искусство убийства", содействующего военным снаряжениям и приготовлениям к массовым отравлениям. Искусство — в руках спекулянтов, поставщиков для вульгарного массового заказчика. Оно находится в зависимости от финансовых интересов фабрикантов фильма и других таких же интересов, которые подвергают искусство цензуре худшей, чем цензура средних веков. Мораль и частная жизнь опять попали под контроль государства и организованных лицемеров. Даже человеческое тело, в прошлом остававшееся нетронутым, теперь подвергается принудительным операциям и калечению по приказу стоящих у власти ханжей. Тем более должны мы ценить предыдущий период развития, по крайней мере, 150 лет, приблизительно до 1900 года, когда наука, искусство, новая мораль и частная жизнь казались освобожденными навсегда.

Прогресс по необходимости шел значительно медленнее там, где дело шло о коллективных мероприятиях, зависевших не только от инициативы передовых людей, но бывших

неотделимыми от искреннего содействия менее развитых и вовсе неразвитых людей.

Демократические учреждения были шагом вперед от абсолютизма, но когда избиратели отдавали свои голоса консерваторам и реакционерам, то они лишь утверждали власть реакции. Таким путем, действуя по указке своих же врагов, богатых классов, избиратели постепенно наново выковали для себя цепи, от которых великодушный XVIII век освободил их.

Так обстояло дело во всех социальных вопросах: каждый шаг действительного прогресса принижался и искажался теми, кто не был достаточно умен, чтобы его использовать. Земельная собственность аристократии во Франции стала доступной для крестьян, но сделалась в значительной степени добычей новых спекулянтов, новых мелких монополистов, кулаков-крестьян, и они, стремясь удержать за собой приобретенную собственность, сделались самыми горячими сторонниками наполеоновской диктатуры и открыли путь к высшей власти двум императорам: Наполеону I и III. Это урок в том смысле, что самые благонамеренные и разумные учреждения, реформы и т.д. на деле оказываются не имеющими прогрессивного значения, если их отдают во власть недоразвитых людей, не руководящихся волею к прогрессу и не вдохновленных чувством бескорыстия.

Анархизм мог лишь излагаться людям того времени в качестве высшего и ясного довода против государства и иной тирании и в качестве правильной линии нравственного поведения для свободных людей. Так поступали Дидро, Лессинг и некоторые другие мыслители.

Когда революция 1789 года во Франции приняла крупные размеры, но еще не окончательно попала под власть сменявшихся авторитарных партий, Вильям Годвин резюмировал все самое лучшее, что можно было посоветовать новообразующемуся свободному обществу в своей великой книге "Политическая справедливость", напечатанной в феврале 1793 года. В этой книге Годвин изложил гуманитарные, интеллектуальные, этические, социалистические и анархические идеалы своего времени. Много лет спустя, когда авторитарное направление революции стало ясным для всех, Сен-Симон и Фурье формулировали свои взгляды на социальный прогресс, и первый из них обосновал свое учение на авторитарном базисе, так как он находился под сильным влиянием современной ему государственной, промышленной, финансовой и идеологической жизни, в то время как Фурье, воздерживаясь совершенно от рассуждений на эти темы (хотя он чрезвычайно ими интересовался), предложил свой собственный проект дальнейшего развития, обоснованный вплоть до деталей на его личном опыте и тонких наблюдениях.

Таким образом, идеалистический реализм Годвина не был использован в то время. Социализм начал распространяться во множестве различных версий, которые не могли придти и никогда не приходили к соглашению и единому пониманию. У большинства из этих ранних социалистов преобладал не научный дух, приветствующий параллельные попытки и поощряющий исследования, а теологический и пророческий дух, провозглашающий символы веры и убежденный в том, что пророчествует непогрешимую истину. Это ослабило влияние различных социалистических групп.

Стремясь противодействовать этому и не полагаясь лишь на своих убежденных сторонников, люди, действительно проникнутые социалистическим сознанием (революционным или экспериментальным), стали возлагать свои надежды на большие группы людей — на весь рабочий класс, на народ, а также на своеобразно понятый ход развития, на исторические предвидения и т. д. Все это были по большей части очень умные рассуждения, но принять их можно было лишь в качестве гипотез. При том же эти гипотезы часто опровергались новыми фактами.

В таких условиях социалистические воззрения выражали в самом широком смысле личные желания, надежды и стремления тех, кто их формулировал. Их большее или меньшее распространение зависело больше от случайностей, определяющих степень популярности новых идей, чем от их внутренней ценности. Все то, что в области науки устраняет малоценные выводы и проверяет, усиливает и подтверждает истинно ценное достижение, здесь отсутствовало. Поэтому интеллектуальная разработка социализма развивалась очень медленно и сбивчиво, не говоря уже о препятствиях в виде предрассудков, преследований, об огромной роли личного элемента, несдерживаемых страстей и других чувств, увлекающих народные массы и членский состав организаций и толкающих их к одобрению предлагаемых им новых идей. Во многих случаях, каждый старался сделать все, что мог, но мнения и взгляды неизбежно оказывались несходными. При том же, временное народное единодушие вовсе не является гарантией правильности нового плана.

Метод, к которому обращались некоторые с целью устранить неспособных, по их мнению, людей с помощью убийства, а также путем кажущихся опровержений и отвержений, оказался ненадежным. Маркс стал палачом по преимуществу, — тем человеком, который беспощадно уничтожал не нравившиеся ему социалистические системы и заменял их все своими личными воззрениями. На протяжении всей своей жизни он упорно понуждал других принять то, что было названо "научным социализмом".

В сущности, как мы это теперь знаем во всех подробностях после того, как пролит был полный свет на почти все события его жизни и на развитие его мысли, он целиком отверг социализм, как продукт сект, изобретателей, шарлатанов, и уверовал только в автоматическую эволюцию в том виде, в каком он ее изобразил в 1844 году. Он уверовал также в вероятность и неизбежность захвата власти, — в то, что в ходе эволюции такая возможность скоро представится рабочему классу, представленному или парламентарным большинством, или диктатурой.

Эта соблазнительная доктрина казалась привлекательной массам, которым оставалось только голосовать и присоединяться к организациям, а также многим честолюбивым людям, которым, таким образом, открылась возможность обеспеченных парламентских карьер, а при случае и занятие государственных должностей и даже захвата диктаторской власти. Но эта доктрина была основана на отрицании подлинно социалистической борьбы, на пренебрежении к свободе, на пассивности неразвитых, но дисциплинированных масс. Такая доктрина никогда не может привести к социализму, а только к новой правительственной системе, с новыми господами, с новым высшим классом, которые будут держать народ в постоянном повиновении, при содействии бюрократической иерархии, располагающей всеми средствами руководить жизнью народа в соответствии с желаниями правящего

класса.

Такова нынешняя Россия, которая, хотя и выкрашена в ярко-красный цвет, не является социалистической страной. И хотя Маркс был принужден устроить избиение социалистических теоретиков путем литературных "опровержений", а марксисты вынуждены были вести с ними борьбу путем кляуз и расколов в организациях, все же они теперь, когда государственная власть в их руках, принуждены к молчанию, если не вовсе искалечены физически и не уничтожены тюрьмой, ссылкой и казнью по способам царизма.

Таким образом, неполные формы социализма, т.е. такие формы его, которые не вытекают из свободы и не вдохновляются действительно прогрессивными побуждениями, либо вымирают, либо поглощаются этим так называемым "научным социализмом". На деле этот "социализм" оказался могилой всякого социализма и ни к чему другому не мог привести, кроме как к диктатуре над всеми трудящимися массами, над всей жизнью народа, — ни к чему, кроме псевдо-социалистического царизма, который я описал выше.

Авторитарный социализм, таким образом, отвернулся от социализма и на много лет превратился в партию сегодняшних классовых интересов труда и, что менее подчеркивалось, стал партией завоевания классовой власти, отождествления рабочей бюрократии с государством. Для этого прилагались все средства, завоевание должностей в настоящем и будущем государстве или диктатура над рабочими, крестьянами и всем остальным населением, если представится благоприятный случай захватить абсолютную власть.

Не приходится удивляться, что к таким возможностям жадно стремились также и авантюристы из числа реакционеров. Они оказались удачливее бывших социалистов в деле создания и использования возможностей. Таким путем фашисты завладели властью в больших государствах Европы, оказали в той или иной степени содействие диктаторам во многих других странах и теперь неустанно работают не меньше и даже больше, чем так называемые коммунисты, с целью захвата полной власти над остальными странами. Они действуют с такой же развязанностью, с какой пираты захватывают суда, или с какой тираны Возрождения захватывали высшую власть в итальянских городах, или как конквистадоры захватывали индейские государства в Америке XVI столетия.

Маркс был в сущности первым Каином, убившим своих братьев социалистов "теоретически". Позднее, организованные социалисты сражались с анархистами и преследовали их и других независимых социалистов повсюду. Затем некоторые из этих социалистов захватили высшую власть над огромной страной и превратили жизнь в ад для всех, кто не преклонился перед ними. А потом эти другие элементы, сверх-авторитарные фашисты, одолели социалистов в их собственной игре, и фашистский железный горшок разбил марксистский глиняный горшок одним ударом, не встретив почти никакого сопротивления. Такой фатальный ход развития был неизбежным результатом всего хода развития, какой открывается теперь перед нашими глазами на протяжении почти столетия.

Мы дожили до того времени, когда каждое слово критических замечаний Прудона и Бакунина оказалось верным. Мы видим, как от государственного социализма осталось лишь

государство, более сильно укрепленное, чем когда бы то ни было, и как от властнического социализма осталась лишь власть, прибегающая к приемам возвращающим человека назад, в состояние рабства худшего, чем древний восточный деспотизм.

Социализм имел быть движением вперед, к светлому будущему, а на деле он создал для масс условия абсолютного рабства по образцу мрачных веков истории. Если когда-либо был пример жестокой неудачи, то сейчас он превзойден перед нашими глазами. В узкой системе Маркса не было места для свободы. Для Ленина свобода была буржуазной идеей. В настоящее время запрещена даже мысль о свободе, а диктаторы стали привычными словами, домашними идолами, иконами, даже в стране, которая была свободнейшей из республик.

Не все потеряно, ибо сохранилось еще в человечестве много живых сил: их дело следить за тем, чтобы этот, мрачный ночной кошмар остался лишь эпизодом в истории и не принес бы длительного ущерба человечеству. Это целиком зависит от усилий этих здоровых элементов. Они должны рассматривать положение холодно, реалистически, с полной надеждой. После всего, то, что назрело и вскрылось в наши дни, было лишь результатом уклона в развитии человечества на протяжении долгого времени.

Когда зародыши болезни проникают в тело, то болезнь развивается своим естественным ходом и не может быть устранена или избегнута, а должна дойти до полного созревания и кризиса, после чего пути разделяются и болезнь может одержать победу над ослабленным телом, или же тело, надлежащим образом укрепленное, может одолеть зло. На этой стадии развития мы достигли пределов авторитарного безумия. Справится ли социальное тело с болезнью, или само будет пожрано ею и сгниет?

Если мы исследуем главные недостатки авторитарного социализма, то найдем, во-первых, что он пренебрег свободой во всех ее формах, сражался с нею и забывал, что человеческий прогресс обязан своим движением вперед свободной мысли, исследованию, опыту, активности, — одним словом, той либеральной среде, которая стала возникать, начиная приблизительно с 1750 года в Европе и Америке. Если фашисты в настоящее время забрасывают либерализм оскорблениями, то они лишь повторяют то, что все эти социалисты делали раньше, на протяжении поколений, считая, что вечный вопрос о свободе разрешен тем, что они поносят либерального буржуа и "анархический беспорядок и хаос". Таким путем они восстановили рабство, сначала умственное, а потом физическое, к победе над которым прилагал все свои усилия в мысли и действии человек 1750, 1789, 1848 годов.

Вторую фатальную ошибкою была вера, что старые учреждения могут быть пополнены новым духом и стать руководящим элементом нового общества. Это было приблизительно так же практично, как если бы какой-нибудь город, переходя от газа к электричеству, вздумал сохранить и использовать газовые трубопроводы для проведения электрического тока. Ясно, что этого сделать нельзя и что старое устройство непригодно для новой цели.

Сколько бы социалистов ни посадить на государственные должности или даже на министерские должности, они попросту станут слугами государства, угаснут и перестанут существовать, как социалисты. Социалистический электрический ток не может проходить

по газовым трубопроводам старых учреждений. Таким путем социалисты превратили некоторых из своих лучших людей в посредственных бюрократов, светочи же менее крупных размеров, искавшие лишь рутинной работы, чувствуют себя дома на любой должности. Как торжествовали они, когда увеличивалось число их должностных лиц, и каким зловещим фарсом все это было на самом деле!

Они безнадежно запутали классовый вопрос. Им удалось превратить в своих худших врагов половину полезных производителей, крестьян, которые, в конце концов, сделались главной опорой реакции в большинстве стран. Со всей их самозваной "наукой" они никогда не знали, следует ли считать крестьянина производителем или эксплуататором, и следовало ли дать им землю, или оставить ее в прежних руках, или же отнять ее у них. Не знали, следует ли считать крестьян врагами, или друзьями. Там, где они у власти, как, например, в России, крестьян то поощряют, то преследуют, их оскорбляют или им мстят, коллективизируют их, или поощряют индивидуальное хозяйство. Поистине, они не знают, что делать и никогда этого не знали.

Поэтому крестьяне, в сущности, никогда не знали, чего ожидать от социализма — разверстки или возможности свободного развития. Именно работе крестьян, на их участках земли, как бы заброшены и обособлены они ни были, обязаны города своими возможностями культурного развития, интеллектуальной и гражданской жизни.

Таким образом, крестьянин остался в огромной степени отделенным от современной жизни и приобрел особую психологию, ставшую, при нынешнем положении вещей, фактом, который делает его во многих отношениях недоступным для прогрессивных течений и доступным для консервативных влияний всякой реакции. Он глубоко не сочувствует всякому непрошенному вмешательству извне, всякому совету или принуждению, исходит ли оно от друзей или от врагов. Авторитарные социалисты никогда не обладали достаточным тактом, чтобы установить хотя бы разговорные отношения с крестьянами, за исключением, быть может, немногих преданных народников, которые, — по крайней мере, лучшие из них, — сами стали почти крестьянами.

Либертарные социалисты, напротив, всегда имели широкие возможности придти к соглашению с крестьянами. Бакунин, воспитавшийся в деревенской обстановке, и Прудон, потомок крестьян, воспитавшийся в полукрестьянской среде, хорошо понимали крестьян, тогда как Маркс и Энгельс, родившиеся в семьях горожан, не научились понимать их, как следует, и не стремились к этому.

Кропоткин, итальянские и испанские анархисты, Реклю (родом из крестьянского округа юго-запада Франции) все они были близки к крестьянам, понимали их нравы, уважали их независимость, не имели желаний навязать им воображаемые выгоды какого-либо государства, даже социалистического государства. Они помнили о восстаниях в прошлом и возлагали свои надежды на восстания революционных крестьян. Так поступал Бакунин в Германии (1848), в России, Италии и в Испании.

Четвертой большой ошибкой Маркса и Энгельса было то, что они действовали под впечатлением картин жизни рабочего класса, сгущенного на фабриках Манчестера в 1844-45

г. Рабочие представляли собой, по внешности, однородную массу, активную и в те годы организованную в тред-юнионы и в чартистские демократические союзы.

Эти союзы всегда представляли собою передовое меньшинство, а фабричные массы были разношерстным объединением случайных людей, а не классово-сознательной организацией, обещавшей вскоре превратиться в пролетарскую армию, как воображали эти гости с континента. В действительности, отборные отряды рабочего класса действовали не здесь, а в Париже, где они появились в дни 1789 года и даже раньше часто отважно выступали в первых рядах.

Однако широкие народные массы гораздо охотнее выступали там на следующий день после побед, одержанных активным меньшинством, и в праздничные дни, когда праздновалась победа и когда все чувствовали себя спокойными и в безопасности.

Представление о классе, как о сознательной прогрессивной силе, является оптической иллюзией. Буржуа также одержали свои победы благодаря активным меньшинствам, а не в результате массовой борьбы. Так же обстоит дело и с рабочими. Прогресс будет защищаться и двигаться вперед бескорыстными меньшинствами рабочих, крестьян, технических рабочих, буржуа и даже аристократов, в то время, как гораздо более значительное большинство этих же самых классов будет продолжать относиться к прогрессу с пренебрежением или будет противодействовать ему.

На мой взгляд трудно определить, какой из названных выше классов или категорий выдвинет наибольший процент истинных друзей прогресса. Классовое происхождение не помешало Бакунину и Кропоткину стать революционерами так же, как не мешает оно широким массам рабочих оставаться совершенно недоступными всякому передовому учению.

Пятой роковой ошибкой была и остается тотальность, которую провозгласили не только победившие в нескольких странах реакционеры, но которая стала неотъемлемым свойством также и всех социалистических исповеданий веры. Некоторая доля расплывчатой солидарности существует (или существовала) до тех пор, пока все бедны и бессильны.

Но как только какой-нибудь оттенок социализма одерживает победу, на сцену появляются исключительность, нетерпимость и тотализм: добыча оказывается принадлежащей только ему одному, а все другие оттенки оказываются врагами. Так собака свирепо защищает найденную ею кость против всех других собак. Так большевики, захвативши Россию в 1917 году, пользовались ею для себя, а другие социалисты, анархисты, революционеры всех оттенков, на протяжении столетия подготовлявшие эту победу неслыханными усилиями и жертвами, были устранены и вскоре стали "врагами" общества, которых начали преследовать. Там, где подобные антиэтические обычаи преобладают и не признаются печальными ошибками на протяжении 18-ти лет, там, конечно, не может развиваться нормальная общественная жизнь и страна обречена на то, чтобы быть населенной рабами и погонщиками рабов.

Маркс сам указал этот путь, борясь против всех других социалистов, пытаясь изобразить их нелепыми и достойными презрения. Но и до Маркса было много споров за преобладание и резкостей по адресу несогласных. Этот спор за преобладание был сектантским спором, а не спором, какой естественно возникает, когда различные мнения высказываются о новом, мало изученном, вопросе.

Путь к науке лежит в направлении к научным методам, а не в усилении соперничества и борьбы, или в провозглашении своих собственных мнений "научными". Самым несговорчивым из всех социалистических спорщиков был Маркс, каким он оставался всю свою жизнь. Такого рода социализм стал, в конце концов, верою, пропагандируемую фанатиками. Так создавалась монополия мнений, приводившая к остановке развития и обречению на свержение ее людьми еще более фанатичными. Именно это и случилось в большом масштабе с марксизмом.

Да будет это достаточным, чтобы показать безнадежную недостаточность авторитарного социализма, его *contradiction in adjecto*, живое противоречие, — ибо свободная общественная жизнь и власть совершенно несовместимы. Теперь взглянем на не-авторитарные формы социализма. Они встретили помехи на пути своего развития со стороны властников, а также со стороны тех пережитков властничества, которые живут в нас, продуктах нынешнего времени, сознаем ли мы это или не сознаем. Следовательно, то, что было или могло быть сделано до сего времени, — лишь шаги в правильном направлении, усилия найти правильный путь; ничего определенного, ничего такого, что мы могли бы изобразить, как готовое лекарство. Мы не настолько тупы, чтобы верить в универсальные средства от болезней. Об этом должны помнить все те, кто намерен спросить нас, каковы наши планы и платформы, практические шаги и проч. Пусть спрашивающие обратятся со всеми вопросами в лавочку диктатора через дорогу: у него все это готово, на складе, в бутылках и пилюлях, — мы же этого не имеем.

Кто прогрессивно настроен и понимает, каковы пути успешной деятельности во всех областях, знает, что всякую хорошую вещь нужно изучить, испытать, применить, ибо воспитание лежит в основе всякого искусства. Кто говорит, что современная жизнь движется более быстрым шагом, тот является лишь несчастной жертвой механизации нашего времени в интересах капиталистического производства, государственных армий и производства промышленных рабочих-автоматов. Если человек, брошенный в этот водоворот, не обладает крепкой моральной и интеллектуальной закваской, чтобы сопротивляться и воспитать себя, чтобы снова стать свободным, — он погиб: он превратится в пыль под пятою диктаторов. Можно спастись лишь в том случае, если двигаться более медленным шагом.

Если бы это делали многие, то ускоренное развитие механизации натолкнулось бы на недостаток в человеческом топливе, механизм стал бы вертеться в пустоте и остановился бы. Напротив того, дальнейшая механизация за счет человеческих мозгов и нервов может создать лишь безнадежных калек миллионами и сделать их жалкими рабами сильных поколений погонщиков рабов, небольшого числа экспертов-техников и привилегированных искусных механиков, а также большого числа свободных от труда капиталистов. Таким образом те, у кого наберется достаточно энергии, чтобы стоять в стороне от этого бега к

гибели, будут чувствовать себя как бы в тихом пристанище, если они начнут знакомиться с некоторыми произведениями свободного социализма. Примутся ли они за чтение замечательных избранных сочинений, или брошюр Вольтерины де-Клэйр, или последних томов труда Элизе Реклю "Человек и Земля", или некоторых произведений Бакунина, или прекрасных произведений Кропоткина, или богатых фактами и идеями брошюр Малатесты и других писателей из числа тех, которых можно назвать "классиками анархизма", — они почувствуют себя на новой земле, в новом мире. В этих основных книгах прочтите с надлежащим вниманием о тех условиях места и времени, в которых они были написаны.

Эти книги дают не только печатное изложение учений и прямые указания, — они описывают также обширное поле анархической мысли, трудности, встречаемые в деле разработки этих идей в условиях авторитарного мира. Внимательный читатель научится независимо мыслить и разовьет в себе стремление к высокому строю чувств. Интеллектуальная честность и этическая ценность этих книг огромна, хотя основные мысли и результаты должны быть открыты для критики во всякое время. Даже если авторы, сами будучи пропагандистами, иногда как будто стремятся одолеть читателя путем убеждающего красноречия, все же читатель не должен поддаваться этому влиянию, а должен пытаться, путем самостоятельного изучения, выработать в себе способность к самостоятельному суждению и плодотворной критике. Что касается брошюр, то они также часто являются "классическими". Иногда их ценность менее значительна — тем более необходимо подвергать их критике.

Правильный путь, как мне кажется, состоит в том, чтобы начинать с лучших книг, которые следует читать очень усердно. Затем следует читать другие хорошие книги общего содержания, а потом, накопив некоторый опыт, нужно прочитать самые лучшие книги наново, и тогда они будут лучше поняты и более критически продуманы. Только после этого можно приняться за чтение брошюр и газет со смыслом и пользой, и лишь тогда чтение оставит по себе более прочные следы, чем мимолетное ознакомление с ними. Тогда станет понятно, почему анархисты не занимаются составлением подробных планов и тому подобное: их легко составлять, опираясь на поддержку власти и на общественные фонды; все же анархисты имеют много чего сказать народу о настоящем кризисе. Однако, после того, как этическое и интеллектуальное содействие было ему оказано и сделало его восприимчивым к новым идеям, читатель должен сам поразмыслить и действовать, индивидуально и коллективно.

Нельзя ожидать, что ряды либертеров, разреженные систематической обструкцией авторитарных социалистов, повсеместными преследованиями со стороны власти, а также отходом некоторых к тому, что я считаю полурешениями и неосуществимыми решениями, быстро будут заполнены.

Предварительно необходимо серьезно приступить к делу. Это применимо в равной степени к повторным попыткам во всяком либертарном и гуманитарном деле, во всякой форме добровольной прямой активности, индивидуальной и коллективной.

На протяжении столь многих лет политика властников состояла в том, чтобы преуменьшать значение таких попыток, требовать доверия только к тоталитарной активности в крупном

масштабе, — такой деятельности они сами никогда не умели создать, но они косвенно вдохновляли широкие массы неразвитых людей с авторитарными наклонностями. Теперь эти массы пошли дальше своих вдохновителей и нанесли им столь многозначительное поражение. Кооперация, хотя бы лишь в деле распределения, а не производства, является одним из немногих достижений добровольного характера, которые не погибли под этим сокрушительным натиском на социалистов.

Много других добровольных движений, однако, были таким путем остановлены. Их задача теперь в том, чтобы снова подняться, ибо их дело — доброе дело, и это никогда не было опровергнуто, им только придали вид незначительных движений перед лицом авторитарного хвостовства, угроз и неосуществленных обещаний. Истинно хорошие движения такого рода не становятся устарелыми и ненужными лишь в силу того, что разговоры об эволюции начинают вести люди, которые были и остались неподвижными и окаменевшими, как, например, авторитарные социалисты. Маркс никогда ничего не создавал и стал известен лишь благодаря тому, что уничтожил все вокруг себя и оказался социалистическим Геростратом, изолированным от всех. От всего им сделанного ничего не осталось, и настоящая работа должна быть начата вновь, с надеждой и волей.

Легко было бы восторжествовать победу, отбросив все эти рассуждения и доводы, — разумеется, открытые для критики, — путем возражений экономического характера, т.е. путем указания на то, что эти рассуждения не указывают немедленных экономических средств выхода из кризиса, — или путем возражения в том смысле, что люди в настоящее время слишком измучены и бедны для того, чтобы посвящать свое время и мысли интеллектуальному и этическому воспитанию и совершенствованию, — или путем возражений, основанных на ныне существующих отношениях, там и здесь сохранившихся между либертерами и властниками, где последние оставили за собой свободу действий.

Такие отношения всегда были неискренними и не приводили к цельному пониманию, которое в сущности невозможно, — разве лишь, если либертеры уступят во всем.

Этот вопрос слишком значителен и серьезен в наше время для того, чтобы смягчить его постановку. Властники всех оттенков, реакционеры и большевики развернули свое пиратское знамя и ведут атаку на все человечество, стремясь уничтожить все плоды славного периода человеческого прогресса, золотой интеллектуальный век человека.

От либералов до либертеров, каждая мыслящая голова, каждое чувствующее сердце и сражающаяся рука должны теперь чувствовать, что они призваны сопротивляться, устранив все те пустяковые разногласия, которые разделяют их перед лицом действительной опасности.

Нужды анархической пропаганды в наши дни

1930, источник: [здесь](#).

Когда, после стольких веков умственной спячки, началась настоящая работа над исследованием явлений природы, то постепенно было открыто много неизвестных рядов причин и следствий — так называемые законы природы. Эти законы действовали и раньше, но они были скрыты множеством внешних признаков и производных явлений. Открытие этих законов и их полное понимание стоят в ряду величайших достижений человеческого ума, которому содействовали лучшие методы изысканий и часто интуитивный гений исключительно одаренных людей. Жизнь в своем бесконечном разнообразии познана, таким образом, как результат противоречивых течений качеств, количеств, направлений и пропорций, в которых мы начали уже разбираться. Это — трудная задача, далекая от завершения и всеми тайнами которой едва ли когда-либо удастся овладеть полностью. Иногда нам удается познать одну из этих сил и заставить ее действовать, согласно нашим желаниям и потребностям. Например, электрические токи в течение одного века были использованы для несметного множества целей. Однако, эта сила и еще многие другие действуют в живой и мертвой природе в целом ряде других направлений независимо от нас, и они поддаются только самому тщательному изучению или еще вовсе не могут быть изучены.

Эта параллель научает нас оценивать трудности познания в действительной жизни, общих тенденций, вроде "свободы" и "солидарности," надлежащее приложение которых к личной и общественной жизни мы считаем желательным в качестве основных гарантий прогресса и счастья для всех. Никакая единичная формула не может вместить все способы этого приложения к бесконечному разнообразию элементов, составляющих человеческое общество, и наши интуитивные концепции здесь были примитивны, как были они примитивны на первых порах и в начале всякой другой области человеческого познания. Это позднее начало явилось результатом всемогущества власти на протяжении веков, ибо власть порождает и сейчас порождает эгоизм, а не солидарность. Более высокая степень совершенства может быть только результатом большой работы.

Никто не станет утверждать, что в той или иной области науки работа уже совершенно закончена. Разумеется, и развитие более совершенных форм анархических идей еще впереди, оно только начинается и никогда не прекратится.

Эти утверждения расходятся с заявлениями многих пропагандистов, что теоретическая часть нашей работы уже завершена и что остается личными или общественными усилиями накапливать те материальные силы, которые опрокинут все препятствия для осуществления

сущности нашего учения. Конечно, такие силы следует накапливать и обучать их разумно сотрудничать. Но если их будет вдохновлять только воля к победе и желание навязать свою программу, то революция, превратившись в гражданскую войну, в существе своем не будет отличаться от обыкновенной войны, т.е. от войны с другой нацией, от желания беспощадно и безжалостно навязать ей свою волю после победы над ней. Можно победить и выиграть, можно оказаться побежденным и потерять, но ничего этим путем доказать нельзя, ибо только имя победителя меняется или остается неизменным.

Творческой будет только та революция, которая устранил препятствия и откроет свободный путь для скрытых сил и возможностей, создаст и сохранит настоящую возможность свободы развития, путем соединения, путем движений всех форм и ритмов для каждого и для всех.

Но это еще далеко не все. Если бы свобода была таким образом возвращена всем, та одни знали бы, как ею пользоваться, а другие нет, или знали бы плохо. Поэтому важно умножить число первых, и в этом состоит теперь наша главная подготовительная работа. Она требует, чтобы не только воля, но и способность, искусство, опыт свободы развивались в современном и грядущем поколениях людей. Тогда они смогут бросить свою тяжесть на весы для превращения будущей революции из простой социальной войны в определенные действия для освобождения человечества.

До сих пор этого не признавали в достаточной степени. Мы были слишком уверены, что обладаем конечными истинами, требующими только приложения путем добровольным или насильственным. Такие поверхностные идеи были поощрением для многих во время великой оторванности нашей, в самом начале нашего движения, когда твердость убеждений, сходная с религиозной верой, была необходима для проповеди популярных идей перед лицом беспредельной враждебности тех, чье монопольное владение не только собственностью, но и властью остается непоколебленным. Но такая вера, будучи крепкой поддержкой в начале, становится препятствием, как только она начинает устанавливать неизменные догмы. Мы хотим, чтобы наши идеи двигались и развивались вместе с расширением области науки, и мы не должны требовать, чтобы они были неизменными и постоянными, как символы веры. Религия — окаменевшая наука, это идея о Вселенной, выработанная мыслителями раннего, может быть, доисторического времени, и с тех пор всегда объявлявшаяся святою и неизменною. Марксизм ортодокса — окаменевший социализм сороковых годов прошлого века. Никто из наших анархических мыслителей — разве лишь в тех случаях, когда человеческая слабость омрачала их суждение — не претендовал на большее, чем изложение их личных взглядов в меру их разумения, на выражение того, что соответствовало времени, окружающей среде и ходу событий данного времени. Более глубокий анализ показал бы, в каких пределах их взгляды определялись их личным предрасположением и историей.

Эти идеи, различные в силу различия их творцов, были тщательно сохранены и дополнены их последователями, объединены, сосредоточены, обобщены для практических целей, — пропаганды, программной и организационной работы и пр. — и таким путем эти идеи приняли вид ясных, точных и, по-видимому, окончательных идей. Для новых приверженцев эти идеи стали как бы итогами и окончательными выводами, евангельскими истинами, тогда как в действительности их чисто личное происхождение было и осталось

неустранимым. Идеи Джошуа Уоррена и Прудона, Бакунина и Кропоткина, усвоенные многочисленными учениками и приверженцами и поверхностно переделанные в современные идеи индивидуализма, мютуализма, коллективизма и коммунистического анархизма, тем не менее, остались лишь тем, что Уоррен в 1830, Прудон в 1840, Бакунин в шестидесятых, а Кропоткин в восьмидесятых годах считали наилучшей анархической системой, согласно их личному и, без сомнения, очень большому опыту. Совершенно также Дарвин истолковывал природу, Бетховен сочинял музыку, Рембрандт писал картины, каждый в свое время и в согласии с его духом и с особенностями своего гения.

Тот, кто изучает теперь природу, или пишет картины, или творит музыку, делает это на гораздо более широкой основе, чем в свое время делали Бетховен, Рембрандт или Дарвин, и они видят перед собой еще более широкие возможности достижений в области звуковой и зрительной гармонии и пр. Область искусства не ограничивается для них достижениями Бетховена и Рембрандта. Так и для анархизма было бы логично и жизненно стать широким полем свободного исследования и размышления над его главной задачей: осуществлением человеческого счастья через свободу и солидарность, — а не только быть верным отражением в современной жизни того, что творцы главных направлений анархизма считали наилучшим, примерно, сто, девяносто, семьдесят, пятьдесят лет тому назад. Наука так не поступает, она не основана на фракциях и не делится на фракции согласно тому, что те или иные выдающиеся ученые проповедовали 100, 90, 70 или 50 лет назад. Наоборот, она основывается на том, что является результатом коллективных исследований в той или иной отрасли науки, а этот достигнутый результат может измениться каждый час, как только новые результаты достигнуты, проверены и становятся известными.

На этот уровень мы должны поднять анархизм, если хотим, чтобы он занял свое настоящее место в советах мира, место, которое принадлежит ему в силу его стремлений и которое он заслужил своею преданностью делу и ценою столь многих жертв, но которого он не может занять, если не станет действительно живым и прогрессивным организмом и фактором, если он не перестанет быть только утверждением личных взглядов наиболее выдающихся своих мыслителей.

Ясно ли, что я хочу сказать? Как естественные науки шире, чем какие бы то ни было отдельные выводы Дарвина, а музыка шире, чем лучшие произведения Бетховена, так и анархизм шире, чем лучшие изложения его Бакуниным или Кропоткиным. Подобно соответствующим произведениям Прудона, Реклю и других, произведения Бакунина и Кропоткина являются лучшими произведениями анархической мысли, и мы должны их изучать и знать, но анархизм содержит в себе много больше сказанного ими. Мы должны деятельно и ежедневно работать над анархизмом и для него, как ученые работают в своих областях каждый час и в каждой точке земного шара. Мы не должны довольствоваться только пропагандой анархизма в пределах созданных другими идей, а обязаны создать огромную лабораторию живого анархизма, подобную мировому сотрудничеству ученых.

Когда мы будем в состоянии сказать гораздо более ценное, проверенное на опыте, непосредственно приложимое, чем то, что у нас есть сейчас, то ценность наших советов завоюет нам внимание человечества. Только тогда наше великое дело начнет подвигаться вперед быстрыми шагами.

На мою долю выпало видеть очень много анархических произведений в разных странах на разных языках, разных времен, детально познакомиться с историей анархизма и присмотреться к анархической пропаганде в разных странах. Удивляясь настойчивости и преданности многих товарищей, я в то же время поражаюсь их нежеланию предпринять решительные шаги для перехода от догмы к науке. Это нежелание сказывается в большинстве анархических произведений. Быть научными означало бы, по мнению многих, быть практичными, а это было бы унижением, разложением, падением, и это не должно случиться. Так избегают соприкосновения с реальностью, как загрязняющей и развращающей, так устраняется бесценная возможность использования опыта.

Однако, опыты ведут часто лишь к призрачным успехам, терпя неудачу одиннадцать раз и удаваясь только в двенадцатый раз. Твердое решение добиться успеха, хотя бы ценою многих неудач, в нашей среде отсутствует, не в силу недостатка энергии, а в силу принципа: — пренебрежительного отношения к соприкосновению с действительностью. Мы, таким образом, ограничиваем круг нашего влияния одними нашими приверженцами, энтузиастами, иногда даже любителями парадокса. Мы ничем не привлекаем тех, кто готов прочно примкнуть только к тому, что можно видеть, кого убеждают только опыт и факты, а не утверждения, логические построения, эмоциональное негодование и возмущение. Чтобы быть живым фактором, идея должна привлекать сторонников, людей всех видов интеллектуальной и эмоциональной энергии, как бы ни было мало их общее число: сплотившись, они постепенно проведут свою точку зрения. Односторонний же состав такой группы обычно изолирует ее и заставляет ее отставать.

Таковы, по моему мнению, причины, заставляющие анархистов стоять на заднем плане во время нынешнего мирового кризиса, ставшего хроническим. Мы должны дать страждущему человечеству нечто большее, чем простую критику и холодное: "мы вам говорили..." Совершенно верно, что постоянное пренебрежение к тем предупреждениям, с которыми анархисты выступали в течение целого века против власти, развязало власти руки и дало ей возможность отнять у народа ту свободу, которую сто лет назад, в 1830 г., либерально-революционные движения тех лет, казалось, обеспечили навсегда. Верно и то, что все предостережения, от Прудона до Бакунина и Кропоткина, оставались без внимания авторитарными социалистами и что социал-демократия и большевизм в их теперешней форме представляют собой как раз то, против чего названные писатели и другие товарищи предостерегали, как против вырождения. Но ошибки обоих—власти и заблудившегося социализма — причинили неисчислимый вред человечеству в целом и социализму в целом, а такие бедствия требуют активной помощи страждущим, сотрудничества с ними в эти годы их испытаний, — а не только партийной критики с нашей стороны. Если мы не войдем в более близкое соприкосновение с человечеством в эти годы бедствий, мы станем ненужными тогда, когда человечество достигнет относительной силы и благосостояния хотя бы под властью угнетателей, старых и новых.

Мы не любим опускаться до подробностей, считая их неважными или реформистскими. Но жизнь состоит из подробностей, из бесчисленных мелких действий, и все они должны так же тщательно совершаться, как и крупные решающие действия. Всякий настоящий социализм должен быть возможно полным, и если люди не подготовлены к потребности в таком социализме и к жажде в нем, они будут протестовать против него резкими мелкими

выступлениями и парализуют или одолеют его. Результатом явился бы насильственно навязанный государственный социализм чисто экономического типа и враждебность большинства народа — социализма без социалистов или с социалистами в позорной роли современных большевиков, насильно загоняющих враждебно настроенное население в большевицкий социализм. Анархизм же, который может жить лишь там, где есть налицо достаточное согласие и добрая воля, где народ действительно добровольно идет к нему, должен подготовить народ к пониманию всех своих особенностей, а потому должен входить в подробности. Он не может добиться согласия или хотя бы только дружественной терпимости со стороны населения силою общих формул, непереваримых для непосвященного совершенно по тем же причинам, по которым хлеб и молоко, приготовленные в химической лаборатории, оказались бы непереваримыми для желудка, привыкшего к простому хлебу и молоку.

Анархизм не пострадает от того, что станет доступным простому уму, а только научится новому, приобретет опыт, найдет сочувствующих и постепенно приобретет более широкую основу, состоящую, быть может, не из воинствующих пропагандистов и бунтарей, а из спокойных сочувственников, являющихся весьма необходимой категорией, нужной всем передовым группам и дающей им, если не активную помощь, то, по крайней мере, прикрытие и защиту от жестоких врагов. Сравнительная степень есть во всем: в силе чувства, в остроте ума, в степени готовности к жертве. Каждая передовая партия нуждается в дружественно настроенных соседях и поступает глупо, если ссорится с теми, кто отделен от нее только степенями.

Если данная подробность действительно важна и если ее рассматривают в духе широких воззрений, без мелочной узости, то она становится существенным фактором, но не только она, а также разнообразные приемы и тактические действия пропагандистов. Такое разнообразие является здесь, как и повсюду, необходимым, и оно должно быть противопоставлено централизации и однородности. С уважением относясь в теории и в наших мыслях ко всякому местному разнообразию и самостоятельности, мы все же ведем пропаганду наших анархических идей в более или менее однообразной форме повсюду, а в этом заключается противоречие. Сущность наших идей, беспрепятственное развитие (свобода) и превосходство соединенных усилий (солидарность) — универсальны, но в силу именно этого их характера, каждое их приложение должно быть особым, индивидуально или коллективно-личным, различными, как различны между собой все произведения природы.

Может показаться, что очень трудно излагать идеи так, как здесь намечено. Однако, шаги в этом направлении должны быть предприняты. Ибо излагать их в том виде, в каком они содержатся в массе разных брошюр, программ, "платформ," делать это повсюду и при всех условиях, чересчур легкая, почти механическая задача, и мы не можем ожидать, чтобы вековые авторитарные и эгоистические взгляды уступили свое место этим новым, не испытанным на опыте утверждениям. Таким путем пропаганда задевает только небольшое число предрасположенных лиц, прирожденных бунтарей, свободных от себялюбия людей, чуткие и легко возбудимые натуры, часто людей большой моральной ценности, но за пределами этих групп мужчин и женщин, которые как будто ждали нашего прихода и из чьих рядов мы сами вышли, за пределами этих групп истинных борцов, мы почти не

проникаем в густые ряды воспитанного на авторитете и эгоизме человечества. Таков факт. Поэтому я думаю, что более умелое и рассчитанное изложение наших идей является чрезвычайно необходимым вторым шагом, после того, как в течение целого века мы занимались только непосредственно доступными нам элементами, как показано выше. Позднее другие шаги должны последовать, и кто может предвидеть завершение этой задачи?

Что было сделано для анархизма до сего времени? Помимо многих авторитарных социалистов, в своих утопиях и системах просто стремившихся как-нибудь навязать свои идеи всему человечеству, было несколько социалистов, вообразивших, что они могут предвидеть грядущее развитие и что человечество фатально, автоматически пойдет предсказанным ими путем. Потом они решили, что их предсказания оправдались и пожелали сами вести по этому пути. Таков был изменчивый марксизм, то идущий вперед с верой, что ветры эволюции надувают его паруса и гонят его судно в нужную пристань, то берущий эволюцию в свои собственные руки и драконовскими мерами навязывающий ей свои собственные методы, то прибегающий к опытам, меняющим методы и пр. Это и еще соединение капитализма с государственным социализмом, в сущности, и составляет все, что сделали авторитарные социалисты, а ведь у них было уже очень много случаев показать, на что они способны. Результат, как мне кажется, был таков, что чем больше было у них возможностей, тем меньше они были в состоянии использовать их. Их первые вожди были выдающимися писателями с большим числом последователей. В качестве теоретиков они редко наталкивались на препятствия для полного выражения своей мысли. Наиболее значительным исключением были русские писатели и прежде всех — Чернышевский, так жестоко принужденный к молчанию в расцвете своих сил. Позднее эти авторитарные теоретики стали профессорами, парламентскими деятелями, журналистами, вождями рабочих, к ним прислушивались и некоторым даже повиновались широкие круги населения. Еще позднее, в наши дни, они становились министрами, высшими чиновниками, создавали правительства и направляли политику целых стран, у них даже есть своя собственная огромная Русско-Сибирская Империя. Но вся эта деятельность как будто показывает, что их социализм не есть настоящий социализм и что он только дает народу государственное ярмо вместо капиталистического ярма. Все это не есть социализм.

Рядом со всем этим появились анархические мыслители и бунтари, начиная от Вильяма Годвина, но не в таком большом числе, как авторитарные писатели. Если исключить Прудона, в течение многих лет влиявшего на французское общественное мнение, то все остальные анархисты создавали свои произведения в борьбе с большими внешними препятствиями. Только немногие прислушивались к ним, и они редко пользовались при жизни международной известностью, как, например, Джошуа Уоррен, американец, который тогда был известен только в своей стране и в узких кругах Англии. Макс Штирнер был не известен за пределами Германии, Кердериуа и Дежак были известны только во Франции да еще некоторым изгнанникам 50-х и 60-х годов и т.п.

Позднее, в 1864 году, Международное Общество Рабочих впервые создало объединение более значительных групп рабочих и социалистов нескольких стран, возбудило их чувства солидарности, подняло их реформистские и революционные надежды и стало распространять некоторые простые социалистические истины, вроде идеи коллективной

собственности на землю и средства производства. Но ни Прудоновский, ни Марксов коммунизм, ни социал-демократический государственный социализм, ни Бакунинские доктрины анархического коллективизма не получили преобладания — явное доказательство того, что никогда одна единственная доктрина не сможет вытеснить все другие.

Вместо того, чтобы понять это надлежащим образом и радоваться, что социализм создал четыре или больше учения, представляющих известную ценность, сторонники этих учений стали враждовать и ссориться между собою, ненавидеть и презирать друг друга, как если бы существовало какое-либо провидение или естественный закон, в силу которого одна разновидность социализма оказывалась правой, а все остальные неправыми. Таким образом, после того, как на четвертом конгрессе в Базеле, в 1869 г., все четыре описанные оттенка и некоторые другие приняли участие в дружественных беседах и прениях, началась война за преобладание и упорная самозащита. В сентябре 1872 г. произошел окончательный разрыв и разделение на группы, на вечные времена (на Гаагском конгрессе). С тех пор рабочие организации, основанные для повседневной борьбы, и их многочисленные учреждения для поднятия социального уровня рабочих, тоже разделились. Делали они это по большей части под руководством авторитарных социалистов и реформистов. Исключение составляет только период в несколько лет, когда расцветал революционный синдикализм во Франции и в южных частях Испании.

Анархические идеи были чрезвычайно обстоятельно развиты Бакуниным, Дж. Гильомом, Малатестой, Кропоткиным и др., но, как я уже сказал и как я убеждаюсь все больше и больше по мере пристального изучения этих и других писателей, их идеи отразили их индивидуальность и окружающую среду и, таким образом, они ценны, как отражение своего времени, они всегда будут интересны благодаря их талантливости, их исторический интерес будет в том, что они отмечают этапы развития в истории анархизма, они являются примерами хорошего изложения идей и т.д. Однако, наше время должно было бы иметь свои собственные произведения равной ценности, а между тем оно их не имеет, и было бы самообманом думать, что превосходные, но старые произведения, могут удовлетворять и теперь. Трудно будет их заменить, но это должно быть сделано: ибо как можем мы ожидать, что сумеем осуществлять идеи, раз мы даже не упражняем свой ум путем попыток дать ему действительно современное выражение в нашей мысли?

Так много событий произошло за эти пятьдесят или шестьдесят лет, после той эпохи, когда ожидалось общее революционное восстание рабочих масс, когда эти массы так жадно стремились познать и принять социализм, когда были еще молодыми и шумными борцами все те, кто с тех пор стали мало подвижными реформистскими вождями. Социальная эволюция за это время не шла быстрыми и бурными скачками, как мы это знаем теперь, не было быстрых и широких революционных перемен, а происходившие перемены совершались под непрерывным давлением повседневной борьбы рабочих, сопровождавшейся постоянной социальной критикой и напряженным изучением общественных вопросов, реформами всех степеней, качеств и значения. Все это вместе взятое глубоко изменяло настроение рабочих. Кроме того, широкие другие слои населения были вовлечены в борьбу за улучшение жизни и социальную самозащиту — крестьяне и фермеры, затем мелкие производители в тех странах, где они еще удержались в борьбе против крупных капиталистов, затем национальные группы, малые и большие государства, как единицы с общими интересами,

против всех других государств, затем значительные части наименее зажиточных членов профессиональных и технических классов, а еще позднее — даже далекие народы других рас и континентов, которые еще не так давно рассматривались только, как обязательные потребители европейских и американских товаров, которые теперь претендуют на то, чтобы иметь свою собственную умственную, промышленную и национальную независимую жизнь. Куда мы ни посмотрим, повсюду в мире встанут особые, местные проблемы, умело и усердно исследуемые. Вокруг этих проблем группируются массы живых и деятельных людей за или против предложенных решений. Перед лицом этой сложности современной жизни обычная форма изложения анархизма путем резких выступлений, отвлеченной критики, подчеркнута революционных программ, является упрощенной, отвлеченной, остается по большей части бесплодной.

Совершенно так же прислушиваются люди к воскресным церковным проповедям, не оказывающим никакого влияния на бурную современную жизнь в остальные дни недели.

Мир прислушивался иногда к тому, что говорил Толстой, во многих кругах с симпатией относились также к позднейшим учениям Кропоткина о взаимопомощи и этике, все вообще с уважением относились к Реклю, на анархистов-мучеников последних двадцати лет XIX века смотрели с глубоким интересом, иногда с почтительным удивлением, как на святых. Все это прошло и, за исключением трагедии Сакко и Ванцетти, осталось очень мало в наше время такого, что напоминало бы о прошлом. Перед публикой теперь масса других разнообразных вопросов — большевизм, безработица, финансовый кризис, вопросы разоружения, национальный вопрос, тяжелое положение в промышленности и земледелии во многих европейских странах, России, Китае, Индии и Индокитае, а также другие вопросы, глубоко затрагивающие быт населения, поставленный под угрозу уровень жизни, их надежды и стремления, поглощающие внимание всех активных людей.

Снова подчеркиваю: для того, чтобы нас слушали, несмотря на наличие всех этих жгучих вопросов, к которым постоянно приковывают общественное внимание активные общественные организации и печать, мы должны говорить голосом, который не шел бы из далеких, призрачных стран, а от живых людей во плоти и крови, от людей нашего времени. А у нас будет так много, что сказать, если мы только захотим!

Во всем, что теперь делается, проявляется грубость, жестокость, заскорузлость, безучастие к слабым и побежденным, ненасытное честолюбие и бессердечная механизация, подчинение всего сильнейшему эгоистическому интересу. Происходит поистине ужасная растрата сил, приносящая все накопленное ранее и производимое человечеством теперь — в жертву Молоху Власти и Прибыли. Всех и все подгоняют, истощают и выбрасывают вон. Подготавливается обнищание грядущего человечества, которое найдет пустые шахты, истощенную почву, исчезнувшие леса, без животных и растительности, найдет людей с расшатанными нервами, механизированные, стандартизированные мозги, истощенные заботой и принудительной конкуренцией.

Нынешний финансовый кризис в Соед. Штатах дает некоторое предвкусение грядущих зол даже богатой Америке. В Европе же целые страны ведут такую собачью жизнь годами, без всякой надежды впереди. Если всё это приведет к вспышкам социального возмущения, то

заранее можно сказать, что они будут носить характер авторитарный, диктаторский, мстительный и что к голосу и совету свободы не станут прислушиваться. Однако этот голос, если он будет соединен с гуманитарным духом, живущим в лучших представителях человечества, все-таки привлечет к себе внимание, если, повторяю это в последний раз, он будет соединен с практической либертарной помощью, а не будет идти с облаков, точно предупреждение и порицание, возвещааемые ангелами.

Мы не можем осудить современное человечество и смотреть на его гибель с удовлетворением в ожидании своей очереди, — ибо мы с ним неразрывно связаны. Дело человечества — наше собственное дело. В более здоровые времена мы сами были бы сильнее, но в нынешний век мы тоже глубоко испытываем чувство угнетенности и должны помочь создать, прежде всего, здоровую атмосферу. Эпидемия всех валит с ног, жить в отравленном воздухе никто не может. Мы должны были бы первыми видеть причиняемый вред и первыми приходить на помощь — тогда мы можем оказаться в числе первых, кого будут уважать и слушать.

Вопрос о том, является ли социализм (и, следовательно, анархизм, который представляет собой самое свободное и полное понимание социализма) делом рабочего класса или делом всего человечества, все еще обсуждается, как если бы могло быть сомнение относительно ответа на этот вопрос. Прогресс здесь, впрочем, есть в смысле оценки положения и возврата от узости к реализму. Судьба человечества следует за эволюцией ее наиболее прогрессивной части, а успех этой части объясняется благоприятными условиями, в которых передовые элементы вырастают и живут. Таким же благоприятным условиям люди обязаны своим тонко развитым чувством солидарности, прямоотой своего характера, своим духом протеста, своей физической приспособленностью, возможностью встречаться с друзьями и группами людей с хорошими наклонностями. В других, менее благоприятных условиях, смесь социализма с духом протеста создает жесткие, авторитарные чувства, ведущие к появлению фанатиков. Настоящий прогресс создается тесным сотрудничеством наиболее развитых элементов, устраняющих фанатиков и несознательных и старающихся подняться на более высокий уровень. Все это не может быть классовым делом, а является чисто человеческим делом.

Классовые интересы, напротив, требуют сотрудничества наилучше развитых с менее и мало развитыми для немедленных результатов. Такое сотрудничество несомненно оказывает возвышающее влияние на менее развитых, но это не должно исключать сотрудничества лучших элементов человечества, безотносительно к классу. Оба типа сотрудничества поэтому необходимы для прогресса, и было бы большим вредом для настоящего социализма сужать его до рабочего вопроса.

Это заставило отвергнуть от социализма такого типа всех крестьян, это отняло у социализма его универсальную гуманитарную миссию и принудило его к попыткам навязать свою волю путем диктатуры. Анархисты, со своей стороны, позволили себе разделить на сторонников различных экономических гипотез, за исключением короткого периода в Испании в конце 80-х годов, когда гипотетический характер экономических теорий был открыто признан и анархизм без эпитета был признан наиболее правильным выражением идей каталонских анархистов тех лет, как Таррида дель Мармоль, Антонио Пеллиар

Парейра, Жуан Монтсени и другие. Такие мысли высказывали также Вольтерина де-Клэйр, Густав Ландауэр, а также и я сам, но таких было немного. Теперь настали времена большей зрелости, чем тогда, но эти идеи все еще непопулярны среди товарищей, и то, что для одних является гипотезой, или выражением желания, — для других является символом веры, неизменным фактом, стоящим выше и вне спора. Никто не должен считать, что его симпатии к тем или иным экономическим теориям подвергаются нападению со стороны этого экономического агностицизма, но никто также не должен считать, что он один обладает настоящим экономическим определением анархизма, пока все эти теории не были испытаны на опыте. Мы также не знаем, какая из этих теорий привлечет к себе анархистов в будущем. Они будут действовать, согласно фактам и общему положению, а не согласно нашим теперешним мнениям, совершенно так же, как и мы не хотим, чтобы нами руководили взгляды прошлых поколений.

Сделанными выше замечаниями я ни в малейшей степени не покушаюсь уменьшить ценность нынешней работы пропагандистов. Я только хочу выразить сожаление, что неизменный и узкий характер традиционных взглядов все более и более уменьшает достигаемые ими результаты, по мере того, как вдаль уходит то время, когда эти взгляды складывались. Если в то время эти взгляды были наилучшими, то они не могут быть одинаково хороши для нынешних и грядущих времен, — разве лишь если они представляют собой величайшие обобщения и очень отдаленные абстракции. Сверх того, после многих лет опыта мы знаем, как медленно эта пропаганда прогрессирует. Через 10, 20, 50 лет мы все еще не далеко уйдем. Мы двигаемся медленно, а современные события и ход развития идут очень быстро. Так что, или нас будут все более обгонять, или мы должны научиться, как достигать более глубоких, широких, разнообразных и прочных результатов. Выдающиеся анархисты прошлого сделали все, что могли для своего времени, а также для нас, живущих в их тени. Теперь уже нам самим надлежит выработать те идеи, которых требует современность.

В XIX веке были периоды либерализма и очень малого интереса к государству, потом на первый план выступил социализм, солидарность. В XX веке социализм не отвергают так решительно, как в XIX, но государство все более покушается на личную и общественную свободу: отсюда анархизм, уважение и любовь к свободе должны стать главными целями пропаганды. Нет конца требованиям, предъявляемым каждым новым днем и новыми положениями, и мы это должны иметь в виду. После того, как я сказал, что мы должны приспособляться к переменам в современном положении, некоторые из тех, кто гордится неизменностью своих идей, могут подумать, что я предлагаю реформистское или ревизионистское сужение наших идей. На самом деле я предлагаю как раз обратное: их расширение, модернизацию, я настаиваю на том, что мы должны усилить и умножить нашу деятельность, так как теперешние наши успехи совершенно недостаточны и заставляют нас определенно отставать и плестись позади.

В этом духе я стараюсь усилить деятельность товарищей, читающих то, что я пишу или переводы того, что я пишу, на немецкий, еврейский, испанский, иногда также на итальянский язык. Пусть же русские товарищи рассмотрят поставленные мною вопросы и скажут свое мнение, пусть работают в предложенном направлении или же выступят со своими возражениями.

П. Аршинов и «пробуждение»

1932, источник: [здесь](#).

21 марта 1932 г. мне была прислана из Парижа брошюра Аршинова "Анархизм и диктатура пролетариата". На 10-ой странице этой брошюры он указывает на меня, как на сторонника объединенного фронта всех недиктаторских партий. Я в тот же день написал ему письмо об этом. Сегодня, 26 марта, тов. Фридман прочел для меня выдержки из статьи Мрачного, помещенной в газете "Фрайе Арбайтер Штимме" от 26 февраля, выдержки, имеющие отношение к указаниям Аршинова обо мне на 10 странице его брошюры. Чтобы читатели знали, о чем идет речь, я приведу полностью цитату, сделав к ней несколько примечаний:

“Многие видные анархисты к критике советского строя подходят с точки зрения буржуазной демократии. Последняя для них несомненно является более близкой общественной формой, нежели строй рабочего государства. Укажем, например, на М. Неттлау. В своих "Впечатлениях в революционной Испании" он прямо заявляет, что общественными событиями, имевшими прогрессивное значение для человечества, были: "Русская мартовская революция 1917 г., революционные события 1918-1919 г.г. в центре Европы и великая перемена в Испании в 1931 г." Революции со "специальными социальными целями", т.е. классовые революции, он отвергает, как приводящие к диктатуре. Такими революциями он считает Парижскую Коммуну в марте 1871 г. и Октябрьскую революцию в России в 1917 году".

Статья, откуда взяты приведенные мои мысли, была послана мною не в "Рассвет", как ошибочно указывает Аршинов, а в "Пробуждение" — журнал, издающийся группой русских рабочих в Детройте. Появилась ли эта статья и в "Рассвете", — этого я не знаю. Но Аршинов, который наверное читает оба органа, несомненно, знает, что статья сначала была помещена в № 16 "Пробуждения", а затем только перепечатана в "Рассвете" — газета, которую он всегда критикует... Привожу далее другую цитату:

“Из уст авторитетного анархиста, имеющего международное значение, мы слышим осуждение классовой пролетарской революции и похвалу общенациональной, т.е. буржуазной революции. В другом месте, протестуя против диктатур, в частности, против диктатуры большевизма в СССР и против возможной диктатуры социал-демократии в Западной Европе, он пишет: "Нет никакого выхода из этого положения, кроме разумного и

честного соглашения между всеми сторонниками недиктаторских, свободных и добровольческих форм социализма, анархизма и социал-реформизма". Здесь мы имеем проповедь соглашения с социалистами и социал-реформистами, направленного против революционной диктатуры рабочего класса во имя буржуазной демократии".

В этой цитате не совсем верно выражены некоторые мои мысли. Не знаю, что заставило Аршинова так поступить — непонимание, неосторожность или ненависть. Впрочем, с тех пор, как Аршинов выступил защитником диктатуры пролетариата, чем отдалил себя от анархического движения, его личность нас больше не интересует. Его место среди большевиков, среди которых он работал в 1904-6 годах, редактируя одну большевицкую газету.

Несколько лет тому назад я поместил в некоторых анархических органах серию статей, основная мысль которых была: "против диктатуры". В этих статьях я указал на то тягостное положение, которое создается в результате установления диктатуры одной социалистической партии (большевиков), преследующей другие течения и их сторонников социалистов, анархистов, синдикалистов и т.д. Я спрашивал: неужели это повторится еще раз? Неужели социальная революция всегда будет означать захват власти одной партией и преследование других партий, становящихся жертвами ГПУ? Это означало бы конец социализма и установление новых деспотий. Против этого, говорил я, есть одно средство: все свободные социалисты и вообще противники всякой диктатуры должны объединиться и дружно выступить против диктаторской социалистической партии, стремящейся насильно навязать свои идеи трудовому народу. Для этого необходимо распространить среди всех недиктаторских элементов идеи солидарности и свободы. Необходимо также, чтобы все различные социалистические группировки прекратили внутреннюю борьбу, работали сообща и дружно для практического торжества социализма.

Эти идеи, знакомые Аршинову из моих статей в "Пробуждении", не нравятся нашему защитнику диктатуры и он утверждает, что я защищаю буржуазную демократию и работаю "против революционной диктатуры рабочего класса", — в то время как я говорил от имени всех искренних противников диктатуры: анархистов, синдикалистов и свободных социалистов, т.е. именно они, вместе с другими противниками диктатуры, должны выступить против диктаторского насилия одной партии.

Первая цитата (№ 16 "Пробуждения", стр. 80), которую Аршинов приводит из "Рассвета", появилась в связи с моими указаниями на критику тех товарищей, которые в своей поспешности называли Испанскую революцию 1931 года мартовской революцией Керенского, за которой непременно должна следовать ленинская революция, а также и тех нетерпеливых товарищей, которые все время требовали от испанских анархистов начать немедленно социальную революцию. Я ответил на это следующими историческими указаниями:

Три великих события научили нас теперь, что революционные перемены широкого значения и серьезного характера не являются результатом усилий и успехов одной какой-нибудь революционной партии или организации: такие события наступают, когда общая причина

побуждает все передовые силы народа к действию. Результат здесь не является торжеством какого-нибудь одного принципа. Такое торжество единого принципа может наступить лишь позднее, в результате насилия, приводящего к диктатуре, к той диктатуре, которая всегда имеет много опасных врагов. Такими событиями являются: мартовская революция 1917 г. в России, революционные события 1918-1919 годов в центральной Европе и революция в Испании в апреле 1931 года.

Я далее указал и на то, что специальные революционные восстания или вспышки не могут иметь широкого значения и могут держаться только посредством оружия или благодаря насилию. Они всегда оканчиваются поражением, как Парижская Коммуна 1871 года, или будут держаться на насилии, как Россия, — начиная с 1918 года, — где существует диктатура, с которой анархисты не могут согласиться, разве только в том случае, если они отойдут от анархизма, как это сделал Аршинов.

* * *

Мне передают, что в одном из недавних номеров газеты "Фрайе Арбайтер Штимме" тов. Зубрин критиковал мое сотрудничество в "Пробуждении". Русские товарищи, издающие этот журнал, принадлежат к тем немногочисленным анархистам, которые всегда проявляют большой интерес к различным вопросам анархизма. Они обратились ко мне несколько лет тому назад за помощью, и с тех пор я продолжаю присылать им свои статьи. Особенно интересной и приятной была для меня работа по приготовлению большого Кропоткинского номера журнала "Пробуждение" (№ 15), вышедшего из печати в феврале 1931 г. на 176-ти страницах. Для этого номера я послал им 137 нигде еще не напечатанных писем Кропоткина со своими примечаниями, занимающими 90 страниц. Они просили меня прислать им статьи от наших старых товарищей, и я сделал это с той же охотой, как и несколько лет тому назад по просьбе Джозефа Ишиля для его английского издания книги о Кропоткине в 1931 г. Для этого номера Жан Грав прислал, вместо статьи, много интересных писем. Малатеста по моей просьбе написал свои воспоминания о Кропоткине. Моя собственная помощь заключалась в присылке 5 статей по истории анархизма. Я также присылал статьи по различным теоретическим вопросам и по таким вопросам, как анархизм и война, анархизм и национализм, анархизм и большевизм, анархизм и федерализм. И все эти вопросы я разбирал с трех точек зрения: исторической, теоретической и моей личной.

В этом заключается мое сотрудничество в "Пробуждении". Каждая строка статей написана с интересом, удовольствием и полной самостоятельностью. Мои русские друзья, насколько мне известно издаелека, очень мало знакомы с иностранными языками, но, как анархисты, они, понятно, хотят читать анархические статьи. Несмотря на свое уважение к прошлому, как это доказывает их большое усилие издать Кропоткинский номер журнала, они хотят иметь живой материал по анархизму и они ищут анархических сотрудников во всех странах. На русском языке они могут начитываться разве только критическими статьями о "Платформе", которая, возможно, и привела Аршинова к теперешнему его шагу — признанию диктатуры. На русском языке они также могут видеть, как анархо-синдикализм вырождается в чистый синдикализм и анархизм отодвигается на задний план — на далекое будущее, подобно тому, как Маркс, Энгельс, Ленин и другие марксисты в своей

астрономической дальнорукости предсказывают "естественную" смерть диктатуры. Вот эта литература не могла удовлетворить русскую группу в Детройте, которая ищет живого слова в анархизме, который все еще живет и находит новых сторонников. И я, конечно, был рад писать для моих друзей серьезные анархические статьи.

Я думаю, что русские анархисты, выступающие против "Пробуждения" на том основании, что этот журнал, мол, не анархический, не правы. Не правы также и те товарищи, которые думают, что чем больше в этом журнале будет анархических статей, тем больше вреда будет для анархического движения, ибо издатели "Пробуждения" клерикалы, мистики, монархисты, антисемиты, националисты, белогвардейцы и т.д. Я думаю, что это — незаслуженный упрек, часто бросаемый этому журналу его многочисленными врагами. Выступления этих последних я считаю плодом или результатом фанатизма, узколюбия и партийной нетерпимости к инакомыслящим и к инакодействующим. Товарищи, группирующиеся вокруг "Пробуждения", — хорошие анархисты и мы всегда должны помогать им в их важной работе по изданию хорошего анархического журнала, каким несомненно является "Пробуждение".

Надо изучать либертатные идеи

1935, источник: [здесь](#).

Если эта короткая статья обрисует обширность предмета и покажет важность сохранения упоминаемых здесь материалов, поскольку их удалось сохранить в их первоначальном виде и сделать доступными (коллекции печатных произведений и документов), а также и тщательное описание множества подлинных материалов и других источников (как мои собственные, так и сообщенные мне воспоминания), — тогда, быть может, моя попытка в этой области будет заслуживать упоминания в качестве библиографического источника. Я включаю в общую историю анархических идей следующие напечатанные произведения:

Der Vor-fruhling der Anarchie. Берлин, издание "Синдикалист," 1925 г. 235 стр.

Der Anarchismus von Proudhon zu Kropotkin (тоже, 1859-1880-1927, 312 стр.).

Anarchisten und Sozialrevoluzionare 1880-1886 (тоже, 1931, 409 стр.). И четыре рукоп. тома, неопубликованные:

Die erste Blutezeit der Anarchie (1886-1894) и другие тома, всего приблизительно шесть, такого же формата, как том 1931 г. Следовало бы выпустить прибавление, содержащее многочисленные дополнения и поправки к трем напечатанным томам.

К перечисленному выше добавлены напечатанные тома, посвященные специально историческим предметам, как

Bibliographie de l'Anarchie. Предисловие Элизе Реклю (Брюссель, 1897, XI+294 стр.).

Michael Bakunin, Eine Biographie (Лондон 1896-1900, три тома, фолио, 1281 стр. размноженные в 50 экз.).

Michael Bakunin, Eine Biographische Skizze (Берлин, 1901, 64 стр. Эпилог написан Густавом Ландауэром).

Miguel Bakunin, Un Esbozo Biografico (Мехико, 1925, 32 стр.); другое резюме и другие писания о Бакунине, а также том статей Oeuvres (Париж, 1895, XI+327 стр.); исторические; предисловия к собранию сочинений, пять томов (Буэнос-Айрес, издание "Ла Протеста" 1925-29); неопубликованные тексты Бакунина в "del Risveglio," 1929; XXXI+397 стр.) и проч.

Miguel Bakunin, *la Internacional y ha dal 1864 al 1872* (Женева, Edizione "del Risveglio," 1929; XXXI+397 стр.), с предисловием Эррико Малатеста.

Miguel Bakunin, *la Internacional y la Alianza en Espag-na (1868-1872)* Буэнос-Айрес, 1925. Издание "Ла Протеста," 132 стр.

Documentos ineditos Sobre la Internacional y la Alianza en Espagna .(тоже, 1932, 210 стр.). Кроме того, я написал заметку для французского перевода "Исповеди" (1851) Бакунина (Париж, Ридер, 1932). Я также много писал, начиная с 1921 г., для уяснения подлинного характера этого документа.

Затем, неопубликованные рукописи: приложение к биографии, написанное в 1903-1905 г.г., четыре тома, фолио, где приводятся в порядок новые материалы. (Не предназначенные для печати).

Michael Bakunin, *Eine Biographie*, рукопись, написанная в 1924-27 г.г. в соответствии с наличными в то время материалами. Это — сокращенное изложение, не воспроизводящее всех данных "биографии 1896-1900 и ее приложений; четыре тома, каждый приблизительно по 350 стр.; в случае напечатания их, эти тома были бы дополнены материалом, который к тому времени будет в моем распоряжении.

"Михаил Бакунин" на французском языке, 1935 г., большой том (не напечатан).

"Жизнь Малатесты", итальянское издание (Нью-Йорк, 1932), немецкое (исправленное, Берлин, "Синдикалист," 1922, 177 стр.) и испанское, дополненное до 1923 г.; Enrique Malatesta. *La Vida de un Anarquista* (Буэнос-Айрес, издание "Ла Протеста," 1923, 264 стр.) с приложением статей, написанных в 1932 году, после смерти Малатесты, из них две, появившиеся в "Ла Ревиста Бланка", были исправлены и перепечатаны под заглавием: "Жизнь Энрико Малатесты" (с предисловием Федерики Монсени) издательством названного журнала (Барселона, 1933, 48 стр.). Упомянутое дополнение улучшает книгу, появившуюся в 1922 и 1923 гг.

Элизе Реклю "Анархисты и ученые..." (Берлин, "Синдикалист," 1928, 345 стр.). Дополненный испанский перевод: Eliseo Reclus. *La Vida de un Sabio justo y rebelde* (Барселона, Библиотека ла Ревиста Бланка, два тома, 1928, 1929 г.г., 294 и 312 стр.).

Появилась также перепечатка "Дни изгнания" Эрнеста Кердериуа (1854-55) с биографией (Париж, 1910-11, три тома), биографическими очерками и другими произведениями по истории анархизма, появившимся в периодических журналах, как напр.: Freiheit, Freedom, Societe Nou-velle, Dokumente des Socialismus, Archiv fur die geschichte des Socialismus und der Arbeiterbewegung, Supplements de la Protesta, Revista Blanca, etc.

В рукописи имеется также и том "Истории Интернационала и Федерации работников испанского района" 1868-89 годов, содержащий около 450 печатных страниц; если этот том будет намечен к печати, то его необходимо будет предварительно исправить, дополнить и, быть может, написать наново.

Имеются также ненапечатанные рукописи Бакунина, частью переписанные, а также старейший отрывок его произведений, сохраненный с 1875 года; подлинник текстов 1866 года, напечатанных на немецком языке в собрании сочинений Бакунина (Берлин "Синдикалист", три тома), из которых третий том подготовлен мною (1924); произведения с 1871-72 против Мадзини; произведения юрцев, письма к Лоренцо и другим лицам относятся к тому же времени.

Имеется много писем, относящихся к перепискам германских анархистов и И.Моста и И.Неве, подготовленные для издания с примечаниями. Имеется также большая работа, посвященная некоторым периодам истории тайных обществ эпохи Бабефа и позднейших годов, до 1830 г.

Короче, имеется множество документов, писем и воспоминаний, либо переданных мне, либо записанных мною со слов других лиц. Эти документы могли бы послужить в качестве доказательств при изложении некоторых периодов истории социализма и анархизма, если бы у меня были средства поработать над этими документами и издать их.

При данных условиях, принимая во внимание состояние моего здоровья, когда доступ к части моей собственной коллекции и доступ к большим библиотекам в других странах стал почти невозможным для меня, и когда почти все старые и хорошо осведомленные товарищи умирают, не имея возможности записать свои воспоминания и объяснения, — даже в этих условиях я не совсем лишен данных, и даже имел возможность напечатать много книг за время с 1922 до 1931 г., главным образом, благодаря помощи, оказанной мне издательствами "Синдикалист", "Ла Протеста", "Ла Ревиста Бланка" и "Ресвелио" (Женева). Но теперь, начиная с 1931 года, возможности издания как будто исчезают. Я думаю, что, объективно, нельзя не пожалеть об этом, ибо те из моих друзей и товарищей, которые на протяжении многих лет помогали мне добывать материалы, делали это и продолжают это делать, главным образом, исходя из твердого убеждения в то, что все эти материалы послужат для сохранения истории анархизма, свободной от неточностей, и в продуманной связи, которая поднимает ее высоко над легендой, риторикой и поверхностным подходом. Не каждый, конечно, стремится изучить все детали, хотя я и без того сократил изложение, вследствие недостатка места. Однако, это не причина для того, чтобы довольствоваться малым и удовлетворяться легендами и риторикой, в то время как все другие группы, претендующие на то, что у них есть своя собственная история, прилагают большие усилия к разработке своей истории.

В этой связи старый и новый социализм подвергается исследованию в пределах, известных лишь немногим. Тем не менее, каждому легко понять, что в безбрежной социалистической литературе анархизм изображается, как заблуждение, как сухая ветвь, полное исчезновение которой предвидится теми авторами, которые предсказывают победу либо большевизма, либо реформированного государственного капитализма.

Именно это говорилось и говорится во всей огромной пропагандистской литературе властников. Игнорировать эту пропаганду не следует. Не должны также свободомыслящие закрывать глаза и на огромные размеры пропаганды духовенства. Люди, интересующиеся историей и изучающие прошлое, в состоянии будут понять, какая работа была необходима,

чтобы очистить память Бакунина и Альянса от марксистской лжи и извращений. Короче, я защищаю дело, против которого не выступал никто из многочисленных известных мне борцов и которое встретило бы более широкую поддержку, если бы наше поле деятельности не сузилось до такой степени.

Меня иногда упрекали за то, что перечисленные книги написаны по-немецки, на моем родном языке. Я напечатал их по-немецки потому, что товарищи из берлинского "Синдикалиста" были единственными в Европе в 1922 и 1924 г.г., которые предоставили мне возможность печатать эти исторические произведения и действительно напечатали. Это обстоятельство не оказалось препятствием для товарищей Сантильяна, Орбона, Фернандеса, которые изучили немецкий язык и частично перевели эти книги (биографии Малатесты и Элизе Реклю, а также некоторые главы из исторических работ и т.д.).

Издательства "Ла Протеста" и "Ла Ревиста Бланка" дали мне возможность в любое время написать историю анархизма для напечатания у них. Несколько итальянских товарищей, как доктор Паоло Флорес, Малатеста и Бертони, сделали возможным напечатание тома произведений Бакунина в Италии (1928). Еще ранее того, Элизе Реклю убедил меня напечатать один том сочинений Бакунина (1895) и "Библиографию анархии" (1897). В недолго просуществовавшем журнале "Анархическая Идея" (Париж, приблизительно в 1923 г.) я напечатал первый, очень сокращенный, текст исторических работ, а вскоре затем дополнил это изложение для "Суплементо ла Протеста", получилась довольно большая брошюра, которая была перепечатана в "Ревиста Бланка." Если бы кто-нибудь предложил мне напечатать упомянутые работы на французском и английском языках, то я написал бы на этих двух языках, но так как никто никогда об этом не думал, то никаких переводов сделано не было (за исключением перевода на испанский).

Не меня следует упрекать в этом, ибо я воспользовался единственной возможностью, какая у меня была, для напечатания упомянутых книг. Я всегда говорил, что просмотрю и дополню эти книги для .любого перевода, как и сделал это при напечатании биографий Малатесты и Реклю в испанских переводах. Что мог я сделать? Поколение этих лет не проявляло большого интереса, и я все еще не вижу его пробуждения где бы то ни было, за исключением говорящих по-испански стран и среди германских товарищей, ныне совершенно раздавленных.

Я часто предлагал товарищам разных стран, чтобы они и их группы помогли сделать возможным издание упомянутых неопубликованных рукописей, путем заблаговременной подписки на большое число экземпляров немецких книг, которые они сдали бы библиотекам и т.д. Это побудило бы германских издателей поспешить с напечатанием этих книг.

Ничего, однако, не было сделано, и, таким образом, после захвата всех нераспространенных книг в Берлине в 1933 году, все те книги, которые не имелись в запасе в других странах, исчезли из продажи.

Можно ли это считать удовлетворительным решением вопроса, когда все на наших глазах исчезает, а мы нисколько об этом не заботимся? Я ничего тут не в состоянии поделаться и думаю лишь об одной маленькой подробности, доставляющей мне много удовольствия, а

именно: о том, что Малатеста, знавший английский язык, взял на себя задачу изучить немецкий язык и был в состоянии прочитать эти исторические работы, о чем и написал мне. Разве молодому поколению было бы труднее сделать это, чем Малатесте? А со сколькими языками я должен был познакомиться, чтобы собрать материал для этой, подлинно международной, истории?

Я действительно не знаю, что делать со всем этим материалом, со всеми этими еще незаконченными рукописями, которые пытаются сохранить историю анархических идей. К этой попытке был интерес еще в 1924 году, а в 1934 году я уже почти не вижу такого интереса. В 1935 году товарищи из *Guilda de Amigos del Libro*, в Испании, сделали возможным напечатание этого тома — первоначально написанного для "Ла Протеста" в Буэнос-Айресе — и я пользуюсь этим случаем, чтобы поблагодарить их за их ценные усилия.

Россия и социализм

1930, источник: [здесь](#). Перевод с немецкого: Ndejra.

(Russland und Sozialismus; Из: Die Internationale, декабрь 1930)

Мы все выросли со штормами революционных событий в России. Все пережили третье наводнение, смывшее царизм, многие вторую волну 1905 года, которая его подкапывала, и самые старшие героический штурм 1881 года, когда, как минимум, верхушка русского здания власти, царь, был настигнут судьбой 13-ого марта 1881 года. Я всё ещё вспоминаю последующее утро, когда мой отец разбудил меня со словами: «Ты всё спишь, царя убили», и я, будто выстреленный из пушки, выпрыгнул из кровати и затанцевал от радости. Затем он рассказал мне, как в 1855-ом, при известии о смерти императора Николая у каждого как камень с сердца упал, а из истории революции я вскоре узнал, какие надежды вызвала смерть Александра Первого в России, восстание и вскоре мученическую смерть или тридцать лет Сибири для самых лучших в стране, декабристов 1825 года.

Так же переживали мы Тургенева и Достоевского, Толстого и Горького, Бакунина и Кропоткина, и почитали бесчисленных жертв революции, Софью Петровскую и всех прочих. Мы знали русских товарищей в изгнании во всех достойных движениях, серьёзных и способных, а вне-российская Европа располагала Кропоткиным большую часть его жизни, более сорока лет, и Бакунина более двадцати пяти, в расцвете своей деятельности.

Это странно, что сознание того, что царизм рухнул и в огромной России более тринадцати лет социализм располагает неограниченной властью, даже сознание, что вообще в какой-то стране социализм добился абсолютной свободы действий, не осчастлиливает нас каждый час так, что мы не помчались сразу же в эту страну, чтобы самим увидеть желанный социализм, жить им, присоединиться к нему, т.к. для социализма верны слова, что всё принадлежит всем – Tout est a tous!, как писал Кропоткин, а вся Земля есть наше отечество (The world is my country, to do good is my religion – Мир моё отечество, творить добро – моя религия, как многие повторяли за Томасом Пэйном). Почему мы не делаем этого, почему мы ощущаем, что Россия в её настоящей форме кажется такой холодной, смертельно чужой и враждебной, как когда-то безвольно подчинявшаяся царю Россия, и почему наша единственная мысль о жертвах, которых умело приносит новая Россия подобно старой, такая жестокая и беспощадная сегодня, как и вчера и во времена Ивана Грозного в 16-ом столетии.

Я знаю, что этих вещей многие не замечают. Так, в полностью отданных в распоряжение плутократии Соединённых Штатах есть много людей, которые радуются тому, что хотя бы в далёкой России капиталист прижат к стене и является ничем, а рабочий, the underdog, всем. Им было бы неплохо присмотреться получше, они нашли бы тогда, что, прежде всего, в России государство всё, а рабочий и крестьянин – бесправные инструменты этой всемогущей власти. Другие говорят с абсолютной сердечной холодностью, что революция

всё это приносит с собой, нельзя сделать яичного пирога, не разбив яйца, или как стол добродушный Клеменсо говорил о французской Революции: она – блок, целое, чьи хорошие и плохие стороны следует принимать в расчёт. Кто так думает, поступали бы бездумно так же и в их области действия и не поднимаются над древним культом государственного резона; попадёт им где-нибудь в руки малейшая власть, их первейшее и важнейшее правило – защищать власть всеми средствами, т.е.: расстреливать и заключать. Так же есть ещё и наивные сентименталисты, которых так осчастлививает мысль о социалистическом государственном порядке в России, что они как токующие тетерева ничего не слышат, не видят и просто витают годами в облаках. Но есть ещё многочисленные, которым никогда не светило свободное солнце, над которыми всегда висело партийное попечительство, убогие нации (жертвы принуждения в государстве и в обществе и отрицания свободы при авторитарном социализме): для этих ненависть и преследование являются услаждающими и наполняющими их разум состояниями, для них поезда уничтожения ГПУ, фашистские карательные экспедиции, националистские штурмовые колонны желанный элемент жизни, и они страдают подобной деятельностью; они – духовные пещерные люди нашего времени, печальные развалины, жертвы всестороннего хитроумного воспитания авторитарного духа, против которого гуманитарные и свободные силы были слишком слабы, чтобы пробиться и изгнать это сумасшествие из голов.

Маленькая категория вольных социалистов ещё относится к русскому спектаклю с понимающей симпатией, те, которые говорят нам, что в решающий момент русские анархистские и синдикалистские элементы не были действительно способны к действиям и неподготовлены, непрактичны и придерживались между собой слишком различных мнений. Правящее теперь направление было относительно способным. Такие мужи сетуют на существующую нетерпимость и жестокости, и пытаются их смягчить по-отдельности, если могут. Но эта благонастроенная категория не стремится вперёд, она, напротив, порицается и уничтожается властью имущими, которые достаточно долго пользовались их же моральной поддержкой, считают, однако, что более в ней не нуждаются, что так же приведёт к постепенному истощению таких симпатий.

Кропоткин в своём самом захватывающем труде, прерванном 23 ноября 1920 года, за несколько дней до его смерти, которое публикуется с 1922 г., был склонен сравнивать происшествия и их развитие с чудовищным явлением природы, перед которыми всё стоит в беспомощности, как перед землетрясением, ураганом, тайфуном, и его утешением являлось лишь то, что сила элементов всегда истощается, что после каждого вала волн идёт затишье, но он считал тогда, что времени для какой-нибудь интервенции, которая не отшумела бы бесполезно, ещё не пришло.

«Я вижу одно – писал он в этом похожем на дневники сочинении – мы должны собирать людей, которые были бы способны заниматься в каждой и во всех партиях конструктивной деятельностью, после того, как революция уляжется. Мы, анархисты, должны создать группу честных, преданных, работающих без искажения самопревознесением, анархистов. И если бы я был моложе и мог посетить сотни людей, разумеется, тем способом, каким нужно, когда собираешь людей для совместной работы...»

Но и этот совет – лучшее, что он мог тогда сказать, последовали ли ему? – теперь, десять лет спустя, более не актуален. Ибо и самая ужасная природная катастрофа оставляет за собой поля развалин, и тогда проходит на определённое время, в то время как русская революция как творение человека искусственно и насильно удерживалась и всё ещё удерживается в постоянном состоянии катастрофы. Естественный огонь затухает, он поддерживается искусственно, когда всё вокруг сокрушается и отдаётся в пищу огню. Так, Наполеон, после того, как он овладел французской революцией, бросал каждый новый призыв французов и аннексированных в пасть войны, и держался так до 1814, даже до 1815 г., и так же все люди и продукты природы и культуры в России-Сибири на протяжении тринадцати лет с абсолютной безоглядностью приносятся в жертву и растрачиваются, чтобы кормить, подпитывать, раздуть, природную катастрофу – искусственное продолжение землетрясения, так сказать, которое всё более становится похожим на театральную постановку с искусственными эффектами, чем на произведение и поддержку какой-либо естественной и способной к жизни реальности. Каждый спектакль и фейерверк подходит к концу, трагикомичные обновители азиатского деспотизма, Муссолини и Наполеон достигли конца или скоро достигнут, и, павшая жертвой одиночества и изоляции, русская революция достигнет его тоже.

Т.к. вся жизнь такой громадной страны во всех её проявлениях и выражениях не может долго управляться в рамках одной единственной воли; она отмирает и вместе с ним и самая твёрдая воля становится слабой и бессильной, или мы приближаемся к состоянию перегретого котла с закрытым вентилем, состоянию катастрофы, которая будет тем страшнее, чем позднее она произойдёт. Никогда революция не была более бессмысленно растрочена и приведена к гибели. Никогда не была революция в руках более мелких умов, которые – я имею в виду правящих мужей – просто пришли из кругов марксистских схоластиков, растративших свою жизнь долгие годы полемическим слововерчением, и на которых неожиданно свалилась новая власть, которая позволила им теперь заключать в тюрьмы, изгонять, расстреливать своих партийных противников, т.е. в любом случае заставить их насильем замолчать. За этими маленькими мужами слепо последовали воспитанные ими для партийно-фанатического социализма народные силы, и стали, многие в самых лучших надеждах, жестокими инструментами, с помощью которых враждебные партийные элементы были угнетаемы и, в конце концов, были сделаны физически немыми или мёртвыми. Так получилось, что все проснувшиеся в марте 1917 года для обновления России силы, которые более ста лет работали для этой цели, принося нескончаемые жертвы, были деспотически контролируемы и враждебно опекаемы уже в ноябре 1917 года двумя, а с начала 1918 года одной единственной партией – беспримерное предательство революционной и человеческой солидарности, нисколько не извиняемое тем, что возможно любая другая из этих партий поступила бы в своих интересах так же. Таким актом насилия заканчивается революция и царит голый деспотизм. Оный может поддерживать и продлевать себя грабежом и принуждением любого толка, но это всегда состояние болезни, расходующий всегда больше сущности и сил организма, чем ему прибывает, которое таким образом должно быть излечено и этим окончено, или весь организм погибнет.

Этот факт нельзя не заметить, и дискутировать о частностях не имеет смысла не более, чем рассуждать о том, что на пыточной скамье удобней лежать так или эдак; на пыточной скамье лежать не хочется вообще. Постоянная смена режимов должна была показать и

самому близорукому, что те, кто с некоторыми наблюдениями, которые сделал Маркс, наблюдая за много лет до того английскую текстильную индустрию, верили, что обладают единственной и наивысшей экономической мудростью, на самом деле ничего не знали и с безграничной фривольностью издавали декреты о том или об этом, пока неудачи не заставили их попытаться другие методы. Так, некто, кто не умеет правильно писать, гневается на грамматику и словарь и кидает их в печку, так они теперь уже расстреливают техников, потому что экономика не движется. Во всём этом наблюдается нарастание признаков распада, а не улучшение.

Ибо все терпит неудачу на том, что требуемый потреблением объём быстрого и качественного сельскохозяйственного и индустриального производства может производиться более или менее принудительно поставленными на определённые места рабочими, крестьянами и всей молодёжью только при напряжении всех сил, с трудом и в недостатке, и в состоянии необычного возбуждения – или только в ограниченном размере, – ненормальные условия, делающие из простейших рабочих и потребительских операций верховные и государственные акции, являются чем-то, что не может долго существовать, т.к. отнимает у жизни сотен миллионов всякое чувство спокойствия и надёжности. Нам это знакомо по военному времени, когда почти всё регулировалось начальством и сходилось на бумаге, в то время как в реальности долгое время исключение было правилом, и почти каждый вёл и должен был вести двойное существование, чтобы не умереть с голоду.

Если это, возвращение к настоящей жизни с её неистощимыми возможностями и использование оставленного нам прошлым, будет сделано невозможным, или эти вспомогательные средства действительно исчерпают себя, тогда сломается высчитанное на бумаге состояние, как мы пережили это в 1918 г. – тогда люди больше не хотят и теряют страх, потому что с ними ничего более страшного не произойдет. В России в последние годы массы крестьян в ненормально повышающемся размере лишаются своих вспомогательных средств, которые давали им при всех условиях как прямым производителям известную возможность персонально различающегося удовольствия, разнообразие и шанс, устроиться получше; ограбленные и впихнутые в сельскохозяйственные коллективы, в которых городские рабочие, молодёжь и чиновники, как «делающие шаг», надсмотрщики и т.п., задают темп, новый для крестьян, разве что, они работают на себя, что всё более ограничивается. Помимо этого начинают основываться чисто государственные гигантские фирмы, производящие на механизированном предприятии зерно, что ещё более понижает ценность крестьянской продукции.

Как результат этого в настоящее время материально успешного предприятия по переводу крестьян к тому, что по их ощущениям должно быть принудительным трудом, описываются один корреспондентом, на протяжении лет интеллигентно рассказывающим об этих событиях (см. Новая Свободная Пресса, Вена, 1 ноября, 1930 г.): «...Крестьянство устало. Соппротивление прошлого года ничего не принесло. Восстания ещё меньше. Всё, что оказывало энергичное сопротивление, удалено из деревень, было расстреляно или изгнано по закону. Крестьянин устал и ищет пути наименьшего сопротивления, чтобы жить. Так, возможно, что этой зимой последние остатки ведущих частное хозяйство крестьян вступят в коллективные хозяйства. У них больше нет возможностей к существованию, никаких личных и экономических перспектив».

Право остаётся за каждым, рассматривать это описание как триумф или как поражение сегодняшней русской системы. Крестьянство измотано, оно подчиняется, оно не видит иного пути, никаких надежд перед собой – утверждается таким образом социализм или несётся к могиле? Приветствует его человек с радостью как наивысшее достижение или попадает к нему как сгоняемый вместе скот американских мясных фабрик, где животных гонят среди всё более сужающихся стен, пока каждое животное не схватывается за ногу, не вздёргивается ввысь, не получает разрез горла и затем оправляется в путь по фабрике на конвейере, чтобы закончить как мясо, колбаса, консервы, удобрение и т.п. Несомненно, подобный путь был указан миллионам русских крестьян в последние годы, им заперли все выходы, и они теперь утомлённо бредут навстречу своей судьбе – американская свинья с Чикаго или Омахи на мясокомбинате, российский крестьянин на зерновой фабрике, без надежды, утомленный. Так гнали слуги тысячи фараона египетских и эфиопских рабов для таскания камней на строительство пирамид, так должны были порабощённые массы отвести Бусенто, чтобы построить гробницу Алариха на дне реки, так Сталин сохраняет себя в Кремле тем, что он наконец-то измотал крестьян. Это азиатский деспотизм, а не социализм, по крайней мере, по моему ощущению.

Когда говорят, что это происходит в интересах пяти миллионов рабочих, стоящих против 95 миллионов крестьянского населения в России, даже тогда этому нет морального оправдания. Рабочие были в свою очередь первыми жертвами коммунистической диктатуры, которая отняла у них всякую независимую социалистическую волю, их профсоюзную независимость, их товарищество, и загнала их как крестьян и американских животных на убой, с закрытием всех выходов, в механизм государственных фабрик, где их последующая жизнь происходит как на конвейере. Они были разделены между собой различными шкалами зарплат и рационов и держатся в таком состоянии, что непосредственное небольшое улучшение их при возможно большем подчинении партии наполняет всю их жизнь и все стремления. Мы не слышали в эти годы от них ни одного независимого слова и только от числа преследуемых, наказуемых, заключённых, изгнанных, убитых и, возможно, как когда-то, ушедших в «нелегальную» жизнь, можно было бы узнать о настоящих настроениях в России, если бы это число было известным. Молчание настолько велико, что даже хорошо информированная тайная или иностранная пресса, бывшая столь многочисленной при царизме, кажется более не существующей, по крайней мере, не издаёт звуков, в то время как почти вся информация и книги о России выдержаны в таком духе, что даже покойный Потёмкин покраснел бы от их неправды. При этом я даже не думаю о прямо коммунистической прессе во всех странах, на которую затрачивается так много усилий, к которой, однако, каждый, кто ей не поклоняется, относится совершенно равнодушно, как к какому-нибудь богословскому трактатику или рекламному листку, которые могут всунуть кому-нибудь в руку, и на которые не взглядывают даже краем глаза.

Грустно, что до этого дошло, и это, разумеется, сказывается на всём социализме во всех странах, чьи социал-демократические приверженцы тем самым всё более угождают современному государству в объятья, за которое они цепляются, чем было и без того, а чьи свободные приверженцы теперь в этих диктаторских социалистах, с их нарастающим огрубением и физическим ужесточением, сталкиваются со злыми врагами, идейная борьба с которыми уже исключена, т.к. те выучены быть врагами всех, и служат только своим московским господам. Так, на их стороне исчезла всякая солидарность, в то время как

вольные социалисты и анархисты, т.к. они, разумеется, не желают становиться похожими на тех и всегда были тактичными, ограничены в защите и вынуждены зачастую смотреть, как социализм, внушавший в 19-ом столетии всему миру уважение, теперь теряет это уважение тем, что большевистская правительственная система, а так же фашистская, старого социалиста Муссолини, кажутся, вытекающими из него. Я говорю, кажутся, ибо столь же мало как фашизм, так и теперешний российский деспотизм, едва ли имеют какое-либо отношение к социализму, чем через некоторых личностей.

Возможно, первые большевики в их когда-то возвращенном Энгельсом, Каутским и многими другими культе Маркса слепо верили, что они – призванные к владычеству при социализме, единственно верные интерпретаторы марксизма, из собственной деятельность скоро показала, что они знали о своих ошибках, и с тех пор перенесли свою деятельность на тысячи попыток для своей элементарной сохранности, разумеется, при этом «философствуя молотом», т.е., в этом случае, кроваво вдалбливая свои новые попытки русскому народу. С этого момента они следовали только инстинкту самосохранения и являются обречённой кастой, пользующейся всё более жестокими средствами, чтобы продлить себе существование. Тем, что они после рабочих ещё и крестьян лишили радости жизни, они больше не подпиливают сук, а целое дерево, на котором сидят так, что оно больше не будет ни расти, ни стоять, а дельнейшие точки опоры у них отсутствуют за исключением последнего средства всех стоящих перед крахом правительств – войны. Этот путь они оставляют для себя тем более открытым, чем более закрываются другие пути, совсем как задетый в 1905 году царизм, который не могло укрепить время столыпинских репрессий, добивался войны, и её, к нашему общему несчастью, в неразумной тогда Европе, с тех пор не ставшей более умной, добившийся в 1914-ом.

Я никогда бы не мог подумать, что однажды будет нужным так грубо отрицать социализм, который какая-либо страна ввела бы у себя, даже если бы он не совпадал с нашими личными идеалами, как это в нашем случае неизбежно. Мы всегда были готовы уважать автономию, локальное своеобразие, начальные неурядицы, неизбежные ошибки и заблуждения и испытывать радость и солидарность с, прежде всего, доброй волей.

Но здесь всякая солидарность была цинично сломлена, а гордость Ленина и Троцкого состояла в том, чтобы обманывать социализм других направлений как при торговле лошадьми, нападать на них ночью, лишать прав, обстреливать дом анархистов из пушек, бомбардировать Кронштадт, править против всех с ЧК, а теперь с ГПУ. Кроме социалистических партий, которые в свою очередь поступили бы подобным же образом, это вскоре означало уничтожение независимой духовной и моральной жизни бесчисленного количества людей, которые вынуждены жить как лицемеры, для виду уважая сегодняшний строй, или они должны голодать и умирать с голоду, подобно безмолвным собакам. Так, всякое человеческое доверие похоронено в огромной стране – и может ли будущее принести нечто лучшее, для которого воспитывается молодёжь, являющаяся либо уже фанатиками неизвестной нам человеческой расы, как юные фашисты, или, если они притворяются, носят в себе ненависть, которая затемняет их рассудок и однажды вырваться наружу, от чего нам страшно?

Всему этому вольный социализм должен выступить навстречу более впечатляюще, чем это случается обычно. Ибо это ужасная трагедия и слишком многие ещё утешаются легкомысленными поговорками, вроде: не так это и плохо, это же социалисты и т.д. Муссолини тоже был социалистом, и там тоже нет недостатка в людях, говорящих в утешение: в Италии ведь всё выглядит вполне прилично, больше нет попрошаек и т.п. Так же великий Джордж Бернард Шоу восхищался Муссолини с этой точки зрения. Нет, всё, вероятно, ещё хуже, чем нам хочется верить, и две великих страны, Россия и Италия, будто бы фривольно исключены на много лет из человечества. Так же коммунистами в каждой стране на Земле в социализм привнесён деспотизм, и он исказил его и изуродовал. Нет какого-либо примиряющего выхода, и мы должны принять обязанность, и делаем это с охотой, ещё более громко говорит о наших вольно-социалистических идеях, яснее объяснять их, и проложить дорогу этому полноценному социализму, объединяющему свободу и солидарность.

«Исповедь» Бакунина царю Николаю I (1851 г.)

1922, источник: [здесь](#).

Передо мной лежит полный русский текст т. наз. „Исповеди“ Бакунина царю Николаю I, изд. В. Полонским для „Исторического Архива“ в Государственной типографии, Москва, 1921 г., 92 страницы, Эта книга, насколько мне известно, не переводилась и вывоз ее из России для анархиста и с целью беспристрастного исторического изучения кажется трудным, если не невозможным. Необходим полный перевод и, насколько я знаю, готовится немецкое издание. Наряду с этим была бы полезна исчерпывающая сводка и перевод обрывков, что я и начинаю делать в журналах некоторых стран. Я очень сожалею, что подробное обсуждение длинного текста, основанного на исторической и документальной очевидности, заглохнет в ограниченном кругу читателей „Freedom“-а и истощит их терпение, как не специалистов по истории революции и анархизма. И если в том, что я скажу ниже, я могу показаться некоторым безапелляционным, то это не от самонадеянности и пренебрежения к доказательствам, а от вышеуказанных причин, мешающих подробному историческому разбору предмета этой статьи.

Я с удовольствием отмечаю, что очень немногое в „Исповеди“ поразило или удивило меня, и что мне нечего вычеркнуть из моей защиты в „Humanità Nova“ (написанной в октябре 1921 г.) и в „Freedom“ (декабрь 1921 г.). Эти статьи разбивали клеветы, взведенные на Бакунина статьей в берлинском „Форуме“ экс-анархиста Кибальчича и другими статьями, порожденными предыдущей. С тех пор было напечатано („Bulletin Communiste“, 22 декабря 1921 г.) во-первых, что Кибальчич написал свою статью в ноябре 1920 года, не зная „Исповеди“, основываясь лишь на выводах и устных доводах, — во вторых, что перевод „Форума“ дает искаженный текст — все это выражения друга Кибальчича, коммуниста Бориса Суварина, — и что этот замечательный текст появился даже без ведома Кибальчича, который, месяцев шесть спустя, когда ему дали почувствовать презрение, вызванное его статьей, напечатал правильный текст в „Bulletin Communiste“ 22-го декабря. На этих небрежных и неряшливых произведениях преследователи Бакунина основывали свою травлю, простиравшуюся от итальянских журналов до нью-йоркского „Call“ и переползавшую из одного коммунистического журнала в другой. Но вернемся к предмету, к полному подлинному тексту, в тщательном издании, с отметками на полях императора Николая I, для рассмотрения которого была сделана специальная копия „Исповеди“.

Когда после шести суток, проведенных в революционной буре почти без сна, в продолжении которых он один сохранил ясное сознание и настаивал на борьбе до горького конца, Бакунин был арестован, его собственная судьба была ему безразлична и он ожидал быстрого решения суда. Длинный процесс тогда окончился смертным приговором,

замененным пожизненным заключением. Затем все дело возобновилось вторично, на этот раз в ужасных австрийских подземельях. Переправа в Россию, казалось, означала падение еще ниже и всякая надежда была потеряна. И тут случилось неожиданное: в России, с первого момента, с ним обращаются очень прилично, как с знатным государственным преступником и тогда император потребовал его „Исповедь“.

Подобный поступок был самый великодушный, какой мог исходить от этого гордого тирана; с восставшим подданным он говорил не языком, основанном на монарших или судебных прерогативах, а на притворном равенства перед „Богом“ и личном доверии и благоволении, словом, на том, что характеризует отношения между исповедником и кающимся грешником.

Мы видим из документа, что Бакунин не отверг этого единственного шанса изложить свое дело перед Николаем, который, как ему (Бакунину) было известно, был предубежден против него не только за его несомненные революционные выступления, но и многими наветами и ложью. Один из молодых русских товарищей Бакунина (А. Росс) двадцать лет спустя вспоминает, что Бакунин говорил ему, как под влиянием так сложившихся обстоятельств надежда и желание жить и снова стать свободным овладели им и заставили его с этой минуты подготавливать свое освобождение; исключительно этому стремлению и подчинился текст „Исповеди“ и все его поведение в течение десяти долгих лет. Это вытекает из лежащего перед нами документа. Но ясно также из того же источника, что Бакунин решил выиграть свободу достойными средствами. Он мог получить ее в любое время полной выдачей, о чем он никогда не мыслил. Он намеревался провести тирана — хозяина своей судьбы — более тонким способом, умалив свое собственное значение; и в то же время беря на себя полную ответственность за то, что он сделал и когда-либо намеревался сделать. Я удивляюсь, как не видел этого Николай, ибо Бакунин говорит ему именно то, что хочет сказать, часто очень смело, и тонкий налет постоянно допускаемой личной преступности, греха, безумия, раскаяния не должны бы никого обмануть. Не должен также шокировать покорный тон некоторых мест письма, ибо известно, что царь и не посмотрел бы на документ, где бы отсутствовала такая форма. С другой стороны, Бакунин иногда шутит и выставляет в глупом виде царя, например, когда он дает очень интимное описание некоторых известных революционеров, и затем говорит: „Я не говорил бы Вам, Царь, обо всем этом, не называл бы имен этих лиц, если бы не знал, что все они в безопасности в Америке“. В общем он хотел провести царя видимой искренностью, говоря правду, но далеко не всю правду, и проиграл ставку, так как характер Николая оказался мельче, чем он ожидал, именно, в следующем: Бакунин подчеркнул в начале „Исповеди“, что он принимает гуманное предложение царя и скажет правду, но только в том, что касается его лично. Он не нарушит оказанного ему доверия, не будет предателем по отношению к своим друзьям; из полного крушения он вынес в целостности только свою честь и предпочтет быть в глазах царя величайшим преступником, чем низким негодяем.

Николай I, однако, оказался не джентельменом, и написал: „Этим уже он уничтожает всякое доверие. Если он чувствует всю тяжесть своих грехов, то исповедью может считаться лишь *абсолютное, полное* признание, но не *условное*“. Другими словами, он думал найти кающегося предателя и был разочарован. Вероятно уже по прочтении 2-ой страницы он решил предоставить Бакунина его судьбе, бессрочному одиночному заключению, что и сделал. Хорошо ли упрекать Бакунина в том, что он не предвидел абсолютного ничтожества

царя и не воздержался от письма к нему? Я думаю, что он был волен делать то, что он считал лучшим, и что только „unctuous righteousness“ найдет его поступок неправильным.

В зависимости от этого в содержании „Исповеди“ не все одинаково ценно в смысле историческом и биографическом. Местами Бакунин дает живое и смелое описание, как например, когда говорит о первых неделях заграничного революционного энтузиазма после февральской Парижской революции 1848 г., или когда останавливается на отчете о русском нестроении, чиновничьем воровстве — неизбежных при подавляемом общественном мнении. Он тщательно анализирует свой собственный ум и подробно разворачивает революционные планы — русской революции и славянского восстания, начавшегося серьезной революцией в Богемии (1849). Ему доставляет удовольствие вновь разрабатывать эти схемы, существовавшие только в его голове, и в взвешивании их шансов. Временами он вспоминает свое настоящее положение и бросает царю несколько слов о грехах, неразумности и прочее, являющимися только подыгрыванием, для поддержания видимости „исповеди“. Но тем, кто знает биографический материал, ясно, с другой стороны, как много вещей он молчаливо обходит, или умаляет в значении, чтобы показать их царю в несовершенном виде; короче — он принимает все меры к тому, как мне ясно, чтобы не повредить ни лицам, ни идеям. Он ходатайствует за тех, кто в тюрьме и берет на себя большую часть их вины; он говорит свободно о тех, кто за пределами досягаемости для правительств материка; действительно, его собственное описание „Исповеди“ в письме к Герцену (1860) как произведения в роде *Warheit und Dichtung* (согласно Гётевскому заглавию своей биографии — *Истина и Вымысел*) вполне справедливо.

Те, для кого, как и для нас всех, за исключением товарищей, находящихся сейчас в России, полный текст был недоступен, упирают на тот факт, что Бакунин в 1851 г. не был объявленным анархистом и склонны приписать то, что нам кажется в документе странным, чтобы не сказать отвратительным — его неразвитости в тот период в смысле социализма и анархизма. По-моему, это ошибка. Из документов, его собственных писем начиная с 19-летнего возраста, мы знаем, что он всегда стремился к самому лучшему, к высшей ступени совершенствования как для себя, так и для всех окружающих, любимых им людей, для всего человечества. Слова „Абсолютная свобода и абсолютная любовь — вот наша цель; эмансипация человечества и всего мира — вот наша задача“ — эти слова были написаны им в возрасте 21-го года (10 августа 1836 г.); неважно, что воспитанием и окружающим он был наведен на искание способов осуществить эти стремления сперва в религии, затем в высшей философии, и что он научился Радикализму и Социализму лишь в 1842 г., вернее, что не ранее 1842 г. окончательно была потрясена его глубокая вера в правильность философии. С этого времени до 1848 г. он имел полную возможность изучать все передовые идеи в Германии, Швейцарии, Бельгии и Франции. Он был в тесном интеллектуальном контакте, часто в близких дружеских отношениях с лучшими из представителей Социализма и Рационализма на материке, как Руге, Herwegh, Вейтлинг, Маркс, Луи Блан, Консидеран, Ламенне, Прудон и многие другие. Следовательно, очевидно он знал все ходы, выходы и крайние границы, которых социализм и анархизм тогда достигли, может быть лучше, чем кто-либо в то время. Единственно чего он не сделал, это не принял определенной стороны, руководящей партии или лица; он не был ни марксистом, ни прудонистом; всякое одностороннее развитие казалось ему несовершенным. По моему мнению, он искал синтеза „абсолютной свободы и абсолютной любви“ (1836), который могут дать объединенный

анархизм и социализм и который был руководящей идеей его коллективистического анархизма „sixties“, как и современного анархизма. Он слишком долго был слепым поклонником *одной* группы идей — идей Фихте, Гегеля, и он не повторял этой ошибки после 1848 г., но с этого времени решал сам для себя и выбирал лучшее. И так поверить, что в 1851 г. он был неразвит или безразличен в этом отношении значило бы ошибиться.

Что было в то время неразвито более всего — это социалистическая тактика, потому что сами рабочие не двигались; чартистское движение не имело отклика на материке; все ограничивалось несколькими пропагандистскими группами и конспиративными центрами. Этим объясняется, почему свободно обсуждалась тогда идея диктаторства, имевшая в виду прежде всего доброжелательное воспитание, как противоположность реакционной косности и парламентарной бесплодности, так как сами рабочие не двигались. Следовательно Бакунин не был убежденным сторонником власти (authoritarian), так как он употребил бы это как средство за недостатком других; точно также это начальное положение вещей в самом младенчестве движения не может быть аргументом в наши времена, а те, кто употребляют его, как аргумент, допускают, что по их мнению, рабочие, как в 1922, так и в 1848 г. — дети, нуждающиеся в помочах. Но тогда пусть они открыто признаются в этом.

Есть другая причина некрасивых мест „Исповеди“ — это национализм, черствый, грубый национализм. Это заставило Бакунина в 1848 году забыть западную демократию и погрузиться с головой в схемы славянской федерации, требующей войн. Он начал с того, что перенес в эти схемы свои идеи свободы и социальной солидарности, но его идеалистический национализм был бессилён против практического национализма. Отсюда, вразрез, конечно, со своими собственными идеями, так сильно высказываемыми им раньше, одиночество и националистическая злоба и отчаяние за бездействие самих славян заставили его написать воззвание к царю Николаю I, с раскаянием в прошлых грехах, с просьбой о прощении и с мольбой к царю о защите всех притесняемых славян, о том, чтобы он стал их спасителем и отцом и поднял бы славянское знамя на западе Европы к смущению германцев и всех других угнетателей славян. Он не кончил этого письма и сжег его (июнь-июль 1848 г.). Это показывает, куда логически ведет национализм даже лучших людей; он привел Бакунина, по крайней мере по духу и намерениям, в объятия Николая I; он привел других в 1914 г. в объятия Николая II; и если будет какой-нибудь Николай III, другие, одержимые этим демоном национализма, попадут и в его объятия[[<http://oldcancer.narod.ru/Atabekian/P/22-89.htm#p6-1>][*]]. Не стану больше говорить на эту тему; я чувствую, что бакунинская „Исповедь“ — самый могучий предостерегающий вопль против национализма, который когда-либо раздавался. Он не был свободен от этой националистической крайности, заглушающей его лучшие чувства до 1864 г., когда в нем возбудило надежду *международное рабочее движение*, которое тогда началось.

„Исповедь“ осталась без ответа, хотя она затронула националистические чувства царя, и она означает, повторяю, не недостаток, не предательство Бакунина, а есть логический вывод националистического мировоззрения. Другие ходатайствовали таким образом перед Наполеоном III, Бисмарком, или „человеком на улице“ в Лондоне. Это совершенно аналогично; национализм сильных осуществляется тотчас же как империализм, национализм малых и слабых передается сильнейшему как дополнение и поддерживается

им как орудие, если это выгодно для сильнейшего.

Бакунин в конце „Исповеди“ усиленно восставал против мук одиночного заключения, которому он подвергался уже два года, и просил другого наказания, как бы оно ни было строго. Этот на редкость общественный человек, который всегда жил в широких и дружеских кругах, должен был просидеть в одиночной тюрьме пять с половиной долгих лет, пока его здоровье не разрушилось и он был на границе самоубийства. Тогда его старуха мать просила за него царя Александра II: ей было отказано, но князь Горчаков намекнул ей, что царь снизойдет к личной просьбе, написанной самим Бакуниным. Итак, каприз царя ставил перед заключенным альтернативу — безнадежное пребывание в одиночном заключении до смерти, или просьба: он выбрал последнее. Мелочность этого царя характеризуется тем фактом, что Бакунину пришлось употребить в десять раз больше покорных фраз, чем в 1851 году в обращении к внушавшему всем трепет самому Николаю I. Он выдержал эту церемонию и сделал трогательное и памятное описание мук медленной смерти от одиночного заключения (14 февраля 1857 г.).

Пять дней спустя царь написал: „Не вижу другого пути для него, как поселение в Сибири“ и он был сослан в Томск (Западная Сибирь), потом в Иркутск (южная Сибирь, 1859 г.), откуда летом 1861 года он наконец бежал через Японию и Америку в Лондон (декабрь 1862 г.).

Эти заметки должны быть достаточными, чтобы предостеречь товарищей против других статей типа статьи Кибальчича, а также против нежелательного и потрясающего впечатления, которое текст или перевод „Исповеди“ 1851 г. и письма к Александру II 1857 г. произведет на читателя, знакомого с позднейшими бакунинскими произведениями и идеями и не изучавшего истории его ранней жизни, известной тем не менее по бесчисленным источникам, хотя об ней очень мало писалось по-английски. Быть справедливым, и рассуждать на основании серьезных исторических данных — вот все, что требуется, и тогда также и эта исповедь встретит полное понимание, как человеческий документ действительности и фантазии, смелости и хитрости — порождение их *середины*, что и не могло быть иначе.

22 марта 1922 г. *М. Неттлау*.